

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)



oriental Studies (Elista)

(Вестник КИГИ РАН)





Oriental Studies

2019. № 4

ОРИЕНТАЛИСТИКА

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство СМН ПИ № ФС77-71236

Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2019
- © Коллектив авторов, 2019

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.

Certificate of Registration ПИ No. ФC77-71236

Published six times a year.

Founding Institution, Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

проф. антропологии *К. Хэмфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);

д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);

акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
- Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol. and Hist.) *A. Burykin*, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation);
- Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
- Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
- Cand. Sc. (Philol.) *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *G. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
- Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *S.-Kh. Syrtyanova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
- Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
- Prof. Emeritus (Anthrop.) *C. Humphrey*, University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
- Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhangrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Археология	<i>Николаева Н. А.</i> Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций	570
	<i>Кекеев Э. А.</i> Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности)	580
	<i>Русаков М. Ю.</i> Специфика набора вооружения раннескифских погребальных комплексов Нижнего Дона	601
Всеобщая история	<i>Кузьмин С. Л.</i> Барга под контролем монгольских повстанцев в 1917 г.	615
Отечественная история	<i>Тепкеев В. Т.</i> «Всемилоостивейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления в ханское достоинство Дондук-Омбо в 1737 г.	627
	<i>Белоусов С. С.</i> Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней Киргизской Орды Астраханской губернии. XIX в.	634
	<i>Доржу З. Ю., Ширан Р. О.</i> Социально-бытовые условия жизни населения г. Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961)	645
Этнология и антропология	<i>Сувандии Н. Д.</i> Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии	661
Источниковедение	<i>Айыжы Е. В., Мандан-Хорлу М. М, Монгуш А. Ч.</i> Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник (часть 1).	669
Языкознание	<i>Даржаева Н.</i> Квазисинонимические уступительные конструкции в бурятском языке	682
	<i>Кара-оол Л. С.</i> Числительные в топонимах Тувы	691
Фольклористика	<i>Убушиева Д. В., Дамринжав Б.</i> Матримониальные коллизии в калмыцком эпосе «Джангар» и сказаниях тюрко-монгольских народов Сибири	707
Литературоведение	<i>Мирзаева С. В., Тувшинтугс Б.</i> Монголоязычные версии «Сутры о восьми светоносных» (монг. <i>Найман гэгээн</i> , калм. <i>Нээмн гэгээн</i>): об истории изучения и списках в фондохранилищах России	716
	<i>Янгутон Л. Е.</i> Рец. Панчен-лама Лосанг Еше. «Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: обнаженное руководство по этапам пути просветления // пер. с тиб., коммент. и прил. А. В. Лощенкова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.	728

CONTENTS

Archaeology	Nikolaeva N. The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations. Part 2	570
	Kekeev E. Sacrificial Complexes in Bronze Age Mounds: Archaeological Evidence from Burials of the Ergeni Upland	580
	Rusakov M. Weaponry from Early Scythian Burial Complexes of the Lower Don Region	601
World History	Kuzmin S. Barga (Hulunbuir) under the Control of Mongolian Guerrillas in 1917	615
National History	Tepkeev V. ‘ <i>This Is to Grant You, Our Subject, a Merciful Favor of Ours and Inaugurate as Khan of the Kalmyks</i> ’. The 1737 Ceremony of Proclaiming Donduk Ombo Khan	627
	Belousov S. The Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Governorate: the Impact of Trades and Crafts People on the Establishment of Stationary Settlements in Kazakh-Inhabited Lands. 19 th Century.	634
	Dorzhu Z., Shirap R. Kyzyl — the Capital of Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961): Social and Living Conditions of the Population	645
Ethnology & Anthropology	Suvandii N. Ethnic Tuvans of Mongolia: Official and ‘Second’ Names	661
Sources Studies	Ayizhy E., Mandan-Khorlu M., Mongush A. V. P. Yermolaev’s Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 1	669
Linguistics	Darzhaeva N. Quasi-Synonymous Concessive Constructions in the Buryat Language	682
	Kara-ool L. Numerals in Toponyms of Tuva	691
Folklore Studies	Ubushieva D., Damrinjab Ba. Matrimonial Collisions in the Kalmyk Epic of <i>Jangar</i> and Legends of Siberia’s Turko-Mongols.	707
Literary Studies	Mirzaeva S., Tuvshintugs B. Mongolian-Language Versions of <i>The Sutra of the Eight Luminous</i> (Mong. <i>Найман гэгээн</i> , Kalm. <i>Нээнн гэгээн</i>): a History of Studies and Copies in Russian Repositories	716
	Yangutov L. Book Review: Panchen Lama Losang Yeshe. <i>Lamrim «Bystryi put’ k vsevedeniyu»: obnazhennoe rukovodstvo po etapam puti prosvetleniya</i> [The Lamrim Titled ‘A Swift Path to Omniscience’: an Essential Guidance on the Stages of the Path to Enlightenment]. A. Loshchenkov (transl., comment., appendix). Ulan-Ude: Buryat Scient. Center (Sib. Branch) of RAS, 2018. 224 p.	728



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 570–579, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902.6

Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций (часть 2)*

Николаева Надежда Алексеевна¹

¹ Московский государственный областной университет — МГОУ (д. 10А, ул. Радио, Москва 105005, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

ORCID: 0000-0003-3961-9284. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Аннотация. *Цель статьи* — реконструкция древнейшей истории Предкавказья. *Материалы.* В части 1 дана полная информация об уникальном памятнике на территории Предкавказья (Джангар/Улан Толга, курган 1, Калмыкия, Октябрьский район, пос. Джангар). *Методы.* Использованы как традиционно археологические методы, применяемые при раскопках (стратиграфический, сравнительно-типологический), так и сравнительно-исторический и метод лингво-культурной атрибуции в части интерпретации памятника (часть 2). *Обсуждение и результаты.* Показано, что погребения в кургане отражают в хронологической последовательности события миграционного характера в истории Предкавказья эпохи энеолита и бронзового века, связанные с древней историей Центральной и Восточной Европы (часть 1). *Выводы.* Первая, тохарская, миграция отмечена погребениями с зооморфными скипетрами. Вторая миграция, индоиранская, разделяется в Предкавказье на индоариев в западной части (новотитаровский вариант кубано-днепровской культуры с повозками) и праиранцев (древнеямная культура). Третья миграция древнеевропейцев завершилась и выразилась в существовании в Предкавказье памятников катакомбной культуры вплоть до прихода племен срубной культуры с востока, которая ознаменовала иранскую реконкисту Степи в XIV–XIII вв. до н. э.

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, Предкавказье, индоевропейские миграции, зооморфные конеголовые каменные скипетры, новоданиловская/скелянская культура, ямная культура, катакомбная культура

Благодарности. Автор выражает благодарность д-ру ист. наук Марии Александровне Очир-Горяевой за ценные замечания по статье, д-ру ист. наук Александру Григорьевичу Козинцеву — за плодотворное обсуждение индоевропейской проблемы и д-ру ист. наук Надежде Сергеевне Котовой — за экспертное заключение по керамике, найденной в Джангаре.

* Предлагаемый текст является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала [Николаева 2019: 355–366], по материалам раскопок в 1985 г. кургана Джангар/Улан-Толга с погребением 1/3 с зооморфным конеголовым скипетром, единственным из пяти погребальных памятников со скипетрами такого рода (Касимчи в Добрудже, Суворово в низовьях Дуная, Архара в Калмыкии, Шляховской в Нижнем Поволжье), для которого имеются исчерпывающие данные по краниометрии, стратиграфии и ранее неизвестные предметы культа плодородия (каменные идолы), расширившие зону поиска исходного центра миграции, а значит, и хронологии зооморфных каменных скипетров.

Для цитирования: Николаева Н. А. Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских миграций. *Oriental Studies*. 2019;(4): 570–579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579.

UDC 902.6

The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations. Part 2

Nadezhda A. Nikolaeva¹

¹ Moscow Region State University (10A, Radio St., Moscow 105005, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0003-3961-9284. E-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Abstract. Objectives. The study aims to reconstruct a fragment of the ancient history of Ciscaucasia. **Materials.** Part 1 provides a complete information on the unique burial complex in Ciscaucasia — Dzhangar/Ulan-Tolga mound 1, Kalmykia. **Methods.** Archaeological methods, such as stratigraphic and typological ones, are used to reconstruct the linguistic and cultural situation in the region. **Discussions and results.** The paper shows that burials within the mound indicate a chronological sequence of migrations from Central and Eastern Europe during the Eneolithic and the Bronze Age. **Conclusions.** The first migration, supposedly a Tocharian one, is evidenced by burials with zoomorphic scepters. The two subsequent migrations, Indo-Iranian ones, can be associated with Indo-Aryans of Western Ciscaucasia (Novotitarovka version of the Kuban-Dnieper culture with carriages) and Proto-Iranians of Eastern Ciscaucasia (Pit-Grave culture). The third Indo-European migration is mirrored by the Catacomb culture which lasted until the arrival of the Timber-Grave population from the east, apparently evidencing the Iranian Reconquista of the steppe in the 14th – 13th centuries BC.

Keywords: Eneolithic, Bronze Age, Ciscaucasia, Indo-European migrations, zoomorphic horse-headed stone scepters, Novodanilovka / Skelya culture, Pit-Grave culture, Timber-Grave culture

Acknowledgements: The author expresses deep gratitude to Dr. Maria A. Ochir-Goyaeva for her most valuable comments on the article manuscript; to Dr Alexander G. Kozintsev for a fruitful discussion on the Indo-European problem, and Dr. Nadezhda Sergeevna Kotova for an expert opinion on ceramics found in Dzhangar.

For citation: Nikolaeva N. A. The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations. Part 2. *Oriental Studies*. 2019;(4): 570–579. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-570-579.



Введение. Территория Калмыкии представляет собой уникальный археологический заповедник курганных памятников всех эпох. Особенно это касается погребальных памятников энеолита — бронзового века III–II тыс. до н. э., которые являются предметом нашего исследования. В то же время благодаря масштабным спасательным археологическим раскопкам в зонах строительства

крупных объектов народно-хозяйственного значения советского периода, территория Калмыкии хорошо исследована в археологическом отношении, что сделало возможным создание свода памятников на территории Республики Калмыкия, изученных в период 1929–1997 гг. [Очир-Горяева 2008], именно этот свод открыл дорогу для появления новых работ обобщающего характера.

Цель исследования — рассмотрение проблематики, связанной с миграцией культуры носителей зооморфных (конеголовых) скипетров, в свете концепции нескольких индоевропейских прародин [Сафронов 1989].

Историография вопроса, охватывающая почти столетний период, весьма значительна и изложена в ряде работ [Дергачев 2007; Николаева 2011а], из чего следует, что зооморфные каменные скипетры являются ключевым объектом ряда важных нерешенных историко-археологических задач: 1) место, время, причины появления экстенсивного скотоводства в Центральной Европе; 2) портрет материальной культуры и язык первых пастухов по данным археологии; 3) хронология, траектория и направления передвижения пастухов; 5) контакты пастушеского и оседло-земледельческого населения Европы; 6) индоевропейская история Предкавказья.

Обсуждение. С первыми находками скипетров возник вопрос о семантике этих предметов. Предлагались самые фантастические решения от гиппопотама до топора. находка в погребении у с. Суворово каменного скипетра, изображающего, несомненно, голову лошади, завершила дискуссию и открыла обсуждение вопроса о месте приручения лошади (степи Центральной или Восточной Европы), о появлении всадничества, «являвшегося предпосылкой для мобильных форм пастушества и конной охраны стад и табунов» [Даниленко 1974: 86]. Однако эта дискуссия пока не закончена. Хронология скипетров устанавливалась в широких рамках по находкам их в ареале цивилизаций Юго-Восточной Европы [Дергачев 2007; Манзура 2000].

В середине XX в. «владеющие скипетрами» (удачное выражение принадлежит И. В. Манзуре [Манзура 2000]) нашли свое место в индоевропейской концепции как вожди первых мобильных скотоводов-праиндоевропейцев, носителей древнеямной культуры степей Евразии [Гимбутас 2006: 398–399; Даниленко 1974: 87–106], хотя более узкая лингвистическая атрибуция носителей скипетров остается неопределенной. Однако разработка индоевропейской (далее ИЕ) проблемы как междисциплинарного исследования с участием археологии не стояла на месте. Менялось мнение о значении

скипетров в системе этнокультурных взаимодействий в энеолитической Европе.

В «курганной концепции» индоевропейской прародины М. Гимбутас скипетры рассматривались в составе первой волны миграции степного населения в область древней цивилизации Европы [Гимбутас 2006: 398]. После суворовской находки скипетра к индоевропейской теме обратился В. Н. Даниленко [Даниленко 1974: 107], поскольку в портрет праиндоевропейской культуры, по данным лингвистики, входит одомашненная лошадь. По М. Гимбутас и В. Н. Даниленко, лингвистическая атрибуция владеющих скипетрами была праиндоевропейская. Затем эта идея была подкорректирована ее последователями [Mallory 1989; Anthony 2007; Телегин 2000]. В качестве предтечи индоевропейской общности они рассматривали памятники мариупольско-сѣзжинской общности, эволюционирующей в среднестоговско-хвалынскую. К первой волне ИЕ миграций они тоже относили вторжение степняков-скотоводов с зооморфными скипетрами в Подунавье.

Поскольку скипетры рассматривались сначала в составе ямной и «курганной» культуры [Гимбутас 2006: 398–399], а потом в качестве новоданиловской [Телегин 2000] или суворовской [Манзура 2000; Дергачев 2007] группы в среднестоговской культуре, автохтонной для Восточной Европы и исходной для ямной культуры, то направление миграции владельцев скипетров с востока на запад диктовалось азово-каспийским ареалом, выбранным в качестве области происхождения среднестоговской и ямной культур, и как ареал индоевропейской прародины. Сыграло свою роль в выборе вектора движения убеждение, что скипетры развивались от простого к сложному, от схематических — к реалистическим, что далеко не бесспорно [Дергачев 2007; Телегин 2000: 22], тем более оба типа встречены в обоих анклавах.

Противоположное направление движения носителей скипетров — с запада на восток — рассматривалось, исходя из концепции индоевропейских миграций с запада на восток, из районов Центрально-Восточной Европы в степи Восточной Европы [Сафронов 1989; Николаева 2010а; Николаева 2011а]. В. А. Сафроновым впервые был выделен общий хронологический гори-

зонт: домайкопский в предгорьях западной и центральной части Северного Кавказа и доямный — в степях Восточной Европы. Главным признаком, объединяющим эти горизонты, стали зооморфные скипетры. Поскольку обряд погребений со скипетрами «на спине скорченно» совпадает с классическим древнеямным обрядом, то скипетры были отнесены ко времени *Триполья В1-В2* по трипольским импортам, найденным в древнейших погребениях с «ямным обрядом» в Северном Попрутье (Думяны 15/1), хотя сам обряд погребения еще не достаточный показатель отнесения погребально-го памятника к ямной культуре [Сафронов 1989: 203, рис. 52].

Следует рассмотреть *факты, предопределяющие направление миграции и хронологию*. Зооморфные каменные скипетры фиксируются в двух удаленных более чем на 1 000 км анклавах [Телегин 2000: 21, рис. 1], на поселениях аграрных цивилизаций Юго-Восточной Европы и в погребениях степных культур, автохтонов Восточной Европы. Вся выборка состоит из 40 экземпляров: из них реалистических — 8 экз., схематических с изображением деталей узды — 7 экз. и без нее — 3 экз. Типологически они неоднородны [Телегин 2000: 21, рис. 3]. Стандарт прослеживается только в трех вариантах, и все три типа (реалистические и схематические в двух вариантах), встреченные в обоих анклавах — в Нижнем Подунавье и в Предкавказье, например, *Могошешти* и *Джангар*, *Обыриени* и на р. Фарс (рис. 1), представляют собой точные копии друг друга. Это обстоятельство следует объяснять быстрым и возвратно-поступательным движением «владеющих скипетрами». Какой центр из двух является исходным в миграции, по этим данным установить невозможно, и все типы скипетров следует считать практически синхронными и не растягивать время их бытования в культурном пространстве на тысячелетие, как это принято сейчас в научной литературе [Телегин 2000: 23], особенно при манипуляции калиброванными данными, которые теоретически и практически не обоснованы, поскольку ничего не изменили в относительной хронологии культур Европы, но утратили связь с исторической шкалой хронологии Древнего Ближнего Востока.

Для определения древнейшего типа классификация скипетров мало что дает из-за малочисленности выборки в каждом варианте. Таким образом, на основе только сравнительно-типологического метода хронологию и направление движения конных пастухов, «владеющих скипетрами», установить не удастся.

Если нельзя установить сравнительно-типологическим методом древнейший центр изготовления и, соответственно, направление миграции по степям (с востока на запад или наоборот), то на первый план выходят поиски косвенных доказательств: наличие экономической основы передвижения на большие расстояния (способы жизнеобеспечения и транспорт), поскольку эти процессы имеют свою локализацию, предопределенную всем предшествующим развитием.

Рассмотрение только понто-каспийских степей в качестве единственно возможного центра одомашнивания лошади всегда было спорным. Для определения центра доместикации важно учитывать не только существование дикой лошади и степного пространства, но и всё предшествующее культурно-экономическое развитие, создающее потребности людей в необходимости такого транспортного средства. С этой точки зрения в качестве подобного центра подходили бы в большей степени те регионы, куда раньше пришла производящая экономика. И этим регионом является Центральная Европа. *Переход к пастушеству с большей вероятностью совершился там, где занимались скотоводством и где были причины сделать одно из направлений комплексной экономики доминирующим в связи с климатическим коллапсом*. Эти вопросы также решаются в рамках индоевропейской проблемы.

За последние 25–30 лет произошли изменения в вопросе культурной атрибуции скипетров. С точки зрения методики в случае находки скипетра важно установить, выступает он чужеродным элементом по отношению к археологическому комплексу, где он был найден, или является органически неотъемлемой частью этого культурного контекста. Однако этот методический принцип не выполняется в отношении обоих анклавов со скипетрами.

Первоначально зооморфные скипетры приписывались к ямной культуре, но в настоящее время все археологические культуры степного энеолита, которые ранее определялись как этапы (варианты) ямной культуры [Даниленко 1974], рассматриваются как отдельные самостоятельные культуры¹. Встает вопрос, к какой культуре относятся сейчас зооморфные скипетры.

В среднестоговской культуре скипетров не найдено, но нестандартные («абстрактные») варианты скипетров найдены в хвалынской культуре, ареально и синхронно связанной со среднестоговской. Совершенно очевидно, что скипетры в хвалынском контексте — это, возможно, заимствование, притом малочисленное. Согласно Д. Я. Телегину, скипетры рассматривались в рамках обособленной им новоданиловской группы в среднестоговской энеолитической культуре. Со временем группа изменила свой таксономический статус и стала новоданиловской культурой [Телегин 2000: 23] (подробнее о приоритетах и трансформациях см.: [Котова 2006: 11–14]), хотя и новоданиловская культура, по нашему мнению, — тоже неполный эквивалент культуре «владеющих скипетрами». Объективной трудностью в культурной атрибуции является то, что скипетры пока не обнаруживаются в комплексе с керамикой, а керамика, обнаруживаемая в новоданиловских памятниках, относится к нескольким разным культурам, поэтому важно обосновать степень родства или отсутствия такового у скипетров относительно культурного пространства, где их находят посредством выделения инновационного ядра.

Инновации, проявившиеся в степных памятниках и в комплексах земледельческих культур Юго-Восточной Европы в период *Триполье В2/С*, тождественны. Это стандартный кремневый инвентарь, булавы, низки бус из раковин, балкано-карпатский импорт медных изделий, *неместная* для обоих анклавов керамика с примесью ракушки в тесте, т. н. «Кукутень С», отсутствие орнамента, «обряд погребения на спине скорченно», плоские могильники,

¹ Однако неопределенность в культурной атрибуции этих артефактов сохраняется: часть исследователей считает, что владеющие скипетрами — носители ямной культуры [Кореневский 2012].

использование камня в кромлехах, гробницах) [Манзура 2000; Котова 2006: 13; Дергачев 2007]. Этот комплекс рассматривался сначала инновационным по отношению к автохтонной среднестоговской культуре из-за малого числа общих признаков. Но необоснованное расширение состава и ареала новоданиловского комплекса на всем пространстве от Прута до Волги и Кавказа, подвергнутое сомнению специалистом по энеолиту Украины Н. С. Котовой [Манзура 2000; Котова 2006: 11–13], заставило искать решение в создании новых культурных сочетаний. Появился термин «скелянская культура», в которую включаются и скипетры, и расширенная новоданиловская группа, и средние слои поселения Стрильча Скеля [Котова 2006: 14]. Объединение погребения со скипетрами с синхронными им слоями поселений среднестоговской культуры в один культурный блок (Ю. Я. Рассамкин, В. Я. Кияшко) [Манзура 2000: 239; Котова 2006: 14] неприемлемо, поскольку общий инвентарь может быть свидетельством ареальных контактов [Телегин 2000: 23; Котова 2006: 9–17].

Что касается западного анклава скипетров, которые обнаружены в виде случайных находок рядом или где-то на поверхности слоя земледельческих поселений культур Гумельница, Кукутень-Триполье, то сложно считать их надежно датированными. На наш взгляд, скипетры, которые находят в слое поселения, не могут быть датированы временем накопления всего слоя поселения. Отсутствие решения вопроса зависит от разных подходов к интерпретации одних и тех же фактов. Логичнее предположить, что скипетры как инородное включение свидетельствуют о внешних событиях, прекращающих жизнь на поселениях, а значит, и датируются концом жизни поселений, не ранее конца *Триполье В1* [Николаева 2011б: 177–182]. Датировать скипетры временем всего периода *Триполье В1* методически неверно, тем более поселения горизонта *Гумельница–Караново VI* с находками скипетров сразу сменяются «степным горизонтом Болераз–Сэлкуца IV–Чернавода I» с выше-названным инновационным комплексом, свидетельствующим о разрушениях аграрных обществ, вызванных вторжением *извне*. Однако это противоречит выдвинутой

несколькими исследователями модели внутреннего драматического конфликта между цивилизациями Юго-Восточной Европы, сопровождаемого хиатусом лет на 500 (?), и «владеющие скипетрами» являются частью этих событий².

Направление миграции должно решаться на основании хронологии памятников: от более ранних к более поздним. Поскольку никаких надежных дат до новых находок не предвидится, то следует ориентироваться на аксиому, что неолитизация (появление керамики) Восточной Европы запаздывает относительно Центральной Европы приблизительно на 2 тысячи лет. Культуры Юго-Восточной Европы (Старчево-Кереш; Винча и культуры винчанского круга) — общества с производящей экономикой, которые появились, во-первых, хронологически раньше, чем пастушеские, в Центральной Европе, а во-вторых, раньше, чем керамика культур Восточной Европы. Это относится и к хвалынской культуре, где найдены, по мнению Д. Я. Телегина [Телегин 2000: 22,

² Причины, которые могли вызвать движение «владеющих скипетрами», анализирует И. В. Манзура в своей статье. Он показал, что «драматические явления», возникшие в обществе земледельцев Юго-Восточной Европы, имели место в период *Триполье В1-В2*, что выразилось в появлении инноваций, в которые, кроме скипетров, включаются кремневые ножевидные пластины, кремневые трапециевидные топоры, стрелы или наконечники копий, керамика с примесью ракушки, обозначаемая как «Кукутени С» [Манзура 2000: 252]. Хотя самые ранние проявления керамики типа «Кукутень С» однозначно связывались всеми исследователями с культурой «владеющих скипетрами», И. В. Манзура показывает, что *эта керамика появляется в Юго-Восточной Европе раньше, чем в Степи* [Манзура 2000: 262–263]. Разбирая каждую категорию артефактов культуры со скипетрами, исследователь определяет движение «владеющих скипетрами» *с запада на восток*; приходит к выводу, что движение инициировалось со стороны культуры Кукутени, которая вытеснила Гумельницу. В декларируемой связи поселений Юго-Восточной Европы и зооморфных скипетров также не оговорена методика датировки скипетров, попавших в слой поселения, поэтому находки скипетров исследователи датируют временем всего периода существования поселения, а это может составлять сотни лет [Дергачев 2007; Телегин 2000: 23].

37], самые древние скипетры, поскольку они самые примитивные. Напротив, исходя из приведенных выше фактов, эти абстрактные скипетры в хвалынской культуре должны датироваться позже, чем их центрально-европейские аналоги.

Результаты. Объяснение механизма этих процессов лежит в области концепции индоевропейских прародин и последующих миграций. Зооморфные конеголовые скипетры являются отражением тех исторических процессов, которые привели к исчезновению ряда высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур Юго-Восточной Европы. Причинами стали изменение климата (аридизация) и невозможность для индоевропейцев заниматься земледелием в северных широтах, что вызвало отток аграрного населения сначала с севера на юг, а потом с запада на восток в виде первых пастухов.

Не останавливаясь на критике аргументов «степной концепции» индоевропейской прародины, рассмотрим, как объясняется разрушительный фактор культуры «владеющих скипетрами» в рамках концепции 4-х прародин праиндоевропейцев [Сафронов 1989; Николаева 2010а: 69–71]. В этой концепции увязаны разные стадии эволюции праиндоевропейского языка с археологическими культурами на основании соотнесения портрета культуры, по данным языка, и археологии. С распадом последней поздней праиндоевропейской языковой общности (уход культуры воронковидных кубков из области культуры Лендель на север до Южной Скандинавии) начинаются миграции, в том числе и восточные миграции индоевропейцев, которые составляют содержание эпохи энеолита и бронзового века в степях Восточной Европы, в Предкавказье и на Северном Кавказе.

Индоевропейская праистория начинается с момента выделения праиндоевропейского (далее — ПИЕ) из бореального языка (индо-урало-алтайского, по Н. Д. Андрееву) (подробнее см.: [Николаева 2010а; Николаева 2011б]).

Предки праиндоевропейцев в финальном палеолите севера Центральной Европы были «охотниками на северного оленя» и, спасаясь от последнего похолодания плейстоцена, ушли в Малую Азию, где стали *первыми скотоводами*, приручив козу, а в

результате контактов с афразийцами/прасемитами приобрели навыки земледелия, дополнив свой хозяйственно-культурный тип. Преимущество производящей экономики позволило праиндоевропейцам выйти на новую ступень развития — уровень протоцивилизации. Они построили свой протогород в Малой Азии, Чатал Гюк, который стал раннепраиндоевропейским центром и центром ностратического союза афразийцев/прасемитов, евразийцев/праиндоевропейцев, пракартвелов, эламитов и дравидов. С VI тыс. начинается глобальная засуха, что привело к уходу части населения Малой Азии в увлажненную Европу на Балканы и Среднее Подунавье. Они принесли в Европу первый опыт экстенсивной производящей экономики и керамику. Местные охотники и собиратели становились земледельцами и скотоводами. Археологически эта стадия неолитизации Европы отвечает сосуществованию в Европе малоазийской культуры Старчево и автохтонной культуры линейно-ленточной керамики.

Палеогенетики подтверждают факт появления производящей экономики Европы посредством миграции населения из Анатолии присутствием в геноме населения Европы компонента анатолийских фермеров (AF). Однако по языку первые земледельцы-скотоводы, носители культуры Старчево, были «северокавказцами» [Сафронов 1989: 296–272] и, будучи теснимыми в IV тыс. до н. э. праиндоевропейской культурой Винча, ушли в Восточную Европу, где возникают первые керамические неолитические культуры такие, буго-днепровская, днепро-донецкая, а на следующем этапе среднестоговско-хвалынская³.

Вторая волна анатолийских фермеров принесла в Центральную Европу интенсивное земледелие, крупный рогатый скот и обработку металлов (медь), за чем последовали новая организация общества, возникновение городов, письменности. Этому процессу соответствует появление культуры Винча и культур винчанского круга — Боян, Дудешти, Кукутени-Триполье, Гумельни-

ца, Тиса. Достижения этой цивилизации были восприняты автохтонами Европы, что привело к дальнейшему освоению Европы. В атлантический период голоцена земледелием занимались даже в Южной Скандинавии. Центральная Европа заговорила на праиндоевропейском языке как языке общения. Распространение на больших площадях привело к ослаблению связей между праиндоевропейцами, что привело к распаду последней праиндоевропейской культурно-лингвистической общности.

В IV тыс. в Центральной Европе обозначилось разделение праиндоевропейской общности на две части: *северная группа «древнеевропейцы»*, представленная культурой воронковидных кубков (КВК), сменяемой в III тыс. до н. э. своими производными — культурой шнуровых керамик (КШК) и культурой шаровидных амфор (далее — КША), и *южная группа* («фракийцы» и хетто-лувийцы), представленная земледельческими культурами Юго-Восточной Европы⁴. Аридизация климата на рубеже IV–III тыс. до н. э. привела к культурной и языковой диверсификации двух групп индоевропейцев. Процессы распада сменяются процессами объединения. Часть древнеевропейцев (КВК), которые первыми испытали сложности с ведением земледелия на севере, возвращается в Среднее Подунавье. Их сосуществование с потомками дунайских праиндоевропейцев (археологический эквивалент — культура Лендьел IV и полгарские культуры Тисо-Дунайского междуречья) нашло отражение в оформлении греко-фригийско/(армяно)-арийской лингвистической общности, в археологическом отношении — образовании культурно-исторического горизонта Болераз/Баден, в котором формируется и древнеямная культура (ДЯК I) [Сафронов 1989; Николаева 2010а; Николаева 2011б].

Уход ариев со своей дунайской прародины отразился в появлении в степях Восточной Европы и в Предкавказье древнеямной культуры. Распад арийской общности проходил по данным лингвистики в три этапа: 1) уход ариев, 2) распад оставшихся индоиранцев (ДЯК I с плоскодонной керамикой) между Бугом и Днепром на индоариев

³ Дальнейшая миграция северокавказцев направлена в Закавказье [Сафронов 1989: 256–273, рис. 80]. В Калмыкии этой миграции северокавказцев соответствует неолитическое поселение *Джангар*, раскопанное П. М. Кольцовым [Кольцов 2004].

⁴ Под протохеттами мы подразумеваем население среднего Триполья.

и праиранцев, 3) параллельное существование индоариев от Дуная до Кубани в виде кубано-днепровской культуры с повозками и плоскодонной керамикой и праиранцев (ДЯК II – позднеревнеямная культура с круглодонными сосудами). Долгое пребывание праиранцев в Восточной Европе фиксируется контактами с финно-уграми, по данным лингвистики. Археологически это выражается в переходе праиранцев к круглодонным сосудам, хотя у индоиранцев и индоариев керамика плоскодонная.

Однако арии были не первыми пастухами в Восточной Европе. Переход к пастушеству произошел в Среднем Подунавье одновременно с domestикацией лошади. Конкретный центр появления древнейших пастухов в Западной Европе, их конкретная археологическая культура пока не установлены, но, по данным языка, известно, что первыми пастухами стали тохары, которые раньше других отделились от древнеевропейского и находились ближе других к протохеттам. Тохарский язык ближе других индоевропейских языков стоит к хеттскому, который является языковым эквивалентом культуры *Кукутень А – Триполья В*. Черты сходства тохарского с хеттским могли возникнуть тогда, когда тохары, «владеющие скипетрами», достаточно долго находились на территории земледельческих культур Юго-Восточной Европы. Второй маркер миграции тохар на восток фиксируется уральско-тохарскими заимствованиями, которые могли возникнуть только во время пребывания тохар в степях от Днепра до Волги, где они граничили с нео-энеолитическим населением лесостепных регионов (среднестоговско-хвалынская культурная область), говорившим на уральском языке.

«Владеющие скипетрами» соответствуют условно названным лингвистами «тохарам», поскольку, будучи вытесненными в ходе последующей миграции древнеяниками-индоиранцами в XXV в. до н. э. за Волгу, они дошли до Енисея и Монгольского Алтая или Восточного Туркестана, где в 1920-х гг. были найдены таблички с текстами на неизвестном индоевропейском языке, который был назван тохарским. Единственная археологическая культура на Среднем Енисее и Алтае, соответствующая, с одной стороны, индоевропейской и тохарской по

территориальной близости к памятникам тохарского языка в Восточном Туркестане, и, с другой — по «обряду скорченно на спине», по форме могильного сооружения, по присутствию металла, по острононным сосудам, по заполнению орнаментом всего сосуда, по каменным «утюжкам», встреченным в среднестоговском поселении Константиновка на Нижнем Дону, по чашам на ножках, может быть пока только афанасьевская культура, что позволяет считать ее лингвистическую атрибуцию как тохарскую. Ее восточноевропейское происхождение подтверждается антропологическими данными [Николаева 2019: 365] и данными археологической типологии керамики, соответствующей среднестоговской/дереивской керамике между Днепром и Волгой, аналогичной керамике погребений № 7 и 8 кургана 1 в *Джангаре*.

Третья миграция с севера Центральной Европы связана с древнеевропейцами (предками неразделенных кельто-италиков, иллирийцев, германцев, балто-славян; археологический эквивалент — культура шаровидных амфор и шнуровых керамик), она завершилась и отразилась в появлении в Предкавказье в виде памятников катакомбной культуры, просуществовавшей вплоть до прихода племен срубной культуры с востока, из-за Волги, что означивало конец миграций из Центральной Европы [Николаева 2010б: 39, 40].

Выводы. Концепция нескольких индоевропейских прародин показывает, что все культуры Центральной Европы до XIII в. до н. э. восходят по цепочке к финальному палеолиту Центральной Европы, а неолит и керамика в Восточной Европе начинается с миграции первой земледельческой культуры Старчево-Кереш из Подунавья в Восточную Европу и появления буго-днепровской в Восточной Европе на рубеже 5–4 тыс. (по некалиброванным датам). Любая культура Центральной Европы при наличии аналогичной культуры в Восточной Европе будет иметь перед ней хронологический приоритет в силу выше показанной преемственности индоевропейских культур, начиная от палеолита, поэтому скипетры Центральной Европы *a priori* древнее скипетров Восточной Европы, и направление движения «владеющих скипетрами» будет иметь вектор с запада на восток.

Литература

- Гимбутас 2006 — *Гимбутас М.* Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.
- Даниленко 1974 — *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наукова думка, 1974. 175 с.
- Дергачев 2007 — *Дергачев В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне. СПб.: Нестор-История, 2007. 487 с.
- Кольцов 2004 — *Кольцов П. М.* Поселение Джангар: человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 155 с.
- Кореневский 2012 — *Кореневский С. Н.* Рождение кургана. М.: Тaus, 2012. 246 с.
- Котова 2006 — *Котова Н. С.* Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Восточноукр. нац. ун-т им. В. Даля, 2006. 327 с.
- Манзура 2000 — *Манзура И. В.* Владеющие скипетрами // Археология и культурная антропология (Stratum plus). № 2. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2000. С. 273–295.
- Николаева 2010a — *Николаева Н. А.* О концепции четырех прародин индоевропейцев // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: изд-во МГОУ, 2010. С. 58–72.
- Николаева 2010б — *Николаева Н. А.* Аннотация к списку печатных трудов В. А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: изд-во МГОУ, 2010. С. 36–57.
- Николаева 2011a — *Николаева Н. А.* Юго-Восточная Европа и Кавказ: культурно-исторические связи в середине 3 тыс. до н. э. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2011. № 1. С. 99–109.
- Николаева 2011б — *Николаева Н. А.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 536 с.
- Николаева 2019 — *Николаева Н. А.* Древнейшая история Предкавказья в свете концепции индоевропейских прародин // Oriental Studies. № 3. 2019. С. 355–366.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Сафронов 1989 — *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятск. кн. изд-во. 1989. 398 с.
- Телегин 2000 — *Телегин Д. Я.* К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной Европы и Восточной Европы // Российская археология. 2000. № 3. С. 18–29.
- Anthony 2007 — *Anthony D. W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton/Oxford: Princeton University Press, 2007. 558 p.
- Mallory 1989 — *Mallory J. P.* In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London: Thames & Hudson, 1989. 288 p.

References

- Anthony David W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders From the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton/Oxford: Princeton University Press. 2007. 568 c.
- Danilenko V. N. [The Eneolithic in Ukraine]. Kiev: Naukova Dumka, 1974. 175 p. (In Russ.)
- Dergachev V. A. [About Scepters, Horses and War]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. 487 p. (In Russ.)
- Gimbutas M. The Civilization of the Goddess: the World of Old Europe. Moscow: ROSSPEN, 2006. 572 p. (In Russ.)
- Koltsov P. M. [The Settlement of Dzhangar: Man and Culture in the Neolithic Northwestern Caspian]. Moscow: Novyi Khronograf, 2004. 155 p. (In Russ.)
- Korenevsky S. N. [The Birth of the Mound]. Moscow: Taus, 2012. 246 p. (In Russ.)
- Kotova N. S. [The Early Eneolithic in Steppe Zones of Dnieper and Azov Regions]. Lugansk: Dahl East Ukrainian National Univ., 2006. 327 p. (In Russ.)
- Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London: Thames & Hudson, 1989. 288 p. (In Eng.)
- Manzura I. V. 'Those who possess scepters'. *Archaeology and Cultural Anthropology (Stratum Plus)*. No. 2. Kishinev: High Anthropological School, 2000. Pp. 273–295. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. The concept of four Indo-Europeans homelands revisited. In: [Indo-European History: a Perspective from Latest Studies]. Moscow: Moscow Region State Univ., 2010 a. Pp. 58–72. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. An index to the list of V. Safronov's publications. In: [Indo-European History: a Perspective from Latest Studies]. Moscow: Moscow Region State Univ., 2010 б. Pp. 36–57. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. Southeast Europe and the Caucasus: cultural and historical ties in the mid-3rd millennium BC. *Bulletin of the Moscow Region State University*. Ser. 'History and

- Political Sciences'. 2011a. No. 1. Pp. 99–109. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. [Ethno-Cultural Processes in the North Caucasus in the 3rd – 2nd Millennium BC: a Perspective from the Ancient History of Europe and the Near East]. Moscow: Moscow Region State Univ., 2011b. 536 p. (In Russ.)
- Nikolaeva N. A. The Earliest History of Ciscaucasia: a Perspective from the Concept of Indo-European Migrations. Part 1. *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 355–366. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. [Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppes: Collected Descriptions of Monuments Investigated in the Territory of the Republic of Kalmykia between 1929 and 1997]. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Safronov V. A. [Indo-European Homelands]. Gorky: Volga-Vyatka Book Publ., 1989. 398 p. (In Russ.)
- Telegin D. Ya. Bronze Age scepters from Southeastern and Eastern Europe: typology, chronology and cultural affinities revisited. *Russian Archaeology*. 2000. No. 3. Pp. 18–29. (In Russ.)

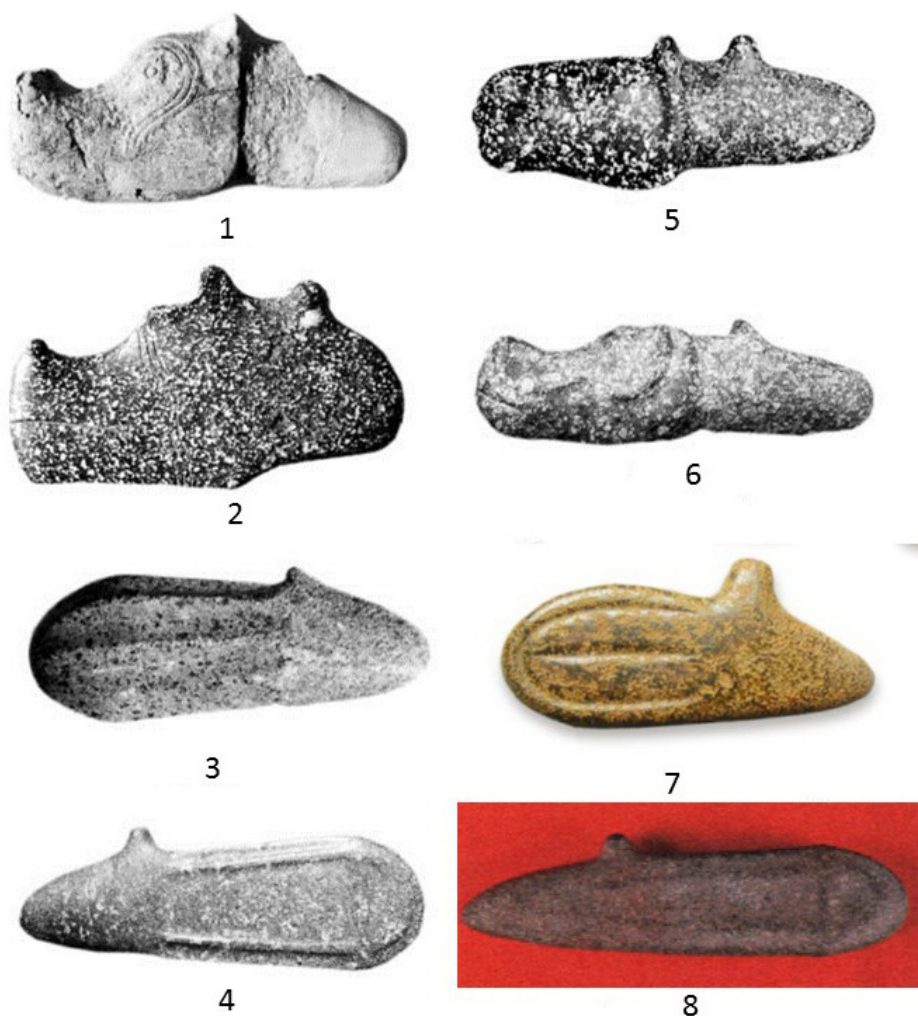


Рис. 1. Зооморфные каменные скипетры (реалистические — 1, 2, 5, 6; схематические — 3, 4, 7, 8) [Fig. 1. Zoomorphic stone scepters (realistic ones — 1, 2, 5, 6; schematic ones — 3, 4, 7, 8)]

Западный анклав: 1 — Касимча (Добруджа), 2 — Сэлкуца IV (Подунавье), 3 — Обиришени (Румыния, Молдова), 4 — Могошешти (Румыния, Молдова), 5 — Суворово (Измаил), 6 — Суводол (Сербия) [Western enclave: 1 — Casimcea (Dobruja), 2 — Sălcuța IV (Danube

river basin), 3 — Obârșeni (Romania, Moldova), 4 — Mogoșești (Romania, Moldova), 5 — Suvorovo (Izmail), 6 — Suvodol (Serbia);

Восточный анклав: 7 — р. Фарс (Новосвободная-Махосhevская), 8 — Джангар (север Калмыкии, Россия) [Eastern enclave: 7 — Fars River, Northwest Caucasus (Novosvobodnaya-Makhoshevskaya), 8 — Dzhangar (north of Kalmykia, Russia)]



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 580–600, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902 / 903.2

Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности)

Эрдни Анатолевич Кекеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена рассмотрению жертвенных комплексов из насыпей курганов эпохи бронзы Ергенинской возвышенности. Для культуры, представленной исследуемыми курганами, был характерен обряд приношения в жертву крупного рогатого скота, голова и ноги которого являлись символом целой туши жертвенного животного. Большая часть комплексов сопровождалась фрагментированной или целой глиняной курительницей. *Цель исследования* — проанализировать жертвенные комплексы, выявив их основные черты, необходимые для реконструкции обряда жертвоприношения крупного рогатого скота в раннем и среднем бронзовом веке. *Результаты.* Автором изучены материалы из семи курганных групп, расположенных на Ергенинской возвышенности. Установлено, что курганы с жертвенниками составляют 15 % от общего числа курганов (17 из 112). Выявлены основные характерные черты жертвенников. Комплексы разделены на две группы: для одной группы характерно содержание только костей крупного рогатого скота, для второй — сопровождение таких костей глиняными курительницами. Осуществлена попытка соотнести жертвенники с конкретными погребениями в кургане. Выявлено, что чаще всего жертвенные комплексы соотносятся с погребениями мужчин. Подробно рассмотрен вопрос наличия шкуры, помещавшейся в погребение, по мнению авторов раскопок, вместе с головой и конечностями животного. Косвенные признаки наличия шкуры выявлены только в двух жертвенниках. Проведено сопоставление основных итогов исследования жертвенных комплексов Ергенинской возвышенности с результатами изучения подобных комплексов в курганах Восточного Маныча. Автором приводятся этнографические и исторические свидетельства подобных жертвоприношений. Их возможными истоками являются комплексы как свидетельства почитания быка / коровы в качестве первопродка, покровителя живых существ, также связанного с культом плодородия.

Ключевые слова: жертвенный комплекс, жертвоприношение, жертвенное животное, Ергенинская возвышенность, Кумо-Манычская впадина, бронзовый век, катакомбная культура

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Жертвенные комплексы в курганах бронзового века (по материалам могильников Ергенинской возвышенности). Oriental Studies. 2019;(4): 580–600. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600.

Sacrificial Complexes in Bronze Age Mounds: Archaeological Evidence from Burials of the Ergeni Upland

Erdni A. Kekeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article examines sacrificial complexes within Bronze Age mounds of the Ergeni Upland. The archaeological culture represented by the investigated mounds is characterized by cattle sacrifice where a cow's head and limbs symbolized a whole carcass of the sacrificial animal. A majority of the complexes contained fragmented or whole incense pots. *The goal of the research* is to analyze the sacrificial complexes and reveal key features of theirs essential for the reconstruction of Early and Middle Bronze Age cattle sacrifice rites. *Results.* The paper investigates materials from seven mound groups located in the Ergeni Upland. It concludes that mounds equipped with sacrificial altars constitute 15 % of the total number of mounds (17 of 112) and identifies somewhat basic features of such altars that tend to cluster in two groups: group one is characterized by the use of cattle bones only, and group two adds incense pots to such bones. The work attempts to attribute the presence of sacrificial altars to certain burial patterns within each mound. So, it reveals that sacrificial complexes are most frequently associated with burials of men. Special attention is paid to the presence of cattle skins placed into burials, according to participants of excavations, with animal heads and limbs. Indirect indicators of the presence of cattle skins were traced in two sacrificial altars only. The paper compares outcomes of the research of the Ergeni Upland's sacrificial complexes to studies of similar structures within East Manych mounds, draws ethnographic and historical evidence related to such sacrificial practices that might have stemmed from the worship of the ox / cow as the primal forefather / foremother, protector of sentient beings, also tied to the fertility cult.

Keywords: sacrificial complex, sacrifice, sacrificial animal, Ergeni Upland, Kuma-Manych Depressions, Bronze Age, Catacomb culture

Acknowledgements. The research was funded by government subsidy — project name 'Peoples of Southern Russia: Comprehensive Studies of Socio-Political and Cultural Development Processes' (state reg. no.: AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Kekeev E. A. Sacrificial Complexes in Bronze Age Mounds: Archaeological Evidence from Burials of the Ergeni Upland. *Oriental Studies*. 2019;(4): 580–600. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-580-600.



Введение

История изучения памятников бронзового века в степной полосе Восточной Европы насчитывает уже более ста лет. За этот период были открыты и исследованы как погребальные, так и поселенческие памятники, но больший объем работ традиционно приходится на анализ первой группы памятников, в основном это курганные могильники. На основе информации, полученной в процессе раскопок этих памятников, выделены основные культуры, их локальные ва-

рианты, сделаны реконструкции элементов духовной и материальной культуры [Андреева 2014; Державин 1991; Шилов 2009; Шишлина 2007; и др.].

Содержащиеся внутри кургана и на его периферии культовые комплексы (погребения, жертвенники, поминальники и др.) в современной археологической литературе принято делить на могильные и жертвенные. Однако это деление не всегда может быть однозначно соотнесено с действиями погребальными с одной стороны и жертво-

приносительными — с другой [Андреева 2014: 47].

В устоявшейся практике погребальные объекты ассоциируются с погребениями с костными человеческими останками (а в случае разрушения / разграбления — следами этих останков), а также с «кенотафами» — комплексами с погребальным инвентарем, но без следов человеческих останков. К жертвенным комплексам относят объекты, которые, по мнению современных исследователей, являются следами обряда поминания, совершенного вне пространства погребений.

При подробном рассмотрении группы жертвенных комплексов можно сделать вывод, что основной характеристикой является содержание костей животных, чаще всего определенных частей тела (череп, кости конечностей, кости части туши и т. д.), а также, примерно в половине случаев, сопровождение костных останков животных инвентарем, аналогичным погребальному. Некоторые комплексы в насыпи кургана, которые содержали только инвентарь, без костей животных, также были отнесены к жертвенникам, например Восточный Маныч–1965, левый берег, 1 группа, курган 48 [Синицын 1978: 50] или Восточный Маныч–1967, правый берег, 1 группа, курган 16 [Эрдниев 1982: 34–37].

Несмотря на большое количество работ, посвященных обрядовым традициям культур бронзового века, нет специальных исследований жертвенных комплексов с черепами и костями конечностей крупного рогатого скота (далее — КРС), традиционно относимых к катакомбной культуре.

Основная часть

Целью данного исследования является подробное изучение жертвенных комплексов из курганных могильников Ергенинской возвышенности, которые имели стандартный «набор»: череп и кости конечностей (иногда отмечается присутствие копыт) быка / коровы, часть жертвенников сопровождалась курильницей (целой или фрагментированной), далее в тексте именно эти объекты будут подразумеваться под термином «жертвенник» и «жертвенный комплекс». Обычно эти жертвенники интерпретируются как захоронения шкур с головой и ногами быка / коровы, символизирующих целую тушу животного, несмотря на то, что

число конечностей не всегда соответствует числу черепов, особенно в больших наборах [Андреева 2014: 53]. Ранее были подробно изучены подобные комплексы из могильников Восточного Маныча [Кекеев 2018]. В итоговой части данной работы сопоставлены основные черты реконструируемого обряда жертвоприношения и поминания двух этих соседних ландшафтно-географических зон. В дальнейшем планируется охватить Прикаспийскую низменность и подробно изучить выявленные на ее территории подобные комплексы.

В изучаемую выборку включены жертвенники из могильников *Лола 1 и 2*, *Архара*, *Элиста*, *Кермен Толга*, *Ергенинский*, *Кетченеры* [Дремов, Кольцов 2010; Синицын, Эрдниев 1963; Синицын, Эрдниев 1966; Синицын, Эрдниев 1971; Шилов 1981; Шилов 1982; Шилов 1984; Шилов 1985–1986; Эрдниев 1982].

В выборку жертвенников из могильников Ергенинской возвышенности вошел 21 комплекс, они были обнаружены в насыпи курганов выше или на уровне погребенной почвы, на краю погребений. Все эти комплексы содержали один или несколько «комплектов» — череп и кости КРС. Каждый отдельный «комплект» является образом отдельной особи.

В целом жертвенники с черепом и костями конечностей КРС относят к восточноманычской катакомбной культуре (далее — ВМКК), существовавшей в степях Юго-Восточной Европы во второй половине третьего тысячелетия до н. э. (рис. 1). Однако ряд комплексов заслуживает отдельного внимания, так как они не могут быть однозначно отнесены к ВМКК. Из 21 комплекса четыре можно отнести к позднему этапу ямной культуры или к раннему этапу катакомбной культуры. Два из них (*Лола 2*, курган 8, *Архара*, курган 10) имели в своем составе только КРС и датированы по погребениям, над которыми они находились. Жертвенный комплекс, выявленный на южном краю основного погребения кургана 16 (диаметр — 25 м, высота — 1,55 м) могильника *Лола 2*, отнесен к раннему этапу катакомбной культуры по тому, что в его составе обнаружен фрагмент глиняной курильницы, однако в самом погребении находились останки пожилого мужчины погребенного по ритуалу ямной культуры:

лежал на спине, головой на восток, ноги были согнуты коленями вверх, руки протянуты вдоль туловища, дно могилы и кости погребенного посыпаны красной охрой [Синицын, Эрдниев 1966: 128]. Еще один комплекс в соседнем кургане 17 (диаметр — 22 м, высота — 1,35 м) также находился на западном краю основного погребения. Основное погребение было полностью разрушено и отнесено к катакомбной культуре по наличию фрагмента глиняной курильницы в составе жертвенника [Синицын, Эрдниев 1966: 129]. Однако, исходя из того, что в этих двух соседних курганах примерно равных размеров жертвенники находились на западном краю основных погребений, можно предположить, что они относятся к позднему этапу ямной культуры или к раннему этапу катакомбной культуры. Остальные жертвенные комплексы более уверенно датированы катакомбной культурой и ее восточноманьчжским вариантом.

Есть предположение, что данный вид поминальных комплексов представлял собой остатки «закладной» жертвы при возведении насыпи. Однако присутствие подобных комплексов в могильниках Ергенинской возвышенности отмечено только в 15 % курганов раннего и среднего бронзового века (в 17 из 112). Например, из 261 кургана бронзового века в группах Восточного Маныча только 14 (5,4 %) содержали жертвенные комплексы с черепами и костями конечностей КРС [Кекеев 2018: 26–45]. Эти цифры позволяют судить об обряде сооружения жертвенников не просто как об обычном действе, связанном с сооружением насыпи кургана или его досыпке. Жертвоприношение животного и сооружение отдельного жертвенника предстает перед нами как обряд, несущий гораздо более глубокий смысл, и, возможно, он был связан не только с самой насыпью и с погребенными внутри нее людьми, но и с образом предка или предка вообще.

Жертвенные комплексы были условно поделены на две группы, в первой содержались только костные останки КРС (8 комплексов), во второй — костные останки КРС и курильница (чаще ее частью или половиной) (13 комплексов). Общие сведения о рассматриваемых жертвенниках представлены в таблице 1, для удобства комплексы были пронумерованы, первая груп-

па — 1–1...1–8, вторая группа — 2–1...2–13 (табл. 1).

В первой группе, комплексы только с костями КРС, обнаружены останки 18 голов КРС (от одной до семи в одном комплексе — 2,25 особи / жертвенник), во второй группе (кости КРС + фрагментированная или целая курильница) содержались останки 43–44 голов КРС (от одной до десяти в одном комплексе — 3,3–3,4 особи / жертвенник). Общее количество голов КРС во всех комплексах — 61–62, т. е. около 2,9 особи / жертвенник.

Из 17 курганов нашей выборки только в двух (*Ергенинский*, курганы № 6 и 11) было по три жертвенника, в остальных — по одному. В каждом кургане, где обнаружено по три жертвенника, один относился к первой группе (только кости КРС) и два — ко второй (кости КРС и, в данных жертвенниках, целая курильница).

Прежде чем рассматривать размерные данные курганов, уточним, что в двух случаях насыпи подвергались неоднократной досыпке и достигали внушительных размеров, но на основе информации из научных отчетов о раскопках, не удалось установить на каком именно этапе были совершены жертвоприношения и сооружены жертвенные комплексы (табл. 2). Первый объект — это курган № 2 могильника *Элиста* (1964 г.): первоначальная насыпь была диаметром до 30 м и около 2 м в высоту, после двух досыпок она была увеличена до 50–60 м в диаметре и до 6 м в высоту. Второй объект — курган № 1 могильника *Кермен Толга*: зафиксированы лишь размеры окончательной насыпи — 130 м в диаметре и 9 м в высоту, промежуточных досыпок не упомянуто, хотя, судя по размерам кургана и количеству погребений (11), насыпь была сооружена в несколько этапов. Характеризуя комплексы из этих двух курганов, скажем, что в обоих случаях обнаружено по одному жертвеннику первой группы (ЖК 1–3 и ЖК 1–8 (здесь и далее ЖК — жертвенный комплекс, нумерация дана в соответствии с табл. 1). Эти два случая не берутся в расчет, так как далее проведен анализ размерных данных кургана в привязке к конкретным жертвенникам.

Ранее были подробно рассмотрены курганные насыпи могильников Восточного Маныча, на основе размерных данных

326 курганов различных эпох, они были разделены на 4 группы: малые (диаметр насыпи менее 15 м, высотой до 1 м), средние (диаметром от 15 до 30 м и высотой от 0,75 до 3 м), большие (диаметром от 30 до 45 м и высотой от 1,5 до 3,5 м) и сверхбольшие (диаметром более 45 м и высотой более 2 м) [Кекеев, Буратаев 2016: 244].

В соответствии с этой градацией из 15 курганов из нашей выборки (табл. 2) ни один не вошел в группу малых, к средним по размеру насыпи относятся восемь курганов, к большим — четыре и к сверхбольшим — три. Только в двух курганах последней группы было обнаружено по три жертвенника.

Анализируя группу курганов средних размеров, рассмотрим количественные и качественные показатели жертвенных комплексов, содержащихся в них. Напомним, что среднее количество особей на комплекс равно 2,9. Восемь курганов содержали по одному жертвенному комплексу, общее количество скота равняется 13, т. е. в среднем около 1,6 особи / жертвенник (почти в два раза ниже среднего). 7 из 8 комплексов относилось ко второй группе, в них, кроме костей КРС, содержались курильницы: в одном случае найдено целое изделие, в двух — половина, в остальных — по одному фрагменту курильницы (рис. 2, рис. 3).

К большим по размерам насыпям курганам отнесено 4 памятника, в которых обнаружено четыре жертвенных комплекса, в которых содержались останки 11 голов КРС, т. е. 2,75 особи / комплекс. При исследовании двух жертвенников отмечены фрагменты курильницы (в одном случае указана половина изделия).

Три кургана, отнесенных к сверхбольшим, естественно, выделялись своими размерами (табл. 2): курган № 8 из могильника *Элиста* (1964 г.) (ЖК 1–4) и курганы №№ 6 и 11 могильника *Ергенинский* (ЖК 1–5, 2–9, 2–10 и ЖК 1–6, 2–11, 2–12). Диаметр этих курганов — от 40 до 83 м и высота — от 3,5 до 6,5 м. Суммарно в этих семи жертвенниках содержались останки не менее 34 особей, т. е. более 4,8 голов КРС в одном жертвеннике. Как было отмечено выше, только в сверхбольших курганах Ергенинского могильника содержалось по три жертвенника, и в обоих курганах четыре комплекса относилось ко второй группе, причем в них обнаружено по одной целой курильнице.

В одном из случаев, в кургане № 8 могильника *Элиста* (1964 г.), жертвенник (черепа и кости конечностей семи особей КРС) (ЖК 1–4) соотнесен с погребением № 7 (кенотаф), вместе с сооружением которого была совершена досыпка кургана, за счет нее размеры насыпи значительно увеличились: в диаметре — с 40–50 до 60–70 м, в высоту — с 3,5 до 6,5 м. Это единственный случай в нашей выборке, когда жертвенник соотнесен с прослеженной досыпкой.

В итоге выявляется зависимость «богатства» жертвенника (количество особей КРС в одном комплексе) от размера насыпи кургана, при средних размерах (диаметр — 20–36 м, высота — 0,6–3,5 м) на один жертвенник приходится 1,6 особи, у больших это значение равно 2,75 особи, у сверхбольших — более 4,8 особей (рис. 4).

Есть закономерность встречаемости целой курильницы в жертвенниках в сверхбольших курганах, но, как будет рассмотрено ниже, есть определенное сомнение в точности степени сохранности изделия, указываемой в отчетах о раскопках. В целом глиняные курильницы встречаются как в жертвенниках, содержащих кости одной особи КРС, так и в «богатых» комплексах с останками не менее 10 голов КРС в одном жертвеннике (табл. 3).

Хотя изучаемые жертвенники не всегда удавалось отнести с конкретным погребением в кургане, в данном исследовании попробуем это сделать. Как было сказано выше, допускаем существующую вероятность того, что сооружение жертвенника в насыпи кургана не связано с определенным погребенным, а предназначалось образу предков или первопредка вообще.

В таблице 5 все жертвенные комплексы представлены в соответствии с привязкой, указанной в отчете о раскопках. В первой (9 жертвенников), наиболее точной группе привязки, приведены комплексы, при описании которых указано их расположение, — «над погребением», «на перекрытии погребения», «на краю» и «рядом с погребением на уровне погребенной почвы». Практически такими же по значимости были комплексы (4 жертвенника), кроме которых в кургане найдено только одно погребение: если жертвенник и был посвящен погребенному, то только единственному в кургане. Менее точным при привязке является опи-

сание «по-видимому...» и «судя по всему...» — 5 жертвенников. У 3-х жертвенников привязка не указана.

На основе данных, представленных в таблице 5, констатируем факт того, что большая часть жертвенников (13 из 21, или 62 %), с разной степенью вероятности, отнесена к погребениям взрослых людей, из них 1 — парное, мужское и женское погребение, 5 — индивидуальное, мужское (в трех случаях возраст мужчины указан как пожилой), 4 — индивидуальное, женское (три жертвенника относятся к одному, единственному погребению в кургане № 11 Ергенинского могильника). Только один жертвенник из 21 находился над парным погребением женщины и ребенка (ЖК 2–6). Три жертвенника отнесены к кенотафам, у трех — привязка не указана (табл. 5).

Различия по количеству голов скота в одном жертвеннике по половозрастным группам почти не прослеживается. В 13 комплексах, отнесенных к погребениям взрослых людей, содержались останки 40–41 головы КРС (около 3,1 особи / жертвенник), из них жертвенник, находившийся над парным мужским и женским погребением, содержал 3 особи КРС, 5 комплексов, соотношенных с мужскими индивидуальными погребениями, — 16 голов КРС (5,2 особи / жертвенник), с женскими индивидуальными погребениями — 14 голов КРС в 4-х жертвенниках (3,5 особи / жертвенник). Один жертвенник, находившийся над парным женским и детским погребением, содержал останки 5 голов КРС, а в 3-х жертвенниках, отнесенных к кенотафам, обнаружены черепа и кости конечностей 9 голов КРС (3 особи / жертвенник).

Прослеживается преобладание количества среднего числа голов КРС в жертвенниках, соотношенных с мужскими, индивидуальными погребениями, — 5,2 особи / жертвенник. Причем, в данном случае, соотношение было сделано на основе того, что эти жертвенники располагались на перекрытии или на краю погребений, и является более точным, в сравнении с привязкой других жертвенников.

Далее рассмотрим отличия внутри второй группы из 13 жертвенников, комплексов, содержащих, кроме костей КРС, и курильницу: в 7 случаях обнаружены фрагменты («обломок», «большой обломок»,

«половина») курильницы, в 6 — целое изделие. Выше было указано, что в 13 комплексах этой группы содержались останки 43–44 голов КРС (от одной до десяти в одном комплексе — 3,3–3,4 особи / жертвенник). В комплексы, содержавшие целую или большую часть курильницы, входило от 2 до 10 голов КРС. Всего этих комплексов — 6, в их состав входило 29–30 голов скота, т. е. 4,8–5 особи / жертвенник. Возможно, помещение целой или большей части курильницы с количеством голов жертвенного скота является показателем статуса отдельного жертвенника, но нужно иметь в виду плохую сохранность глиняных изделий в подобных комплексах, из-за чего эти курильницы редко подвергались дальнейшей реставрации. И, как показывает описание курильницы из ЖК кургана 1 группы *Кетченеры I* (2007 г.) [Дремов, Кольцов 2010], фрагментированная курильница изначально, скорее всего, была целой и разбита в процессе или после ритуала сооружения жертвенника. Данное обстоятельство допускает, что в отчетах 1960-х гг. под «половиной», «обломком» или «большим обломком» могла быть обозначена изначально целая, впоследствии фрагментированная, в дальнейшем не восстановленная курильница (рис. 3).

Керамические лепные курильницы — чаши на крестообразных ножках-поддонах нередко встречаются в составе погребального инвентаря. Так, по данным М. В. Андреевой, они встречены в 25,5 % индивидуальных погребений (124 комплекса) восточноманьчжурской катакомбной культуры. В некоторых погребениях встречается аналогичный по назначению предмет — жаровня — фрагменты крупных толстостенных глиняных лепных сосудов со следами нагара. Эти два предмета никогда не встречаются вместе в одном комплексе [Андреева 2014: 28–29].

Логично, что жаровня, при условии ее равнозначности курильнице в погребальной традиции, должна присутствовать и в обряде жертвоприношения как предмет, возможно, предшествующий курильнице. Ведь жаровня была более простым в изготовлении предметом, «сделана» из части разбитого глиняного сосуда, а курильница — предварительно изготовленное, обожженное и часто богато орнаментированное, сравни-

тельно сложное изделие. Однако в 21 жертвеннике из нашей выборки, а также в 18 подобных жертвенниках Восточного Маныча [Кекеев 2018], не встречены случаев замены курильницы жаровней. Этот факт позволяет предположить — изучаемые жертвенные комплексы имели строгий регламент относительно содержания инвентаря, в них могла содержаться только одна курильница (целая или фрагментированная) (рис. 2, рис. 3) и замена ее жаровней не допускалась обрядовыми традициями. Отсутствие жаровен в составе жертвенных комплексов также может свидетельствовать о том, что если их равнозначность в погребальном обряде и была таковой, в ритуалах поминания они не были тождественными предметами, и, скорее всего, присутствие в погребальном инвентаре жаровни или курильницы не может быть маркером ранних и поздних относительно друг друга комплексов.

В устоявшейся практике при характеристике объекта как «жертвенника» бронзового века, имеют в виду комплексы, содержавшие череп и кости конечностей КРС как символа жертвенного животного, и традиционно его ассоциируют с присутствующей в составе этого жертвенника шкуры самого животного. Однако этот вопрос требует более внимательного рассмотрения. Перед проведением подробного анализа описания жертвенников отметим еще раз факт плохой сохранности костей и находок в этих комплексах, а порой — и их лаконичного описания.

Большая часть рассматриваемых жертвенников реконструируется авторами раскопок как череп и кости конечностей, помещенные вместе со шкурой или в шкуре животного. Например, в описании жертвенника в кургане 13 могильника *Лола 2* (ЖК 2–2) приведено следующее: «судя по расположению костей в их анатомическом порядке, можно предполагать, что каждый череп и ноги животного были положены вместе со шкурой» [Синицын, Эрдниев 1966: 123], а при описании ЖК 2–6 (Архаринский могильник, курган 31) сказано: «расположение костей показывает, что черепа и ноги, по-видимому, были положены в шкуре» [Синицын, Эрдниев 1966: 100].

Встречаются случаи, когда слово «шкура» применяется как синоним комплекса, содержащего череп и кости конечностей

животного, например: «южнее была положена шкура крупного быка: череп и кости ног, отрезанные в коленных сочленениях, лежавшие в анатомическом порядке» [Шилов 1982: 7], или «реже встречаются «шкура» (черепа и длинные кости ног) животных» [Ковалевский 2004: 126].

Есть несколько путей поиска доказательства присутствия шкуры в составе жертвенного комплекса: факт наличия останков самой шкуры, факт наличия места, где она располагалась, факт наличия хвостовых позвонков.

Наличие следов шкуры в каком-либо виде отмечено лишь при описании одного жертвенника (ЖК 2–11, *Ергенинский*, курган 11, тризна № 1): в описании указаны находки шерстинок на лицевых костях черепов, что, по мнению В. П. Шилова, подтверждало тот факт, что между черепами были положены черепа со шкурой животных [Шилов 1985–1986: 3]. Однако это могли быть и остатки шерсти с самих черепов, которых в данном жертвеннике насчитывалось семь штук.

К сожалению, имеющиеся данные не дают возможности реконструировать размеры самих жертвенных ям, и невозможно сказать, позволяло ли их внутреннее пространство поместить, кроме голов и конечностей животного, еще и его шкуру, в свежем, необработанном виде занимающей немалый объем.

Третьим и наиболее убедительным доказательством наличия шкуры являлось бы наличие хвостовых позвонков. К сожалению, о практике забоя скота можно судить только по известным нам данным современных скотоводов, когда шкура с хвостовой части снимается до 2/3 от его длины, а оставшаяся треть (наименее мясная часть) отрезается и оставляется со шкурой. А так как хвост коровы состоит из 15–16 позвонков и его длина сильно не изменилась (например, изображения КРС, происходящие из археологических памятников Ближнего Востока), можно предположить, что со шкурой остается около 5 хвостовых позвонков. Принимая во внимание современную практику забоя и свежевания КРС, констатируем факт того, что безусловным показателем присутствия самой шкуры животного в составе жертвенника могло являться наличие этих самых пяти хво-

стовых позвонков, сохраняющихся в виде костяных шильев. Однако только в одном жертвеннике были отмечены шиловидные кости — ЖК 1–7 (*Ергенинский*, курган 12), возможно, являющиеся остатками хвоста животного и показателем наличия шкуры [Шилов 1985–1986: 9]. Еще одним объяснением отсутствия хвостовых позвонков может быть ритуал, при котором шкура снималась полностью, а хвост оставался частью туши предназначенной для тризны.

Подводя итог поиску косвенных фактов наличия шкуры, нужно сказать, что на основе информации о 21 рассматриваемом комплексе, констатировать факт ее присутствия возможно лишь в двух случаях. Была ли шкура в остальных 19 жертвенниках, установить не удалось.

Возможно, данный ритуал не предполагал помещение в жертвенник головы и конечностей КРС обязательно вместе со шкурой. Есть свидетельства того, что шкуре животного в погребально-поминальном обряде отводится особый ритуал. Например, в составе церемонии похорон у древних индийцев приносилась в жертву корова, называемая *анустарани* или *раджагави* ('царственная корова'), а на пятнадцатый день после похорон совершалась церемония «шантикарма» («умиротворяющие обряды для благополучия в жизни»), в процессе которой кровные родственники собирались и зажигался огонь, затем им предлагали сесть на рыжую бычью шкуру, разложенную на земле шеей на восток и шерстью вверх. Родственников просили следующим образом: «Взойдите на эту шкуру, дающую жизнь, поскольку вы хотите дожить до глубокой старости, согласно старшинству вступайте на нее...» [Пандей 1990: 207–208]. И, как отмечает Р. Б. Пандей в своем исследовании, ни в какой другой области индуизма первобытные верования относительно жизни и смерти не удерживаются так упорно, как в наивных похоронных обрядах [Пандей 1990: 218].

Подводя итог исследованию жертвенных комплексов Ергенинской возвышенности, кратко остановимся на основных выявленных характеристиках этих объектов и сравним полученные данные с результатами изучения 16 аналогичных комплексов из могильников Восточного Маныча (рис. 4, рис. 5).

Рассматриваемая выборка из 21 жертвенника из курганов Ергенинской возвышенности, как сказано выше, происходило из 17 курганов, которые в свою очередь выявлены из 112 курганов бронзового века, т. е. жертвенные комплексы выявлены в 15 % курганов. В Кумо-Манычской впадине только в 14 (5,4 %) из 261 кургана бронзового века выявлены подобные комплексы. Отметим, что в долине р. Восточный Маныч курганы с подобными жертвенниками встречаются в три раза реже.

Среднее количество жертвенников на курган на Ергенинской возвышенности равно 1,2, однако только в двух курганах содержалось более двух комплексов — по три объекта в сверхбольших курганах №№ 6 и 11 Ергенинского могильника, т. е. в остальных 15 курганах было по одному жертвеннику. В Кумо-Манычской впадине этот показатель равен 1,3 жертвеннику / курган, однако, если также оставить сверхбольшие курганы (более 45 м в диаметре и более 2 м в высоту) за рамками расчетов, то среднее количество будет равно 1,2 (7 жертвенников в 6 курганах) (табл. 4). Отметим примерное равное среднее количество жертвенников на один курган в обеих ландшафтно-географических зонах.

Следующим показателем рассмотрим среднее количество голов КРС в одном жертвеннике в соответствии с размерами курганов (табл. 3 и 4). Для Ергенинской возвышенности это значение — 2,9 (остатки более 61 головы КРС в 21 жертвеннике), в Кумо-Манычской впадине — 2,1 (35 голов КРС в 16 жертвенниках). Однако если убрать из расчетов жертвенники из сверхбольших курганов, то это количество в обеих зонах будет одинаковым и равняется двум особям на жертвенник.

К первой группе (только кости КРС) из комплексов Ергенинской возвышенности отнесены 8 объектов, ко второй (кости КРС и курильница) — 13, в Кумо-Манычской впадине — наоборот, больше жертвенников не имело курильниц в своем составе: 10 из 16, в 5 найдено по одной целой курильнице, в одном случае — ее половина. Отметим, что жертвенные комплексы с целой курильницей в жертвенниках Ергенинской возвышенности происходят из курганов сверхбольших размеров, тогда как в Кумо-Ма-

нычской впадине — из курганов всех трех размерных групп.

Рассмотрим различия комплексов с курильницами (вторая группа) и без них (первая группа): выше было отмечено, что при среднем количестве особей КРС в одном жертвеннике, равное более 3, в комплексах первой группы этот показатель ниже — 2,25, а в комплексах с курильницами — выше, 3,3–3,4. В памятниках Кумо-Манычской впадины подобной диспропорции не прослежено: в комплексах с курильницами и без них это значение равно 2,3 и 2,1 особи / жертвенник соответственно.

Внутри второй группы жертвенников Ергенинской возвышенности выявлено преобладание средней плотности голов КРС в одном комплексе в жертвенниках с целыми курильницами (4,8–5), в жертвенных комплексах с фрагментированными остатками курильниц этот показатель ниже — 2 особи / жертвенник. Среди жертвенников Кумо-Манычской впадины подобных отличий нет, так как 5 из 6 комплексов содержали целые курильницы, в одном случае обнаружена ее половина и указанная выше диспропорция отсутствует. Возможно, это является подтверждением того, что изначально, при сооружении жертвенника, курильница могла быть целой, а до наших дней сохранилась лишь в виде одного или нескольких фрагментов. И как было отмечено выше: не встречено случая замены курильницы жаровней, что встречается в погребальном обряде. Это еще раз указывает нам на строгий регламент при проведении ритуала жертвоприношения.

В результате изучения месторасположения жертвенников в насыпях курганов выявлена следующая особенность: большинство жертвенных комплексов расположено в центре кургана или же в восточном и южном секторах. Несомненно, в этом отражаются представления о востоке и юге как хороших сторонах света (точки восхода и зенита солнца). Аналогичное понимание западной стороны (точка заката солнца) как неблагоприятной прослеживается на материалах скифских царских курганов [Ochir-Goryaeva 2015].

По причине нехватки необходимого объема информации о жертвенниках Кумо-Манычской впадины, соотнесение жерт-

венных комплексов и конкретных погребений внутри кургана не было произведено. К сожалению, сопоставление результатов привязки жертвенников к половозрастным группам погребенных в могильниках Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадины не представляется возможным. Отметим лишь, что из 21 жертвенника Ергенинской возвышенности 13, с разной степенью надежности, соотнесены с погребениями взрослых людей. Распределение по половозрастным группам не прослеживается, но выделяется среднее количество голов КРС в одном жертвеннике у индивидуальных мужских погребений (5,2 особей / жертвенник).

Из 21 комплекса Ергенинской возвышенности 17 отнесено к восточноманычской катакомбной культуре, четыре не могут быть датированы однозначно и, судя по всему, относились к позднему этапу ямной культуры или к раннему этапу катакомбной культуры. Среди жертвенников Кумо-Манычской впадины нет такого точного соотнесения жертвенников и погребений, однако все 16 комплексов уверенно датированы авторами раскопок как относящиеся к разным этапам катакомбной культуры.

В результате сравнения жертвенных комплексов из курганов Кумо-Манычской впадины и Ергенинской возвышенности, делаем вывод о почти полной схожести обряда жертвоприношения крупного рогатого скота одинаковым количественным показателям. Наличие жертвенника в насыпи кургана, безусловно, говорит нам о неординарности данного памятника, но при сравнении выделенных групп жертвенных комплексов выявляются некоторые закономерности.

Сверхбольшие по размеру насыпи курганов сами по себе являются показателями высокого статуса, и при изучении группы жертвенников из этих курганов были выявлены их отличия от комплексов из меньших по размеру курганов. Только в сверхбольших курганах обнаружено по три жертвенника, два комплекса содержалось только в одном кургане крупного размера в Кумо-Манычской впадине, в остальных курганах их было по одному. Также из сверхбольших курганов происходят наиболее «богатые» жертвенники — 4–10 голов КРС в одном комплексе (рис. 4, рис. 5).

Сравнение групп с курильницами и без них дало следующие результаты: жертвенники из обеих групп не отличаются по среднему количеству особей КРС в одном жертвеннике и встречаются в курганах всех размерных групп. Прослежена зависимость встречаемости целой курильницы в более «богатых» жертвенниках, однако это можно объяснить тем, что размеры насыпи и глубина залегания этих комплексов были больше, вследствие чего глиняные изделия сохранились лучше, нежели подобные предметы из курганов меньших размеров.

Далее рассмотрим вопрос о возможной реконструкции обряда жертвоприношения в бронзовом веке на основе содержащихся в них останках и предметах. Имеющиеся в нашем распоряжении этнографические данные говорят о сложном ритуальном действе, сопровождавшем жертвоприношение животного, в нашем случае — одной или нескольких голов КРС. Реконструируемый ритуал мог выглядеть так: во время похорон или поминок, т. е. в составе погребального ритуала или в процессе поминальных действий (в момент погребения или спустя какой-то определенный отрезок времени) было совершено жертвоприношение животного или животных. Судя по всему, подобные ритуалы сопровождались собранием большого количества людей, близких и дальних родственников погребаемого или погребенного. В процессе погребально-поминальных действий мясо жертвенного животного было употреблено в пищу собравшимися людьми. По этнографическим данным, распределение частей туши никогда не было случайным, определенная часть тела жертвенного животного должна была быть передана человеку определенного статуса и никому другому, причем мясо жертвенного животного необходимо было съесть именно на месте ритуала и во время его проведения. По завершении тризны костные останки были ритуально разбросаны или сложены на поверхности, без сооружения отдельного комплекса, хотя иногда при раскопках курганов отмечаются находки отдельных костей животных, которые, возможно, являются следами подобных поминальных тризн. В завершающей стадии ритуала голова и кости четырех конечностей КРС (возможно, вместе со шкурой) были уложены в соответствующее место в насыпи и захоронены.

Факт того, что в жертвенник помещались только определенные, наименее мясные, части животного, а не туша целиком, говорит нам скорее о сложном ритуале, нежели о цели экономии мяса как продукта домашнего хозяйства. Хотя этот момент присутствует, но, как и многие элементы в образе жизни древнего населения, он является стратегически выверенной частью сложившегося обряда. Возможно, на основе подобных жертвоприносительных ритуалов (жертвование наименее мясной части животного) сложился древнегреческий миф о том, как Прометей обманом установил ритуал жертвования богам лишь части туши животного [Мифы 1992: 338].

По многочисленным исследованиям именно образ быка в сакральных представлениях многих народов мира соотносится с образом оплодотворяющей силы самой природы в целом. Так и образ быка / коровы в жертвоприношениях культур бронзового века является главным; животное как образ прародителя (быка) или прародительницы (коровы) само по своей тотемической функции, как зооморфный первопредок, должен был способствовать продолжению рода человеческого и плодovitости скота [Илимбетова, Илимбетов 2012: 479–480].

Вывод

Выявленные в данном исследовании особенности жертвенных комплексов бронзового века из курганов Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычской впадины позволяют реконструировать обряд жертвоприношения, его важной роли в сакральной сфере представителей данных культур, где крупный рогатый скот выступал в образе первопредка, покровителя живых существ и был связан с культом плодородия.

Почитание крупного рогатого скота в древности могло возникнуть только при условии его важной роли в домашнем хозяйстве того периода истории. Именно крупный рогатый скот тесно связывается с раннеземледельческими культурами. В дальнейшем почитание образа быка / коровы распространилось по территории Европы, Азии и Африки, и, возможно, существовавшие и существующие ритуалы почитания крупного рогатого скота имеют единый историко-культурный корень.

Источники

- Шилов 1981 — *Шилов В. П.* Исследование Волго-Донской археологической экспедиции 1981 г. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 10968. 166 с.
- Шилов 1982 — *Шилов В. П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 9516. 25 с.
- Шилов 1984 — *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 11785. 17 с.
- Шилов 1985–1986 — *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1985–86 гг. // Научный архив Института археологии РАН. Р-1. № 11793. 18 с.

Sources

- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition: a Report of the 1985–1986 Excavations]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 11793. 18 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition: a Report of the 1981 Study]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 10968. 166 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition: a Report of the 1982 Survey]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 9516. 25 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [The Volga-Don Archaeological Expedition (Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences): a Report of the 1984 Excavations]. In: Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Fond P-1. No. 11785. 17 p. (In Russ.)

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточно-манычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014. 272 с.
- Державин 1991 — *Державин В. Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: ИА АН СССР, 1991. 186 с., илл.
- Дремов, Кольцов 2010 — *Дремов И. И., Кольцов П. М.* Раскопки курганов у с. Кетченеры в Республике Калмыкия // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2010. № 2. С. 40–59.
- Илимбетова, Илимбетов 2012 — *Илимбетова А. Ф., Илимбетов Ф. Ф.* Культ животных в

- мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АН РБ, 2012. 704 с.
- Кекеев 2018 — *Кекеев Э. А.* Жертвенные комплексы эпохи бронзы из насыпей курганов (по материалам курганных групп «Восточный Маныч») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4 (8). С. 26–45.
- Кекеев, Буратаев 2016 — *Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.* Свод археологических памятников Кумо-Манычской впадины (1965–1967 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 352 с.
- Ковалевский 2004 — *Ковалевский С. А.* Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 5 (42). С. 126–130.
- Мифы 1992 — Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с. с илл.
- Пандей 1990 — *Пандей Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды (обычай) / пер. с англ., А. А. Вигасина. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1990. 319 с.
- Синицын 1978 — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. В 2-х ч. Саратов: изд-во Саратов. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с.; Ч. 2. 117 с.
- Синицын, Эрдниев 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Труды Республиканского краеведческого музея. № 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.
- Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Труды КНИИЯ-ЛИ, КРКМ № 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Синицын, Эрдниев 1971 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский курганный могильник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 139 с.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Труды ГИМ. Выпуск 165. М.: ГИМ, 2007. 400 с.
- Эрдниев 1982 — *Эрдниев У. Э.* Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 153 с.
- Ochir-Goryaeva 2015 — *Ochir-Goryaeva M.* The Scythian tombs: Construction and geographical orientation // European Journal of Archaeology. 2015. № 18 (3). Pp. 477–496.

References

- [Myths of the World: an Encyclopedia]. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1992. Vol. 2. 719 p. (In Russ.)
- Andreeva M. V. [The East Manych Catacomb Culture: Analysis of Materials from Sepulchral Monuments]. Moscow: TAUS, 2014. 272 p. (In Russ.)
- Derzhavin V. L. [Stavropol Steppes in the Early and Middle Bronze Ages]. Moscow: Inst. of Archaeology (USSR Acad. of Sc.), 1991. 186 p. (In Russ.)
- Dremov I. I., Koltsov P. M. Excavating mounds near Ketchenery (Republic of Kalmykia). *Vestnik Prikaspiya: arkhеologiya, istoriya, etnologiya*. 2010. No. 2. Pp. 40–59. (In Russ.)
- Erdniev U. E. [Archaeological Monuments of the Southern Ergeni]. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 153 p.
- Ilimbetova A. F., Ilimbetov F. F. [The Cult of Animals in the Mythical and Ritualistic Tradition of the Bashkirs]. 2nd ed., rev. and suppl. Ufa: Bashkortostan Acad. of Sc., 2012. 704 p. (In Russ.)
- Kekeev E. A. Bronze Age sacrificial complexes from the East Manych mound group. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2018. No. 4 (8). Pp. 26–45. (In Russ.)
- Kekeev E. A., Burataev E. G. [The Kuma-Manych Depression: Collected Descriptions of (Investigated) Archaeological Monuments, 1965–1967]. Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2016. 352 p. (In Russ.)
- Kovalevsky S. A. Late Bronze Age populations of Irmen culture: ritualistic sacrificial complexes containing animal skulls. *Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 2004. No. 5 (42). Pp. 126–130. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. The Scythian tombs: Construction and geographical orientation // *European Journal of Archaeology*. 2015. № 18 (3). Pp. 477–496.
- Pandey R. B. [Hindu Samskāras: a Socio-Religious Study of the Hindu Sacraments]. A. A. Vigasin (transl.). 2nd ed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 319 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. [Ancient Livestock Breeders of the Kalmyk Steppe]. Elista: Gerel, 2009. 303 p. (In Russ.)
- Shishlina N. I. [The Northwest Caspian in the Bronze Age: 5th to 3rd Mill. BC]. *Trudy GIM*. Is. 165. Moscow: State Historical Museum, 2007. 400 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V. [Ancient Monuments of the East Manych]. In 2 vols. Saratov: Saratov State Univ., 1978. Vol. 1. 130 p.; vol. 2. 117 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. [The Mound Burial Site of Elista]. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. 139 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Archeological excavations in the Kalmyk ASSR: 1961. *Trudy Respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya*. No. 1. Elista: Kalm. Book Publ., 1963. 60 p. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. The newly explored archeological monuments of Kalmykia (excavations of 1962–1963). In: [Transactions of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, and Kalmyk Republican Museum of Local History: No. 2]. Elista: Kalm. Book Publ., 1966. 186 p. (In Russ.)



Таблица XIV. фото гробницы 2, 1985 г.

Рис. 1. Ергенинский-1985. Курган 11. Тризна 2. Фото [Шилов 1985–1986: табл. 14]
[Fig. 1. Yergeninsky-1985. Mound 11. Trizna 2. Photo [Shilov 1985–1986: table 14]

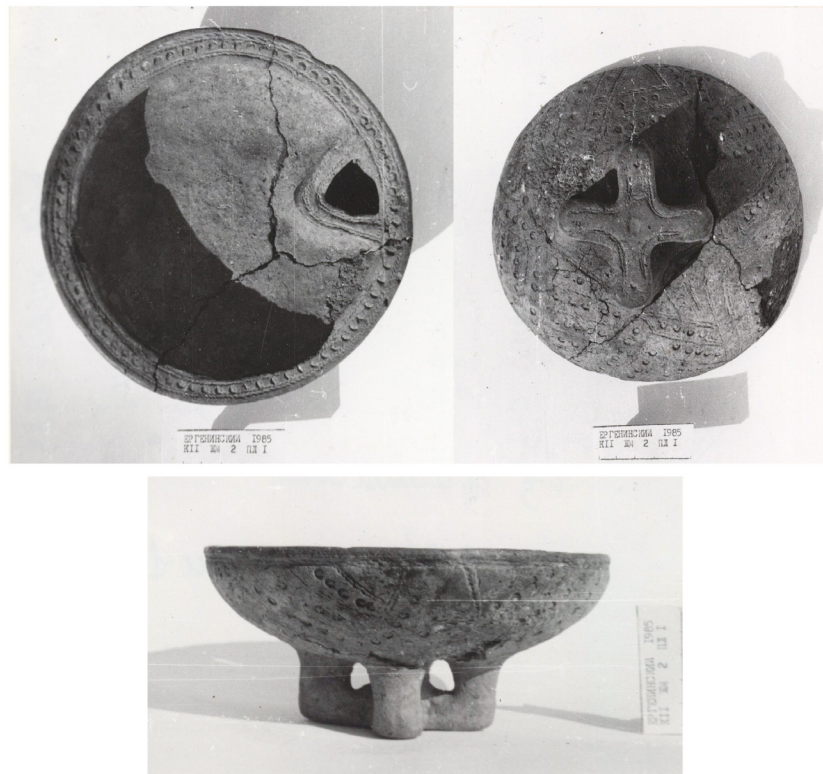


Рис. 2. Глиняная курильница. Ергенинский-1985. Кург. 11. Тр. 2. Фото [Шилов 1985–1986: табл. 15–16] [Fig. 2. Clay incense burner. Yergeninsky-1985. Mound 11. Trizna 2. Photo [Shilov 1985–1986: tables 15–16]

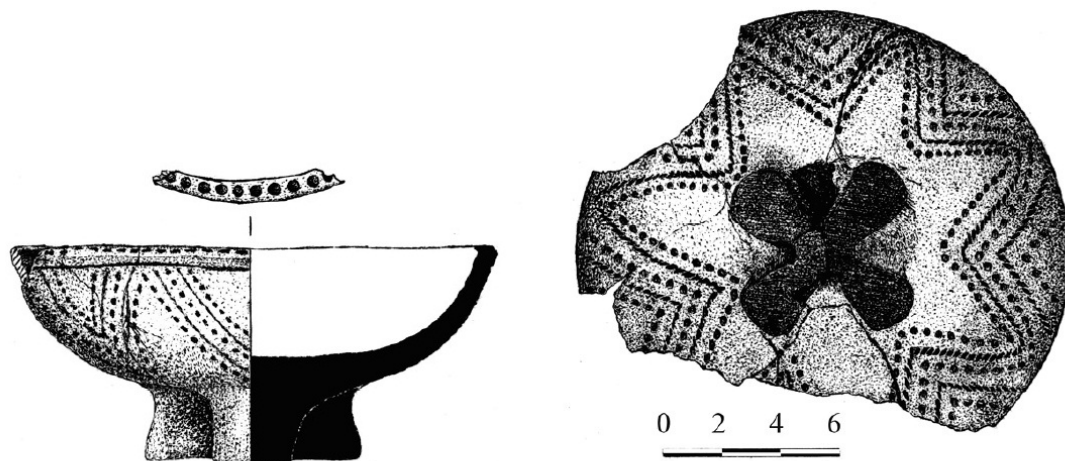


Рис. 3. Глиняная курильница. Кетченеры-1, 2007. Кург. 1. Фото [Дремов, Кольцов 2010: рис. 4] [Fig. 3. Clay incense burner. Ketchenery-1, 2007. Mound 1. Photo [Dremov, Koltsov 2010: fig. 4]



Рис. 4. Жертвенные комплексы Ергенинской возвышенности (единым прямоугольником выделены ЖК из одного кургана, число в квадрате или в круге — количество особей КРС, квадрат — комплекс только с костями, круг — комплекс с фрагментом курительницы, двойной круг — с половиной курительницы, тройной круг — с целой курительницей) [Fig. 4. Sacrificial complexes of the Ergeni Upland (a single rectangle denotes sacrificial complexes from one mound, figure in a square or circle — number of cattle, square — a complex containing bones only, circle — a complex with a fragmented incense burner, double circle — one with half an incense burner, triple circle — one with a whole incense burner)]



Рис. 5. Жертвенные комплексы Кумо-Манычской впадины (единым прямоугольником выделены ЖК из одного кургана, число в квадрате или в круге — количество особей КРС, квадрат — комплекс только с костями, круг — комплекс с фрагментом курительницы, двойной круг — с половиной курительницы, тройной круг — с целой курительницей) [Fig. 5. Sacrificial complexes of the Kuma-Manych Depression (a single rectangle denotes sacrificial complexes from one mound, figure in a square or circle — number of cattle, square — a complex containing bones only, circle — a complex with a fragmented incense burner, double circle — one with half an incense burner, triple circle — one with a whole incense burner)]

Таблица 1. Жертвенные комплексы в насыпях курганов могильников Ергенинской возвышенности (в кавычках приводятся цитаты из отчетов о раскопках)
 [[Table 1. Sacrificial complexes from burial mounds of the Ergeni Upland (citations from excavation reports put in quotation marks)]]

№	Группа, курган, размеры насыпи, м (диаметр/высота)	Содержимое ЖК (жертвенного комплекса)		Привязка ЖК к погребению и его КХП (в кавычках приводятся цитаты авторов раскопок)	Месторасположение ЖК в насыпи	КХП погребений в кургане
		Костные останки животных (1 особь = 1 череп и кости 4-х ног)	Глиняные изделия			
Первая группа. Жертвенники только с костями животных						
1-1 (2)	Лола-2-1963, курган 8 (50/5, первоначальная насыпь — 35/3)	3 КРС		находилось над осн. погр. 8 (парное погребение — муж. и жен.) («ран. эт. кат. к-ры»)	в центре насыпи	осн. погр. 8 и вп. погр. 6 и 7 (досыпка) — «ран. эт. кат. к-ры», погр. 1, 2, 4, 5 — кат. к-ра, погр. 3 — половецкое погр.
1-2 (7)	Архара-1962, курган 10 (36/2,5)	1 КРС		был устроен на перекрытии осн. погр. 8 (муж. пог.) («ран. эт. кат. к-ры»), впоследствии провалившемся в погребение	в центре насыпи, в центральном погр.	осн. погр. 8 («ран. эт. кат. к-ры»), погр. 2, 5-7 — кат. к-ра, погр. 1, 3, 4 — РЖВ
1-3 (10)	Элиста-1964, курган 2 (50-60/до 6, первая насыпь — до 30/ок. 2, вторая насыпь — 40-50/4-4,5)	2 КРС		привязка к погребению не указана	в юго-восточном секторе, на расстоянии 9 м от центра, на глубине 0,75 м от поверхности	осн. погр. 6 (ямн. к-ра) — первая насыпь (до 30/ок. 2), погр. 7 (ран. эт. кат. к-ры) — вторая насыпь (40-50/4-4,5), погр. 8 (кат. к-ра) — третья насыпь (50-60/до 6), погр. 2-4 — кат. к-ра, погр. 1, 5 — РЖВ

1-4 (12)	Элиста-1964, курган 8 (60-70/6,5, первая насыпь – ок 25/ до 1,5, вторая насыпь – 40-50/ до 3,5)	7 КРС		«по-видимому, был связан с условным погребением- кенотафом , расположенным ниже в насыпи кургана — погр. 7»	над погр. 7, примерно в центре насыпи	осн. погр. 13 (ямн. к-ра) — первая насыпь (ок 25/до 1,5), затем впушены погр. 9, 10 (ямн. к-ра), погр. 8 (ран. эт. кат. к-ры) — вторая насыпь (40-50/до 3,5), погр. 6 и 7 (кат. к-ра) — третья насыпь (60-70/6,5), погр. 1-5, 11, 12 — кат. к-ра,
1-5	Ергенин- ский-1981-85, курган 6, тризна № 3 (55,5-59,5/5,45)	1 КРС (черепа и кости ног ориентированы на юг)		«видимо, с осн. погр. 2 (взр.) (предкавк. к-ра)»	в юго-западном секторе	осн. погр. 2 и погр. 3 и 5 — предкавк. к-ра, погр. 1 — РЖВ (позднесарм.), погр. 4 — не указ.
1-6	Ергенин- ский-1981-85, курган 11, тризна № 3 (77-83/5,3)	1 КРС		привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (жен.)	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи в 2 м к югу от центрального пикета	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
1-7	Ергенин- ский-1981-85, курган 12 (26/0,6)	2 КРС (фрагменты черепа, метаподий, фаланг и зубов)		привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (взр.)	в насыпи, в юго- восточном секторе	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
1-8	Кермен Толга 1968, курган 1, ЖК 3 (130/9)	1 КРС		привязка к погребению не указана	в северо-западном секторе	часть погребений отнесена к кат. к-ре, часть не датирована по причине их разрушения
Вторая группа. Жертвенники с костями животных и курильницами						
2-1 (1	Лола-1-1961, курган 12 (30/1,75)	2 КРС	глиняная курильница, бронзовое шило, 4 глиняных сосуда, бронзовый нож («копье» или «кинжал»), мелкие пастовые бусы	привязка к погребению не указана, сам жертвенник отнесен к кат. к-ре	в 1,4 м к западу от осн. погр. 6 (центр насыпи) на глубине 1,75 м от вершины насыпи, на древнем погребенном почвенном слое	осн. погр. 6 — ямн. к-ра, остальные 5 погр. — кат. к-ра

2-2 (3)	Лола-2-1963, курган 13 (24/1,3)	2 КРС	фрагмент («большой обломок») глиняной курильницы	был устроен выше древнего горизонта на 0,4 м, на южном краю входной ямы осн. погр. 4 (муж. пож.) (кат. к-ра)	в центре насыпи	осн. погр. 4 и остальные 3 погр. — различные этапы кат. к-ры
2-3 (4)	Лола-2-1963, курган 16 (25/1,55)	1 КРС	фрагмент («обломок») глиняной курильницы	был устроен на древнем горизонте, на западном краю осн. погр. 5 (муж. пож.) («гран. эт. кат. к-ры»)	в центре насыпи	осн. погр. 5 и выпуск погр. 4 — «ран. эт. кат. к-ры», погр. 2 и 3 — кат. к-ра, погр. 1 — средн.?
2-4 (5)	Лола-2-1963, курган 17 (22/1,35)	1 КРС	фрагмент («обломок») глиняной курильницы	был устроен на древнем горизонте, на западном краю осн. погр. 3 (разрушенное погр. в форме ямы)	в центре насыпи	осн. погр. 3 (разрушенное погр. в форме ямы), погр. 2 — кат. к-ра, погр. 1 — время поздних кочевников
2-5 (8)	Архара-1963, курган 30 (20/1,25)	2 КРС (череп и кости ног ориентированы на юг)	половина глиняной курильницы	рядом (восточнее) с осн. погр. 1 (кенотаф, кат. к-ра)	в центре насыпи	осн. погр. 1 (кенотаф, кат. к-ра)
2-6 (9)	Архара-1963, курган 31 (35/3,5)	5 КРС (череп и кости ног ориентированы на север)	половина глиняной курильницы (с западной стороны от костей КРС)	обнаружен в насыпи над осн. погр. 1 (жен и реб) (кат. к-ра)	в центре насыпи, на глубине 1 м от поверхности	осн. погр. 1 (кат. к-ра)
2-7 (11)	Элиста-1964, курган 5 (27/1,5)	2 КРС	половина глиняной курильницы	обнаружен на выкиде осн. погр. 9 (катакомбное мужское погребение с повозкой во входной яме и с разнообразным инвентарем) (кат. к-ра), к югу от края входной ямы	в центре насыпи	осн. погр. 9 и остальные выпуск. погр — кат. к-ра
2-8 (13)	Элиста-1964, курган 25 (20/1,35)	1 КРС (кости ног ориентированы копытами на восток, ориентировка череп не указана)	фрагмент («обломок») глиняной курильницы	«стратиграфические данные позволяют считать, что жертв. относится к выпуску погр. 3 » (жен.) (кат. к-ра)	в юго-восточном секторе ближе к центру на глубине 0,6 м от поверхности кургана	осн. погр. 4 и выпуск погр. 5 — ямн. к-ра, погр. 2 и 3 — кат. к-ра, погр. 1 — позд. эт. кат. к-ры

2-9	Ергенин-ский-1981-85, курган 6, тризна № 1 (55,5-59,5/5,45)	3-4 КРС (плохая сохранность) (череп и кости ног ориентированы на юг)	курильница	«видимо, связана с осн. погр. 2 (взр.) (предкавк. к-ра) (расположено ближе к нему)»	в юго-западном секторе	осн. погр. 2 и погр. 3 и 5 — предкавк. к-ра, погр. 1 — РЖВ (позднесарм.), погр. 4 — не указ.
2-10	Ергенин-ский-1981-85, курган 6, тризна № 2 (55,5-59,5/5,45)	не менее 10 КРС (череп и кости ног ориентированы на юг)	курильница	«судя по местоположению, следует увязывать с погр. 3 (муж.) (предкавк. к-ра)»	в насыпи, в юго-западном секторе	осн. погр. 2 и погр. 3 и 5 — предкавк. к-ра, погр. 1 — РЖВ (позднесарм.), погр. 4 — не указ.
2-11	Ергенин-ский-1981-85, курган 11, тризна № 1 (77-83/5,3)	1 КРС (верхний слой) + 6 КРС (нижний слой, череп и кости ног ориентированы на юг)	курильница (в нижнем слое)	привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (жен.)	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи, почти в центре кургана	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
2-12	Ергенин-ский-1981-85, курган 11, тризна № 2 (77-83/5,3)	5 КРС	курильница	привязка к погребению не указана, но в кургане обнаружено одно погр. предкавк. к-ры (жен.)	в насыпи, в западной стенке первой восточной траншеи на расстоянии 5-6 м к югу от центрального пикета	осн. погр. 1 (предкавк. к-ра)
2-13	Кетченеры-1 2007, курган 1 (32-38/до 2)	2 КРС (череп ориентированы на юг, ноги — на ЮВ и ЮЗ)	фрагментированная курильница, к югу от скопления костей	был устроен на перекрытии осн. погр. 2 (кенотаф) (кат. к-ра), впоследствии провалившимся в погребение	в заполнении входной ямы осн. погр. 2 , в центре кургана	погр. 1 — XVI-XX вв., осн. погр. 2 и погр. 3-5 — кат. к-ра

Сокращения: ЖК — жертвенный комплекс, КРС и МРС — крупный и мелкий рогатый скот, КХП — культурно-хронологическая принадлежность, ямн. — ямная, кат. — катакомбная, к-ра — культура, РЖВ — ранний железный век, средн. — средневековое, ран. эт. — ранний этап, осн. — основное, погр. — погребение, муж. — мужчина, жен. — женщина, взр. — взрослый, реб. — ребенок, погр. — погребение, пож. — пожилой.

Таблица 2. Размерные данные курганов [Table 2. Dimensions of the mounds]

Группа	№	Могильник, курган (в скобках кол-во погребений бр. века)	Номер жертвенного комплекса (табл. 1) (в скобках — привязка ЖК)	Глиняная курительница	Кол-во голов КРС	Диаметр кургана, м	Высота кургана, м
средние	1	Архара-1963, курган 30 (1)	2-5 (связан с осн. погр.)	половина глиняной курительницы	2	20	1,25
	2	Элиста-1964, курган 25 (5)	2-8 (связан с впуск. погр.)	фрагмент («обломок») глиняной курительницы	1	20	1,35
	3	Лола-2-1963, курган 17 (2)	2-4 (связан с осн. погр.)	фрагмент («обломок») глиняной курительницы	1	22	1,35
	4	Лола-2-1963, курган 13 (4)	2-2 (связан с осн. погр.)	фрагмент («большой обломок») глиняной курительницы	2	24	1,3
	5	Лола-2-1963, курган 16 (4)	2-3 (связан с осн. погр.)	фрагмент («обломок») глиняной курительницы	1	25	1,55
	6	Ергенинский-1981-85, курган 12 (1)	1-7		2	26	0,6
	7	Элиста-1964, курган 5 (9)	2-7 (связан с осн. погр.)	половина глиняной курительницы	2	27	1,5
	8	Лола-1-1961, курган 12 (6)	2-1	глиняная курительница	2	30	1,75
большие	9	Кетченеры-1 2007, курган 1 (4)	2-13 (связан с осн. погр.)	фрагментированная глиняная курительница	2	32-38	2
	10	Лола-2-1963, курган 8 (7)	1-1 (связан с осн. погр.)		3	35	3
	11	Архара-1963, курган 31 (1)	2-6 (связан с осн. погр.)	половина глиняной курительницы	5	35	3,5
	12	Архара-1962, курган 10 (5)	1-2 (связан с осн. погр.)		1	36	2,5

сверхбольшие	13	Элиста-1964, курган 8 (13)	1-4 (связан с досыпкой)		7	40-50 – досыпка – 60-70	3,5 – досыпка – 6,5
	14	Ергенинский-1981-85, курган 6 (3)	1-5 и 2-9 (связан с осн. погр. 2), 2-10 (связан с впуск. погр. 3)	две глиняные курильницы	1+3 или 4 + не менее 10 = не менее 14-15	55,5-59,5	5,45
	15	Ергенинский-1981-85, курган 11 (1)	1-6, 2-11, 2-12 (в кургане только одно погр.)	две глиняные курильницы	1+7+5=13	77-83	5,3
	16	Элиста-1964, курган 2 (6)	1-3		2	30...50-60	2...6
	17	Кермен Толга 1968, курган 1 (9)	1-8		1	130	9
группа вне расчетов							

Сокращения: погр. — погребение, осн. — основное, впуск. — впускное, кол-во — количество, бр. — бронзовый).

Таблица 3. Соотношение размерных данных кургана и количественных показателей
жертвенных комплексов (ЖК) Ергенинской возвышенности [Table 3. Correlations between mound dimensions and quantitative characteristics of sacrificial
complexes from the Ergeni Upland]

Группа	Кол-во курганов	Диаметр, м	Высота, м	Кол-во ЖК (первая/вторая группы)	Кол-во особей КРС	Среднее кол-во особей КРС в одном ЖК	Степень сохранности курильниц
средние	8	15-30	0,75-3	8 (1/7)	13	1,6	«обломки», «большой обломок» и половина курильницы
большие	4	30-45	1,5-3	4 (2/2)	11	2,75	фрагменты и половина курильницы
сверх- большие	3	> 45	> 2	7 (2/5)	> 34	> 4,8	целая курильница
все группы	15	20-130	0,6-9	19 (6/13)	> 58	> 3	

Таблица 4. Соотношение размерных данных кургана и количественных показателей жертвенных комплексов (ЖК) Кумо-Манычской впадины [Table 5. Ties between sacrificial complexes of the Ergeni Upland and certain burials within the mounds (citations of excavation authors put in quotation marks)]

Группа	Кол-во курганов	Диаметр, м	Высота, м	Кол-во ЖК	Кол-во особей КРС	Среднее кол-во особей КРС в одном ЖК	Степень сохранности курильниц
средние	2	15–30	0,75–3	2 (1/1)	4	2	целая курильница
большие	4	30–45	1,5–3	5 (2/3)	10	2	целая курильница
сверх-большие	6	> 45	> 2	9 (7/2)	> 21	> 2,3	половина и целая курильницы
все группы	12	20–130	0,6–9	16 (10/6)	> 35	> 2,1	

Таблица 5. Привязка жертвенных комплексов Ергенинской возвышенности к определенным погребениям внутри курганов (в кавычках — цитаты авторов раскопок)

Привязка жертвенного комплекса к погребению (в скобках указано количество голов КРС)	Пол, возраст погребенного/ных (подчеркнуто — погребенные пожилого возраста, в скобках — кол-во голов КРС)						ИТОГО
	взр.	муж. и жен.	муж.	жен.	жен. и реб.	кенотаф	
находилось над погребением					2–6 (5)		2
находилось на перекрытии		1–1 (3)				2–13 (2)	2
находилось на краю и «рядом» с погребением			1–2 (1) 2–2 (2), 2–3 (1), 2–7 (2)			2–5 (2)	5
в кургане обнаружено только одно погребение	1–7 (2)			1–6 (1), 2–11 (7), 2–12 (5) (все три в одном кургане)			4
«по-видимому...», «судя...»	1–5 (1), 2–9 (3–4)		2–10 (не менее 10)	2–8 (1)		1–4 (7)	5
не указана							1–3 (2), 1–8 (1), 2–1 (2)
ИТОГО	3 (6–7)	1 (3)	5 (16)	4 (14)	1 (5)	3 (9)	21



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 4, pp. 601–614, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-601-614
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 902/904

Предметы вооружения из раннескифских погребальных комплексов Нижнего Дона

Михаил Юрьевич Русаков¹

¹ Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр Российской академии наук»
(д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
ORCID: 0000-0002-0891-9041. E-mail: rusakov@ssc-ras.ru

Аннотация. *Введение.* Центрами раннескифской культуры традиционно считаются Северный Кавказ и лесостепное Приднепровье. Однако количество памятников, известных на сегодняшний день в степной зоне Северного Причерноморья и Приазовья, позволяет говорить о существовании третьего очага раннескифской культуры. Большая часть этих памятников сконцентрирована в районе Нижнего Дона. Комплексы данного региона имеют погребальный обряд, отличный от северокавказского и лесостепного, при этом набор инвентаря, характерный для раннескифской культуры, здесь сохраняется, хотя и имеет свою специфику. Одной из наиболее распространенных и важных для этнокультурной интерпретации раннескифских комплексов категорий инвентаря являются предметы вооружения, рассмотрению которых и посвящена статья. *Цели исследования* — рассмотреть предметы вооружения из раннескифских погребальных комплексов Нижнего Дона, выявить предметы, наиболее характерные для погребений региона, и провести сравнение с комплексом вооружения других центров раннескифской культуры. *Материалы.* В основу работы легли результаты многолетних археологических исследований на Нижнем Дону, благодаря которым на настоящий момент открыто 80 погребальных комплексов раннескифского времени. Кроме того, для сравнительного анализа привлечены материалы исследований других регионов распространения раннескифской культуры. *Результаты.* В раннескифских погребениях Нижнего Дона встречаются: из наступательного вооружения — мечи, топор, а также изделия, связанные с колчанным набором. Предметов, связанных с оборонительным вооружением, до сих пор обнаружено не было. *Выводы.* Набор вооружения раннескифских памятников Нижнего Дона имеет свою специфику. Наиболее массовым предметом вооружения являются наконечники стрел. Обращает на себя внимание небольшое количество мечей и топоров, а также отсутствие копий и оборонительного доспеха. Характерной чертой погребений региона является отсутствие захоронений с лошадами, а также предметов конской упряжи.

Ключевые слова: раннескифская культура, Северное Причерноморье, Нижний Дон, курган, погребение, погребальный инвентарь, предметы вооружения, наступательное вооружение, оборонительное вооружение, наконечники стрел, греческая керамика

Благодарность. Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг., базовая тема НИР ЮНЦ

РАН «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени» в рамках Государственного задания (00-18-09, № госрегистрации 01201354248).

Для цитирования: Русаков М. Ю. Специфика набора вооружения раннескифских погребальных комплексов Нижнего Дона. *Oriental Studies*. 2019;(4): 601–614. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-601-614.

UDC 902/904

Weaponry from Early Scythian Burial Complexes of the Lower Don Region

Mikhail Yu. Rusakov¹

¹ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation)
Junior Research Associate
ORCID: 0000-0002-0891-9041. E-mail: rusakov@ssc-ras.ru

Abstract. *Introduction.* The North Caucasus and forest-steppe zones of the Dnieper region are traditionally viewed as centers of the Early Scythian culture. At the same time, vast steppe territories situated between these centers have for a long time been uninvestigated because of a small number of Early Scythian sites. The advance of recent archaeological surveys allows revising the position of archaic steppe complexes within the Early Scythian culture. To date, over 100 early Scythian sites situated in the steppe zone of the Northern Black Sea region have been discovered. 80 of them are concentrated in the Lower Don region which can be regarded as a third center of the Early Scythian culture. Steppe burial complexes here differ from Caucasian and forest-steppe ones in terms of ritual, and their funeral set is typical for early Scythian culture, though it is much simpler and smaller in number. The paper deals with weaponry which was one of the most important items in the funeral set of Early Scythian sites. *Objectives.* The paper primarily aims to study weapons from the early Scythian sites of the Lower Don region, identify the most common types of weapons in the area, and compare them to weapons from other centers of the Early Scythian culture. *Results.* Bow and arrows seem to be the most popular weapon to have been put into the Lower Don graves. Arrowheads were found in 23 burials of the region. They are not very numerous: 18 complexes contained 20 pieces or less, and only 5 — more than 20. A typical funeral item in Caucasian and forest-steppe burials, swords were found in just two steppe graves, one of them containing the single axe in the region. No defensive weapons have been found so far. *Conclusion.* The considerable number of early Scythian sites known in the steppe zone of the Northern Black Sea region, as well as unique character of their burial rites makes it possible to reapproach the hypothesis concerning the two Early Scythian areas and view the steppe zone as a third center of the archaic Scythian culture. Its heart — judging by the concentration of burial complexes and composition of their funeral set — was situated in the Lower Don region. Quiver sets found in every burial complex containing weapons allows to state that the population of the region was primarily armed with bows, and that the social stratification of the community was not very distinct.

Keywords: Early Scythian culture, Northern Black Sea region, Lower Don region, mound, burial, funeral set, weapon, offensive weaponry, defensive weaponry, arrowheads, Greek ceramic ware

Acknowledgements: The research was conducted with the support of the 2013–2020 Program for Fundamental Scientific Studies of State Academies of Sciences, Basic Research Theme of the Southern Scientific Center of the RAS within the Government Assignment: ‘Population of the Lower Don Region from the Earliest Times to the Modern Era: Investigating Cross-Cultural Interactions’ (00-18-09, State Reg. No. 01201354248).

For citation: Rusakov M. Yu. Weaponry from Early Scythian Burial Complexes of the Lower Don Region. *Oriental Studies*. 2019;(4): 601–614. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-601-614.

Введение

Появление скифских племен в Северном Причерноморье надолго определило политическую историю региона. С момента выделения раннескифской культуры традиционными центрами ее распространения считались Северный Кавказ и днепровская лесостепь. При этом еще недавно территория степной зоны Северного Причерноморья и, в частности, Нижнего Дона мало привлекала внимание исследователей скифской архаики в связи с малочисленностью памятников [Мурзин 1984: 46, 98; Ольховский 1997: 89; Романчук 1999: 261]. Так, в одной из первых сводок степных скифских памятников, выполненных И. В. Яценко, было собрано всего около двадцати памятников VII–V вв. до н. э. [Яценко 1959].

В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, относя к периоду скифской архаики памятники VII–V вв. до н. э., в степной зоне Северного Причерноморья насчитывали их 63. При этом на Нижнем Дону ими было учтено только 5 комплексов, датируемых на данный момент серединой VII – первой половиной VI вв. до н. э. [Ильинская, Тереножкин 1983: 88, 90–92].

В. Ю. Мурзин в своей работе «Скифская архаика Северного Причерноморья» приводит данные о 20 степных комплексах VII–VI вв. до н. э., 4 из которых располагаются в нижнедонском регионе [Мурзин 1984: 12–13].

Составленный в 1986 г. свод скифских погребальных памятников степей Северного Причерноморья содержал сведения о 7 погребениях VII–VI вв. и 10 погребениях VI в. до н. э. [Черненко и др. 1986: 345]. При этом материалы погребений Нижнего Дона в работу включены не были.

О. Р. Дубовская, рассматривая проблему этногенеза скифской культуры, проанализировала материалы 60 степных раннескифских комплексов, в том числе и 27 нижнедонских [Dubovskaya 1997: 304–305].

Т. Н. Рябкова в своем диссертационном исследовании, посвященном раннескифским погребальным комплексам Нижнего Подонья и Прикубанья, собрала данные о 73 комплексах, 57 из которых располагаются на Нижнем Дону [Рябкова 2003: 211–212].

На сегодняшний день на территории обширного степного пространства от Ду-

ная до Прикубанья нам известно более 100 раннескифских комплексов, причем 80 из них, надежно датируемые серединой VII – первой половиной VI вв. до н. э., сосредоточены в районе Нижнего Дона (рис. 1). Исходя из этого, Нижнедонской регион рассматривается нами как еще один центр раннескифской культуры [Копылов, Русаков 2016: 41]. Это подтверждается и спецификой погребального обряда, отличного как от лесостепного, так и от кавказского вариантов, при сохранении инвентарного набора, характерного для раннескифской культуры, хотя и имеющего свои особенности [Русаков 2018а: 88–89].

Еще в 50-х гг. XX в. вещи, наиболее ярко характеризующие скифскую культуру — оружие, конская узда и изделия, выполненные в «зверином стиле», — были выделены в так называемую «скифскую триаду» [Граков, Мелюкова 1954]. Хотя на сегодняшний день «триада» утратила свое значение основного этнокультурного индикатора [Алексеев 2003: 40], однако вещи, входящие в ее состав, по-прежнему используются исследователями для идентификации памятников скифской культуры.

Наиболее распространенным элементом «триады» в раннескифских погребениях, независимо от их территориального расположения, являются предметы вооружения, что объясняется, по-видимому, особой ролью оружия в скифском обществе. Эта роль подтверждается не только данными археологии, но и античными письменными источниками. Геродот Галикарнасский сообщает, что скифы в числе других богов почитали Ареса. Скифского имени бога войны Геродот не приводит, однако указывает, что только Аресу скифы возводили культовые сооружения [Геродот 1972: 201]. Такие святилища представляли собой груды хвороста, сложенные одна на другую, на вершине которых был водружен древний железный меч — кумир Ареса, которому приносились жертвы, в том числе и человеческие [Геродот 1972: 202]. Информация о культе оружия у скифов также содержится в сочинениях Лукиана, Помпония Мелы, Климента Александрийского, Евдокса Книдского и других авторов [Бессонова 1984: 4].

В материальной культуре поклонение оружию вылилось в практику помещения в погребения предметов вооружения. Из

наступательного вооружения в раннескифских погребениях встречаются мечи, кинжалы, топоры, копья, лук, стрелы и другие предметы, связанные с колчанным набором; из оборонительного — шлемы и доспехи. На Нижнем Дону предметы вооружения обнаружены в 23 из 80 известных на сегодняшний день погребальных комплексов и представлены только наступательным вооружением.

Результаты

Мечи обнаружены в двух погребальных комплексах региона — погребении № 25 кургана № 1 курганной группы *Хапры* (рис. 3.1) [Максименко 1983: 26] и погребении № 3 курганной группы *Аксай I* (рис. 3.2) [Дьяченко и др. 1999: 96]. В обоих случаях это короткий меч с почковидным перекрестием и брусковидным навершием (I отдел, 1 тип по А. И. Мелюковой [Мелюкова 1964: 47]). Важно отметить, что кроме меча в этих погребениях встречалась импортная греческая керамика, которая позволяет дать точную дату всем предметам, находящимся в комплексе.

Амфору из комплекса *Хапры* С. Ю. Монахов определил как принадлежащую к амфорам круга Клазомен и датировал концом VII — первой половиной VI вв. до н. э. [Монахов 2003: 55] Ту же дату предложил и Ю. Сезгин, отнеся ее к ионийским амфорам группы «гамма» [Sezgin 2012: 286, 290, 292 *Ionia*.γ.15].

В погребении № 3 кургана № 3 могильника *Аксай I* была обнаружена ионийская столовая амфора, которую М. Ю. Вахтина датировала 560–500 гг. до н. э., а само погребение А. Ю. Алексеев отнес к середине — третьей четверти VI в. до н. э. с учетом других категорий инвентаря — меча и набора наконечников стрел [Алексеев 2003: 202].

В. П. Копылов предложил другую датировку амфоры — первая половина VI в. до н. э. [Копылов 2001: 22]. Этой же даты придерживается М. Н. Дараган со ссылкой на Е. Вальтер-Карида, которая датирует аналогичные амфоры первой половиной VI в. до н. э. [Дараган 2010: 194]

Нужно отметить, что мечи с почковидным перекрестием и брусковидным навершием были найдены во всех центрах распространения раннескифской культуры. А. И. Мелюкова определила время их бытования VI в. до н. э., главным образом второй

его половиной, хотя отмечала отдельные находки в комплексах конца VII — начала VI вв. до н. э. [Мелюкова 1964: 47] То, что нижняя граница времени их существования заходит во вторую половину VII в. до н. э., подтверждается и датировкой амфоры из комплекса *Хапры*. Что касается верхней границы, то на сегодняшний день нам не известно ни одного нижнедонского раннескифского комплекса, который надежно датировался бы второй половиной VI в. до н. э. [Копылов, Русаков 2015: 92, 94].

Также в погребении у г. *Константиновск-на-Дону* был обнаружен литой бронзовый массивный наконечник ножен меча. Самого меча в погребении найдено не было [Кияшко, Коренько 1976: 170–176]. Это единственная подобная находка в регионе.

Топоры. Единственный топор в раннескифских памятниках Нижнего Дона был обнаружен в погребении № 25 кургана № 1 курганной группы *Хапры*, где также были меч и амфора, упомянутые выше [Максименко 1983: 26]. К сожалению, в связи с плохой сохранностью топора определить его форму не удалось.

Лук и стрелы, а также предметы, с ними связанные, встречались во всех 24 погребениях с оружием, открытых на Нижнем Дону. Сам лук в регионе обычно не сохраняется, однако находки предметов из колчанного набора — наконечников стрел, колчанных крюков, зооморфных наверший, бронзовых крестовидных блях и костяных застёжек — могут косвенно свидетельствовать о его присутствии в погребении.

Наконечники стрел обнаружены в 23 раннескифских погребениях Нижнего Дона. В количественном отношении наиболее распространены колчанные наборы количеством до 10 наконечников стрел (15 комплексов), еще в трех было от 10 до 20 наконечников, и в 5 — более 20 наконечников. Самые крупные колчанные наборы обнаружены в погребении № 5 кургана 24 (47 штук) и погребении № 8 кургана 7 группы *Новоалександровка I* (73 штуки) и в погребении № 25 кургана № 1 группы *Хапры* (100 штук). Нужно отметить, что последние два погребения выделяются среди других погребений региона по составу инвентарного набора, где, кроме прочего, присутствуют предметы греческого керамического импорта. По-видимому, эти комплексы можно

рассматривать как элитные для Нижнедонского региона.

По материалу наконечники стрел делятся на бронзовые, железные и костяные. Бронзовых наконечников обнаружено 334, из них двухлопастных — 146, трехлопастных — 164, трехгранных — 21, форма еще трех неизвестна. Железных наконечников обнаружено 25, однако форму наконечника не всегда возможно установить в связи с плохой сохранностью изделий из железа; костяных — 8, из них 5 пулевидных и 3 четырехгранных.

Наиболее распространенными типами бронзовых наконечников стрел являются: двухлопастные наконечники с овальной или лавролистной головкой (отдел I тип II по типологии А. И. Мелюковой) (рис. 3.3), трехлопастные с лавролистной в плане головкой и выступающей втулкой (отдел II тип I варианты 1 и 2) (рис. 3.4) и трехлопастные втульчатые с головкой треугольной формы и свисающими лопастями (отдел II тип III вариант 6) (рис. 3.5) [Мелюкова 1964: 18–19, 28, рис. 1].

Колчаные крюки обнаружены в 4 погребениях, при этом в трех из них они сопутствовали крупным колчанным наборам (Новоалександровка I, курган № 7, погребение № 8; Новоалександровка I, курган № 24, погребение № 5; Займо-Обрыв, курган 6, погребение 4). В погребении 4 кургана 6 группы *Высочино I*, где также был обнаружен колчаный крюк, наконечников стрел не было, однако были найдены зооморфное навершие на лук и застежки-«столбики».

Одной из особенностей раннескифского погребального обряда на Нижнем Дону является сравнительно небольшое количество изделий, выполненных в скифском «зверином стиле». Всего их найдено 8, и 6 из них — четыре зооморфных навершия и две крестовидные бляхи — можно связать с колчанным набором.

Зооморфные навершия на лук были обнаружены в четырех раннескифских комплексах Нижнего Дона — погребении № 8 кургана 7 курганной группы *Новоалександровка I* (рис. 4.2), погребении № 4 кургана № 6 группы *Высочино I* (рис. 4.1), погребении № 22 кургана *Дюнный* (рис. 4.3) и погребении № 24 кургана 1 курганной группы *Донской* (рис. 4.7). В первых трех комплексах навершия сходны по конструктивным

особенностям и декору. Они выполнены из кости в форме головы грифобарана, при этом навершие из Новоалександровки декорировано богаче остальных трех. Еще раз отметим, что новоалександровский комплекс вообще выделяется как по количеству, так и по составу погребального инвентаря среди остальных раннескифских погребений Нижнего Дона, что позволяет считать его элитным погребальным комплексом региона.

Навершия подобного типа встречаются также в лесостепных и кавказских раннескифских комплексах [Ильюков, Лукьяшко 1994: 60–61]. Недавно зооморфное навершие было обнаружено в Прикубанье [Рябкова 2005].

Навершие из кургана *Донской* представляет собой крючковидный предмет, выполненный из длинной кости животного, и заканчивается с одной стороны головой барана, а с другой — изображением хищника из семейства кошачьих. Погребальный обряд и инвентарный набор данного комплекса несут следы кавказского влияния, хотя прямых аналогий подобному навершию нам не известно.

Бронзовые крестовидные бляхи еще Б. Н. Граковым были определены как украшения ремня колчана или пояса [Граков 1947: 32]. Обе нижнедонские бляхи были обнаружены в дельте Дона — первая в районе х. Дугино (рис. 4.4) [Копылов 1992: 84, рис. 1,5], вторая — в районе х. Полушкин (рис. 4.5) [Ильюков 2016: 82]. Боковые и нижний выступы обеих блях образованы головами хищных птиц (1 группа, 3-й тип по Ю. Б. Полидовичу) [Полидович 2009: 477–478, 480], в центре находится вписанное в круг изображение свернувшегося хищника.

Из погребения № 3 кургана № 3 могильника *Аксай I* происходит фрагментированная крестовидная бляха, сохранившаяся нижняя часть которой идентична бляхам из дельты Дона [Дьяченко и др. 1999: 96] (рис. 4.6). Мы считаем, что крестовидные бляхи в регионе могут быть датированы временем не позднее третьей четверти VI в. до н. э. [Русаков 2018б: 22]

Костяные изделия, в литературе именуемые грибовидными «столбиками» и «гвоздиками», занимают особое место в инвентарном наборе погребальных комплексов раннескифского времени. Использовать их

в качестве индикаторов раннескифских погребений предложила О. Р. Дубовская [Дубовская 1989: 44]. Первая сводка комплексов, содержащих эту категорию инвентаря, приведена в работе «Скифские лучники» Е. В. Черненко, для которого была несомненна связь «столбиков» и «гвоздиков» с горитом, исходя из частого их нахождения совместно с наконечниками стрел и костяными или бронзовыми застегками [Черненко 1981: 33–36]. Целевое назначение этих изделий до конца не установлено: обычно их рассматривают либо как элемент декора [Черненко 1981: 33], либо в качестве предметов крепления [Клочко 1977: 50]. Были также попытки включить грибовидные «столбики» и «гвоздики» в состав конской сбруи [Галанина 1985: 162]. Кроме того, О. Р. Дубовская высказала предположение об использовании грибовидных застегек, кроме прочего, в качестве деталей одежды [Дубовская 1990: 185].

Еще одна категория раннескифских костяных изделий — застегки-«палочки» — также не раз привлекала внимание исследователей. Е. В. Черненко, собравший все известные на тот момент комплексы с подобными застегками, прочно связал их с горитом, основываясь в том числе и на изображениях скифских лучников на предметах торевтики. По его мнению, костяные «палочки» использовались «для застегивания клапанов на карманах для стрел» [Черненко 1981: 36]. Ю. Б. Полидович предложил типологию застегек-«палочек», выделив три типа и на их основании составив хронологическую шкалу для раннескифских комплексов степной зоны Северного Причерноморья [Полидович 1994: 189–191].

Из 80 раннескифских комплексов, расположенных на Нижнем Дону, 32 содержат костяные застегки. Самый ранний надежно датированный нижнедонской комплекс с костяными грибовидными застегками — погребение № 8 кургана № 7 курганный группы *Новоалександровка I* (рис. 2.1), содержащий милетскую транспортную амфору. Амфоры такого типа еще недавно датировались второй-третьей четвертями [Cook, Dupont 1998: 170–171, fig. 23.7b] либо серединой VI в. до н. э. [Монахов 2003: 32] Однако Ю. Сезгин определяет новоалександровскую амфору как тип M1L2, датированный

им 650–600 гг. до н. э. [Sezgin 2012: 160]. Аналогичная амфора происходит из погребения № 2 *Реняховатой могилы*, расположенной в Среднем Поднепровье, где также были найдены костяные застегки. Еще до выхода работы Ю. Сезгина, существенно омоложившей датировку милетских транспортных амфор, М. Н. Дараган предлагала дату в пределах второй половины VII в. до н. э., указывая, что амфоры подобного типа не встречаются в слоях памятников, относящихся к VI в. до н. э. [Дараган 2010: 189].

Еще один ранний комплекс с костяными застегками — погребение на Темир-горе. Его дату определяет южноионийская архаическая ойнохоя, относимая исследователями либо к 650–630 гг. до н. э. [Kerschner, Schlotzhauer 2005: 17], либо к 640–630 гг. до н. э. [Cook, Dupont 1998: 36]. Кроме того, костяные грибовидные застегки соседствуют с греческой керамикой в кургане *Сабанджия*, датированном фрагментом родосского сосуда последней четвертью VII — началом VI в. до н. э. [Мелюкова 2001: 20].

Таким образом, костяные застегки в северопричерноморских степях появляются во второй половине VII в. до н. э. и, вероятно, продолжают существовать и в первой половине VI в. до н. э., хотя надежно датированных памятников этого времени, содержащих застегки, на данный момент неизвестно. Также нужно отметить, что на сегодняшний день не известно ни одного раннескифского комплекса на Нижнем Дону, который можно было бы надежно датировать второй половиной VI в. до н. э. Погребения в регионе появляются снова лишь в начале V в. до н. э. в могильнике Елизаветовского городища [Марченко и др. 2000: 214]. Погребальный обряд отличается от раннескифского; в частности, из инвентаря исчезают костяные грибовидные застегки. Все это, видимо, свидетельствует о появлении в регионе нового этнического массива скифов.

Проанализировав имеющиеся на сегодняшний день материалы из раннескифских степных комплексов, мы полагаем, что можно говорить о двух типах костяных грибовидных застегек.

Тип 1 — «столбики». Подобные застегки общим количеством 102 штуки встречаются в 26 нижнедонских комплексах. Исходя из морфологических особенностей,

данный тип можно разделить на следующие подтипы:

- 1) костяные цилиндрические застёжки с полукруглой головкой, подчеркнутой кольцевой канавкой, и основанием, плоско срезанным на конце (рис. 5.1);
- 2) костяные застёжки с полукруглой головкой, подчеркнутой кольцевой канавкой, и короткой плоско срезанной нижней частью (рис. 5.2);
- 3) костяные застёжки цилиндрической формы с округлой верхней головкой и плоско срезанной нижней частью (рис. 5.3);
- 4) костяные застёжки цилиндрической формы с двумя кольцевыми проточками (рис. 5.4).

Связь грибовидных застёжек-«столбиков» с горитом зачастую хорошо прослеживается: в 11 комплексах застёжки соседствуют с наконечниками стрел, еще в 1 — с колчанным крюком. Отсутствие наконечников в остальных погребениях не исключает наличия горита [Черненко 1981: 36; Ильинская, Тереножкин 1983: 107]. О его присутствии могут свидетельствовать застёжки-«палочки», костяные навершия на лук, пятна тлена или само положение «столбиков» и «гвоздиков», аналогичное комплексам, где наличие горита бесспорно. Однако в погребении № 22 кургана *Дюнный* помимо застёжек, надежно связанных с горитом, также обнаружены «столбики» в районе грудной клетки, по-видимому, являвшиеся деталями одежды [Посегун 2009: 120–121]. Та же ситуация наблюдается и в погребальном комплексе *Старые Куконешты*, расположенном на северо-западе Молдавии на левом берегу р. Прут [Дергачев 1979: 239–241].

Тип 2 — застёжки-«гвоздики» (рис. 5.5) — представляет собой костяные застёжки с полукруглой головкой и заостренной ножкой. «Гвоздики» общим числом 25 штук встречены в 6 нижнедонских раннескифских комплексах. В 3 из них прослеживается несомненная связь этого типа застёжек с нижней частью горита. Два погребения разрушены, что не позволяет установить положение «гвоздиков», еще в одном их положение нам неизвестно.

Еще одна категория инвентаря — застёжки-«палочки» были обнаружены в 13 комплексах, в 7 из них они соседство-

вали с наконечниками стрел. 3 комплекса можно уверенно связать с горитом. В 6 комплексах застёжки располагались в районе таза, в 3 — у плеча, еще две обнаружены в районе головы погребенного, одна — в заполнении, о местоположении еще одной у нас нет данных. Морфологические особенности позволяют выделить застёжки-«палочки» трех типов:

- 1) стержневидная застёжка с проточкой посередине (рис. 5.6);
- 2) застёжка с вытянутыми скругленными краями и кольцевой проточкой посередине (рис. 5.7);
- 3) застёжка с коническими головками на краях и кольцевой проточкой посередине (рис. 5.8).

Застёжки-«палочки», в отличие от грибовидных застёжек, не могут быть использованы как надежный хроноиндикатор для раннескифских комплексов, поскольку время их бытования выходит за пределы VI в. до н. э. [Черненко 1981: 40]

Следов *оборонительного вооружения* ни в одном нижнедонском комплексе прослежено не было. Что касается предметов конской упряжи, то в 80 погребениях региона был обнаружен всего один фрагмент стремечковидного удила (погребение № 1 кургана № 21 курганной группы *Тузлуки*).

Выводы

Подводя итог особенностям нижнедонских погребальных комплексов с оружием раннескифского времени, нужно отметить следующие закономерности. Из 80 известных на сегодняшний день погребальных комплексов предметы вооружения были зафиксированы в 23, что составляет 29 % от общего числа погребений региона. В лесостепи, где нам известно 195 памятников, и на Северном Кавказе (96 памятников) этот процент выше (41 % и 57 % соответственно), что, однако, может быть связано с ситуацией, описанной В. С. Ольховским, когда при формировании свода раннескифских комплексов учитываются только бесспорные памятники, которые определяются прежде всего по наличию элементов «триады» [Ольховский 1997: 90], в которой предметы вооружения занимают ключевую позицию.

Цифры, приводимые здесь и далее для памятников лесостепи и Кавказа, ни в коей мере не могут считаться абсолютными, по-

скольку не все раннескифские комплексы этих регионов на данный момент введены в научный оборот. Кроме того, среди исследователей скифской архаики нет единого мнения о том, какие погребения считать раннескифскими, а какие — синхронными им погребениями местного населения. Тем не менее мы считаем, что приводимые цифры показательны в плане сравнения погребальных комплексов трех регионов распространения раннескифской культуры.

Самой многочисленной категорией вооружения в нижнедонских комплексах являются наконечники стрел: они представлены во всех комплексах, содержащих вооружение. Колчанные наборы в большинстве случаев не превышают 20 наконечников. Крупные колчанные наборы фиксируются в тех погребениях региона, которые выделяются более многочисленным и разнообразным инвентарем, что позволяет нам говорить о более высоком социальном статусе погребенных. Наконечники стрел также распространены и в кавказских (64 % среди всех погребений с оружием), и в лесостепных (76 %) раннескифских погребениях, причем в элитных комплексах этих регионов встречаются действительно многочисленные наборы.

Обращает на себя внимание малочисленность мечей (2) и топоров (1) и полное отсутствие копий и предметов оборонительного вооружения в нижнедонских раннескифских комплексах. Для сравнения: находки наконечников копий были сделаны в 27 % северокавказских и 16 % лесостепных

комплексов, в 21 % и 10 % комплексов соответственно были обнаружены мечи и кинжалы, в 20 % и 4 % — топоры. На Северном Кавказе в 12,5 % погребений были найдены фрагменты защитного доспеха, а также известны единичные находки шлемов; 5 % лесостепных погребений также содержали оборонительный доспех.

Таким образом, комплекс вооружения нижнедонских памятников раннескифского времени отличается от синхронных им северокавказских и лесостепных комплексов. Присутствие колчанного набора во всех погребениях с оружием позволяет предположить, что оставившая их группа населения являлась в военном плане лучниками. Об этом говорит и значительное количество зооморфных наконечников на лук в нижнедонских погребениях. Об отсутствии сложной стратификации общества косвенно говорит тот факт, что на данный момент в нижнедонском регионе не обнаружено ни одного по-настоящему элитного комплекса, а большинство погребений не отличается как богатством инвентаря, так и его разнообразием. Кроме того, обращает на себя внимание, что подавляющее большинство погребений впущены в курганы эпохи бронзы. Только два комплекса — погребение № 5 кургана № 14 группы *Красногоровка III* и погребение у г. Константиновск-на-Дону — были основными. Все это позволяет предположить, что племенная группа, обитавшая на Нижнем Дону, имела менее сложное социальное устройство, чем в других регионах раннескифской культуры.

Литература

- Алексеев 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Бессонова 1984 — Бессонова С. С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов: Сб. науч. трудов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 3–21.
- Галанина 1985 — Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // Советская археология. 1985. № 3. С. 156–165.
- Геродот 1972 — Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Граков 1947 — Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. 1947. Т. I. С. 23–38.
- Граков, Мелюкова 1954 — Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степной и лесостепной областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 39–93.
- Дараган 2010 — Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой могилы // Античный мир и археология. 2010. Вып. 14. С. 175–202.

- Дергачев 1979 — *Дергачев В. А.* Раннескифское погребение на Среднем Пруте // Советская археология. 1979. № 3. С. 239–241.
- Дубовская 1989 — *Дубовская О. Р.* О некоторых критериях отбора раннескифских погребений циркумнеотийского региона // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. конф. Донецк: [б. и.], 1989. С. 43–45.
- Дубовская 1990 — *Дубовская О. Р.* Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // Советская археология. 1990. № 4. С. 182–189.
- Дьяченко и др. 1999 — *Дьяченко А. Н., Мейб Э., Скрипкин А. А., Клепиков В. М.* Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. 1999. Вып. 2. С. 93–126.
- Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.
- Ильюков 2016 — *Ильюков Л. С.* Крестовидные бляхи раннего железного века из степей Восточной Европы // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: мат-лы междунар. конф., посвящ. памяти М. Н. Погребовой (г. Москва, 25–27 апреля 2016 г.) М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 80–84.
- Ильюков, Лукьяшко 1994 — *Ильюков Л. С., Лукьяшко С. И.* Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 2. Азов: Азовск. краевед. музей, 1994. С. 57–79.
- Кияшко, Коренько 1976 — *Кияшко В. Я., Коренько В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // Советская археология. 1976. № 1. С. 170–177.
- Клочко 1977 — *Клочко В. И.* Новые данные о типах скифских горитов и колчанных наборах VI в. до н. э. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наукова думка, 1977. С. 47–54.
- Копылов 1992 — *Копылов В. П.* Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н. э. // Донские древности. Вып. 1. Азов: Азовск. краевед. музей, 1994. С. 78–87.
- Копылов 2001 — *Копылов В. П.* Амфоры архаического периода на Нижнем Дону (последняя треть VII – третья четверть VI вв. до н. э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: мат-лы IX междунар. науч. конф. Ростов н/Д: изд-во Ростовск. пед. ун-та, 2001. С. 22–24.
- Копылов, Русаков 2015 — *Копылов В. П., Русаков М. Ю.* О верхней хронологической границе колчанных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 91–95.
- Копылов, Русаков 2016 — *Копылов В. П., Русаков М. Ю.* К вопросу об отсутствии раннескифских памятников в зоне влияния Борисфениды и Ольвии // ЕМІНАК. 2016. № 4 (16). С. 41–45.
- Коренько, Лукьяшко 1982 — *Коренько В. А., Лукьяшко С. И.* Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона // Советская археология. 1982. № 3. С. 149–164.
- Максименко 1983 — *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростовск. ун-та, 1983. 224 с.
- Марченко и др. 2000 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М.: Палеограф, 2000. 281 с. + 72 таб.
- Мелюкова 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 113 с.
- Мелюкова 2001 — *Мелюкова А. И.* Новые данные о скифах в Добрудже (К вопросу о «Старой Скифии» Геродота) // Российская археология. 2001. № 4. С. 20–32.
- Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.: Киммерия; Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2003. 352 с.
- Мурзин 1984 — *Мурзин Ю. В.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 132 с.
- Ольховский 1997 — *Ольховский В. С.* Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Материалы исследований по археологии России (МИАР). 1997. № 1. С. 85–96.
- Полидович 1994 — *Полидович Ю. Б.* К вопросу о хронологии раннескифских памятников степной зоны Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. V тыс. до н. э. – V в. н. э. Мат-лы междунар. археолог. конф. (г. Тирасполь, 10–14 октября 1994 г.). Тирасполь: Приднестровск. гос.-корпор. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 1994. С. 189–191.
- Полидович 2009 — *Полидович Ю. Б.* Крестовидная бляха из архаического некрополя

- Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2009 г.). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 477–484.
- Посегун 2009 — *Посегун А. А.* Раскопки кургана Дюнний в Аксайском районе Ростовской области // Археологические записки. Вып. 6. Ростов н/Д: Донское археологическое общество, 2009. С. 114–127.
- Романчук 1999 — *Романчук А. А.* Три кита раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 260–273.
- Русаков 2018a — *Русаков М. Ю.* Особенности погребального обряда раннескифских памятников Доно-Кагальницкого водораздела // Проблемы археологии Восточной Европы: Мат-лы XIII Всерос. археолог. конф. студ. и асп. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. С. 88–90.
- Русаков 2018б — *Русаков М. Ю.* Хронология раннескифских комплексов островной части дельты Дона // *Нижевожский археологический вестник*. 2018. Т. 17. № 2. С. 18–31.
- Рябкова 2003 — *Рябкова Т. В.* Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 392 с.
- Рябкова 2005 — *Рябкова Т. В.* Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2005. Вып. 37. С. 42–65.
- Черненко 1981 — *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.
- Черненко и др. 1986 — *Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. П., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. 368 с.
- Яценко 1959 — *Яценко И. В.* Скифия VII–V веков до нашей эры: Археологические памятники степного Приднепровья и Приазовья VII–V веков до нашей эры. М.: [б. и.], 1959. 116 с.
- Cook, Dupont 1998 — *Cook J. M., Dupont P.* East Greek Pottery. London; New-York: Routledge, 1998. 226 p.
- Dubovskaya 1997 — *Dubovskaya O.* Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der „Novočerkassk“-Gruppe // *Eurasia Antiqua*. 1997. Band 3. S. 277–328.
- Kerschner, Schlotzhauer 2005 — *Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System of East Greek Pottery // *Ancient West and East*. 2005. Vol. 4. Pp. 1–56.
- Sezgin 2012 — *Sezgin Y.* Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar (=Ионийские транспортные амфоры архаического периода). İstanbul: Ege Yayinlari, 2012. 344 s.

References

- Alekseev A. Yu. [A Chronography of European Scythia: 7th to 4th Centuries BC]. St. Petersburg: The State Hermitage Museum, 2003. 416 p. (In Russ.)
- Bessonova S. S. On the Scythian weapon cult. In: [Scythian and Sarmatian Weapons]. Coll. scholarly papers. Kiev: Naukova Dumka, 1984. Pp. 3–21. (In Russ.)
- Chernenko E. V. [Scythian Archers]. Kiev: Naukova Dumka, 1981. 168 p. (In Russ.)
- Chernenko E. V. et al. [Scythian Burial Sites of the Northern Black Sea Steppes]. Kiev: Naukova Dumka, 1986. 368 p. (In Russ.)
- Cook J. M., Dupont P. East Greek Pottery. London, New-York: Routledge, 1998. 226 p. (In Eng.)
- Daragan M. N. On the dating of the amphora from burial 2 in the Repyahovataya Mogila. In: [The Ancient World and Archaeology]. Coll. scholarly papers. Saratov: Saratov State Univ., 2010. Is. 14. Pp. 175–202. (In Russ.)
- Dergachyov V. A. Early Scythian burials in the Middle Prut region. *Sovetskaya arkheologiya*. 1979. No. 3. Pp. 239–241. (In Russ.)
- Dubovskaya O. On ethnic and cultural attribution of the Novočerkassk Group (of burials). *Eurasia Antiqua*. 1997. Vol. 3. Pp. 277–328. (In Germ.)
- Dubovskaya O. R. Early Scythian burials near Novokorsunovskaya stanitsa. *Sovetskaya arkheologiya*. 1990. No. 4. Pp. 182–189. (In Russ.)
- Dubovskaya O. R. On some selection criteria for Early Scythian burials of the circum-Maeotian region. In: [Archaeological Monuments of the Donbass: Issues of Preservation and Investigation]. Conf. proc. (Donetsk; April 23–24, 1987). Donetsk, 1989. (In Russ.)
- Dyachenko A. N. et al. Archaeological surveys in the Volga-Don Interfluvium. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. 1999. Is. 2. Pp. 93–126. (in Russ.)
- Galanina L. K. Relationships between Scythians and Maeotians revisited: evidence from the recently excavated Kelermes mound burial site. *Sovetskaya arkheologiya*. 1985. No. 3. Pp. 156–165. (In Russ.)
- Grakov B. N. Did Olbia have trade relations with the Volga and Ural Regions in the Archaic and Classical periods? *Arkheologiya*. 1947. Vol. I. Pp. 23–38. (In Ukr.)

- Grakov B. N., Melyukova A. I. Revisiting ethnic and cultural distinctions in steppe and forest-steppe areas of the European part of the USSR during the Scythian period. In: [Questions of Scythian and Sarmatian Archaeology]. Moscow: USSR Acad. of Sc., 1954. Pp. 39–93. (In Russ.)
- Herodotus. The Histories: in 9 vols. G. Stratanovsky (transl., comment.), S. Utchenko, N. Meshchersky (eds.). Leningrad: Nauka, 1972. 600 p. (In Russ.)
- Ilyinskaya V. A., Terenozhkin A. I. [Scythia: 7th to 4th Centuries BC]. Kiev: Naukova Dumka, 1983. 380 p. (In Russ.)
- Ilyukov L. S. Cross-shaped Early Iron Age plaques from the steppes of Eastern Europe. In: [The Caucasus and the Steppe in the Late Bronze to Early Iron Ages]. Conf. proc. (Moscow; April 25–27, 2016). Moscow: Inst. of Orient. Stud. of RAS, 2016. Pp. 80–84. (In Russ.)
- Ilyukov L. S., Lukyashko S. I. New Scythian sites in the Lower Don region. In: [Antiquities of the Don Region]. Is. 2. Azov: Azov Museum of Local History, 1994. Pp. 57–79. (In Russ.)
- Kerschner M., Schlotzhauer U. A new classification system of East Greek pottery. *Ancient West and East*. 2005. Vol. 4. Pp. 1–56. (In Eng.)
- Kiyashko V. Ya. and Korenyako V. A. An Early Iron Age burial near Konstantinovsk-on-Don. *Sovetskaya arkheologiya*. 1976. No. 1. Pp. 170–177. (In Russ.)
- Klochko V. I. New data on types of Scythian quivers and quiver sets in the 6th century BC. In: [Recent Studies of Ukraine's Archaeological Sites]. Coll. scholarly papers. Kiev: Naukova Dumka, 1977. Pp. 47–54. (In Russ.)
- Kopylov V. P. Archaic amphorae in the Lower Don region (630 – 525 BC). In: [International Relations in the Black Sea Region: Antiquity and Middle Ages]. Conf. proc. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical Univ., 2001. Pp. 22–24. (In Russ.)
- Kopylov V. P. New data about connections of the Don River delta population in the 5th century BC. In: [Antiquities of the Don Region]. 1992. Is. 1. Azov. Pp. 78–87. (In Russ.)
- Kopylov V. P., Rusakov M. Yu. On the upper chronological frame of quiver sets in the Early Scythian burial complexes. In: [War and Military Science in the Scythian and Sarmatian World]. Conf. proc. (Kagalnik; April 26–29, 2014). Rostov-on-Don: South. Sc. Cent. of RAS, 2015. Pp. 91–95. (In Russ.)
- Kopylov V. P., Rusakov M. Yu. To the question of absence of Early Scythian funeral monuments in the zone of influence of Borysthene and Olbia. *EMINAK. Scientific Quarterly Journal*. 2016. No. 4 (16). Pp. 41–45. (In Russ.)
- Korenyako V. A., Lukyashko S. I. New early Scythian materials from the left bank of the Lower Don. *Sovetskaya arkheologia*. 1982. No. 3. Pp. 149–164. (In Russ.)
- Maksimenko V. E. [Savromatians and Sarmatians in the Lower Don Region]. Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1983. 224 p. (In Russ.)
- Marčenko K. K., Žitnikov V. G., Kopylov V. P. [The Settlement of Elizavetovka on the Don]. Moscow: Paleograph, 2000. 281 p. (In Russ. and Germ.)
- Melyukova A. I. [Scythian Weapons]. Moscow: Nauka, 1964. 113 p. (In Russ.)
- Melyukova A. I. New data on the Scythians in Dobrudgea (on the 'Old Scythia' acc. to Herodotus). *Rossiyskaya arkheologia*. 2001. No. 4. Pp. 20–32. (In Russ.)
- Monakhov S. Yu. [Greek Amphorae of the Black Sea Region]. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratov State Univ., 2003. 352 p. (In Russ.)
- Murzin Yu. V. [Scythian Antiques in the Northern Black Sea Region]. Kiev: Naukova Dumka, 1984. 132 p. (In Russ.)
- Olkhovskiy V. S. The Scythian triad. In: [Pre-Scythian and Scythian Monuments in the South of Eastern Europe]. Ser. 'Archaeology of Russia: Materials and Studies'. 1997. No. 1. Pp. 85–96. (In Russ.)
- Polidovich Yu. B. A cross-shaped plaque from the archaic Olbian necropolis perspective from the Scythian 'animal style'. In: [The Phenomenon of Bosphoran Kingdom: Arts in the Periphery of Classical World]. Conf. proc. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. Pp. 477–484. (In Russ.)
- Polidovich Yu. B. On the chronology of Early Scythian sites in the steppe zone of the Northern Black Sea region. In: [Ancient Communities of Agriculturalists and Livestock Breeders in the Northern Black Sea Region]. Conf. proc. (October 10–14, 1994). Tiraspol: Shevchenko Transnistria State Univ., 1994. Pp. 189–191. (In Russ.)
- Posegun A. A. Excavations of the Dyunnyi mound in Aksaysky District of Rostov Oblast. *Arkheologicheskie zapiski*. Is. 6. Rostov-on-Don: Don Archaeology Society, 2009. Pp. 114–127. (In Russ.)
- Romanchuk A. A. The three whales of Early Scythian culture on the waves of the Illyrian expansion. *Stratum plus*. 1999. No. 3. Pp. 260–273. (In Russ.)
- Rusakov M. Yu. Burial rites of Early Scythian sites in the Don-Kagalnik Interfluvium: specific features. In: [Issues of Eastern European Archaeology]. Conf. proc. Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal Univ., 2018. Pp. 88–90. (In Russ.)

Rusakov M. Yu. Chronology of Early Scythian Complexes in the Insular Area of the Don River Delta. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Vol. 17. No. 2. Pp. 18-31. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.2>

Ryabkova T. V. [Early Scythian Sites of the Lower Don and Kuban Regions]. A Cand. Sc. (history) thesis. St. Petersburg, 2003. 392 p. (In Russ.)

Ryabkova T. V. [Animal style images in the Early Scythian time]. *Archaeological papers of the State Hermitage museum*. 2005. Is. 37. Pp. 42-65.

Sezgin Y. [Ionian Trade Amphorae of the Archaic Period]. Istanbul, 2012. 344 p. (In Turk.)

Yatsenko I. V. [Scythia in the 7th to 5th Centuries BC: Archaeological Sites of Dnieper and Azov Steppes in 7th to 5th Centuries BC]. Moscow, 1959. 116 p. (In Russ.)

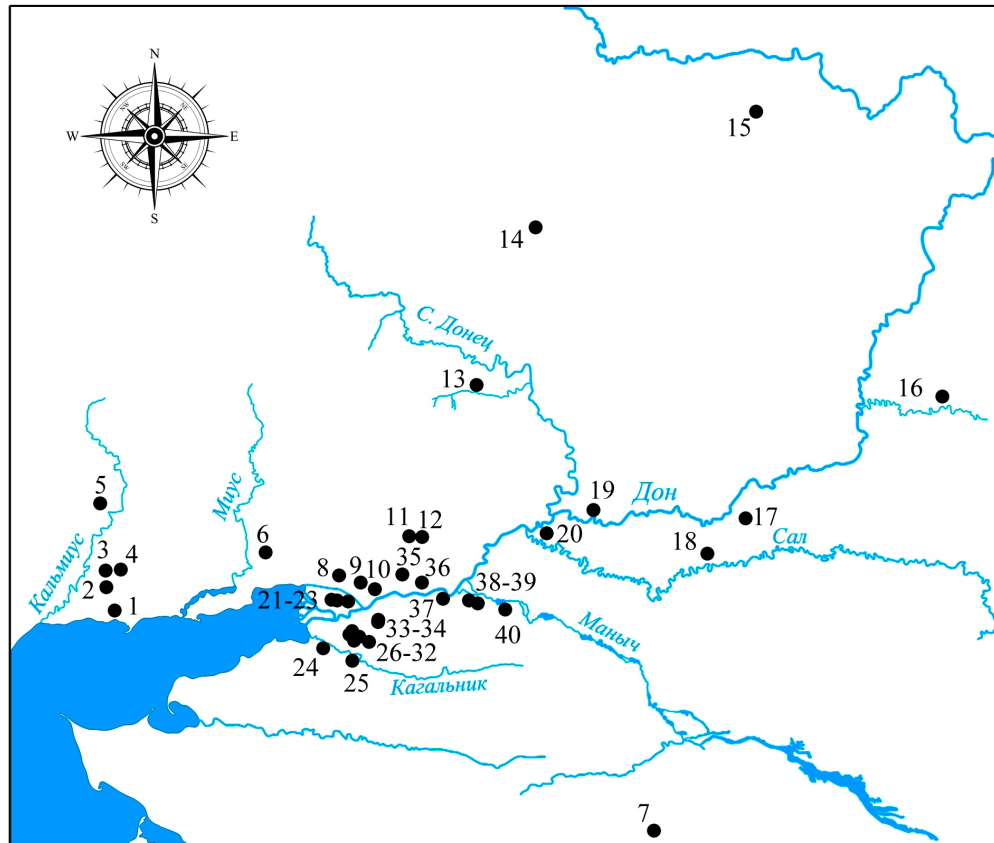


Рис. 1. Карта-схема расположения курганов и курганных групп, расположенных на территории Нижнего Дона и содержащих раннескифские погребения: 1 — Безыменное; 2 — Октябрьское; 3 — Набережное; 4 — Приморское; 5 — Петровское; 6 — Покровское; 7 — Баранчук; 8 — Хапры; 9 — Каратаевский; 10 — Ростов-на-Дону; 11 — Камышевахский; 12 — Грушевский; 13 — Божковка I; 14 — Криворожье; 15 — Большой; 16 — Аксай I; 17 — СОЛ-I; 18 — Центральный VI; 19 — Константиновский; 20 — Салок I; 21 — Крест; 22 — Малахов Ерик II; 23 — Елизаветовский; 24 — Займов-обрыв I; 25 — Спичаковка; 26 — Бушуйка; 27 — Высочино I; 28 — Высочино V; 29 — Высочино VII; 30 — Красногоровка I; 31 — Красногоровка III; 32 — Новоалександровка I; 33 — Койсуг; 34 — Кулешовка II; 35 — Мухин II; 36 — Дюнный; 37 — Алитуб; 38 — Плоский; 39 — Донской; 40 — Тузлуки

[Fig. 1. Chart of mounds and mound groups of the Lower Don region containing Early Scythian burials: 1 — Bezymennoe; 2 — Oktyabrskoe; 3 — Naberezhnoe; 4 — Primorskoe; 5 — Petrovskoe; 6 — Pokrovskoe; 7 — Baranchuk; 8 — Khapry; 9 — Karataevskiy; 10 — Rostov-na-Donu; 11 — Kamyshevahskiy; 12 — Grushevskiy; 13 — Bozhkovka I; 14 — Krivorozhie; 15 — Bolshoy; 16 — Aksay I; 17 — SOL-I; 18 — Tsentralnyi VI; 19 — Konstantinovskiy; 20 — Salok I; 21 — Krest; 22 — Malahov Erik II; 23 — Elizavetovskiy; 24 — Zaymov-obryv I; 25 — Spichakovka; 26 — Bushuyka; 27 — Vysochino I; 28 — Vysochino V; 29 — Vysochino VII; 30 — Krasnogorovka I; 31 — Krasnogorovka III; 32 — Novoaleksandrovka I; 33 — Koisug; 34 — Kuleshovka II; 35 — Muhin II; 36 — Dyunnyy; 37 — Alitub; 38 — Ploskiy; 39 — Donskoy; 40 — Tuzluki]



Рис. 2. Амфорная керамика из Нижнедонских раннескифских погребальных комплексов: 1 — Новоалександровка I, курган 7, погребение 8 (по: [Кореньяко, Лукьяшко 1982]); 2 — Хапры, курган 1, погребение 25 (по: [Монахов 2003]); 3 — Аксай I, курган 3, погребение 3 (по: [Дьяченко и др. 1999]) [Fig. 2. Amphorae from Early Scythian burials of the Lower Don region: 1 — burial 8, kurgan 7, Novoaleksnandrovka I kurgan group (after [Korenyako, Lukyashko 1982]); 2 — burial 25, mound 1, Khapry mound group (after [Monakhov 2003]); 3 — burial 3, mound 3, Aksai I mound group (after [Dyachenko et al. 1999])]

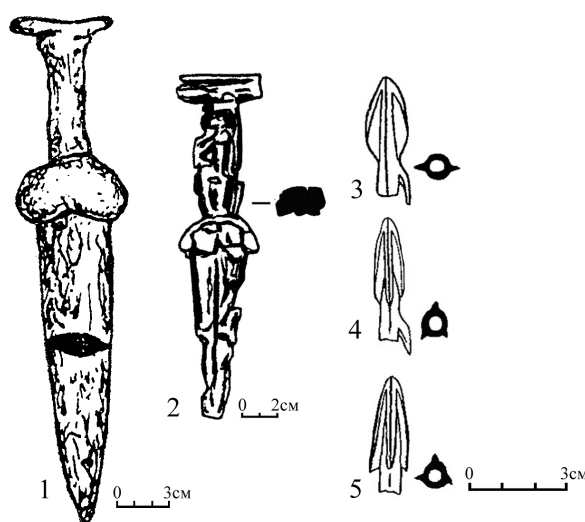


Рис. 3. Предметы вооружения из Нижнедонских раннескифских погребальных комплексов: 1 — меч из погребения 25 кургана 1 группы Хапры (по: [Максименко 1983]); 2 — меч из погребения 3 кургана 3 группы Аксай I (по: [Дьяченко и др. 1999]); 3–5 — бронзовые наконечники стрел [Fig. 3. Weapons from Early Scythian burials of the Lower Don region: 1 — sword from burial 25, mound 1, Khapry mound group (after [Maksimenko 1983]); 2 — sword from burial 3, mound 3, Aksai I mound group (after [Dyachenko et al. 1999]); 3–5 — bronze arrowheads]

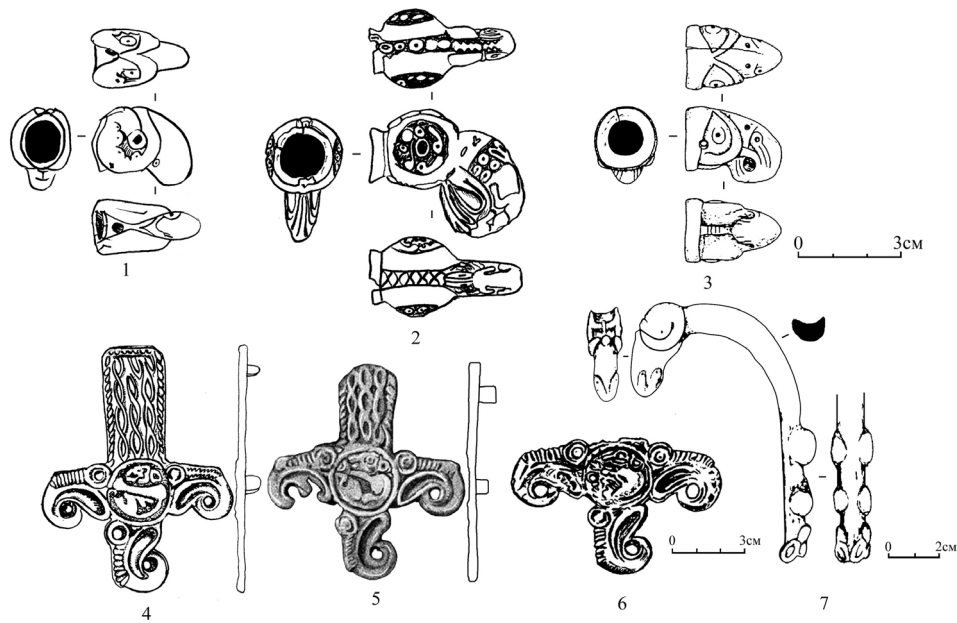


Рис. 4. Зооморфные навершия на лук и бронзовые крестовидные бляхи из Нижнедонских раннескифских погребальных комплексов: 1 — погребение 4 кургана 6 группы *Высочино-I* (по: [Кореньяко, Лукьяшко 1982]); 2 — погребение 8 кургана 7 курганной группы *Новоалександровка I* (по: [Кореньяко, Лукьяшко 1982]); 3 — погребение 22 кургана *Дюнный* (по: [Посегун 2009]); 4 — случайная находка в районе х. Дугино; 5 — случайная находка в районе х. Полушкин (по: [Илюков 2016]); 6 — погребение 3, курган 3, *Аксай I*; 7 — курган 1, погребение 24 могильника *Донской* ([Илюков, Лукьяшко 1994]).

[Fig. 4. Zoomorphic tops of bow and bronze cross-shaped plaques from Early Scythian burials of the Lower Don region: 1 — burial 4, mound 6, *Vysochino I* (after [Korenyako, Lukyashko 1982]); 2 — burial 8, mound 7, *Novoaleksandrovka I* mound group (after [Korenyako, Lukyashko 1982]); 3 — burial 22, *Dyunnyi* mound (after [Posegun 2009]); 4 — *Polushkino* farmstead (after [Ilyukov 2016]); 5 — *Dugino* farmstead (after [Ilyukov 2016]); 6 — burial 3, mound 3, *Aksai I* (after [Dyachenko et al. 1999]); 7 — burial 24, mound 1, *Donskoy* mound group (after [Ilyukov, Lukyashko 1994])]

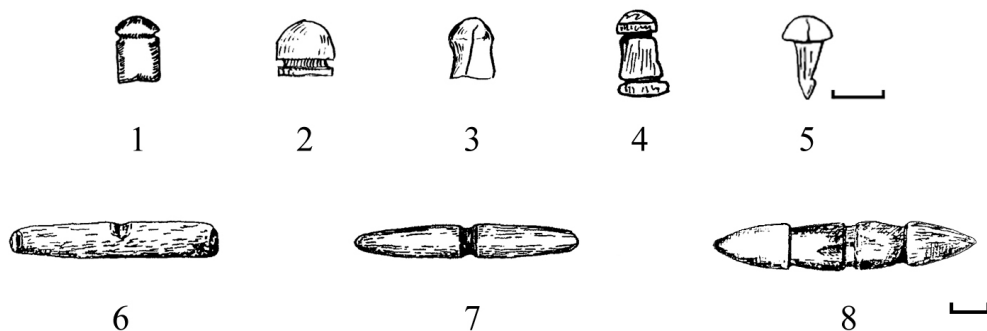


Рис. 5. Костяные застёжки из Нижнедонских раннескифских погребальных комплексов: 1–4 — застёжки-«столбики»; 5 — застёжки-«гвоздики»; 6–8 — застёжки-«палочки».

[Fig. 5. Bone clasps from Early Scythian burials of the Lower Don region: 1–4 — column-shaped clasps; 5 — nail-shaped clasps; 6–8 — stick-shaped clasps.]



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 615–626, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-615-626
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930(517+470)

Барга (Хулунбуир) под контролем монгольских повстанцев в 1917 г.

Сергей Львович Кузьмин¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-9544-1359. E-mail: ipe51@yahoo.com

Аннотация. Целью работы является изучение малоизвестного периода в истории Барги (Хулунбуира) 1917 г., когда большая часть этого региона, включая его столицу, на короткое время перешла под контроль монгольских повстанцев. *Материалы.* С этой целью были изучены российские разведывательные и дипломатические документы из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского историко-военного архива (РГВИА) с привлечением других источников. *Результаты.* На основе анализа исследованных материалов описывается характер управления Баргой в период, когда она находилась под контролем монгольских повстанцев в 1917 г., ее внутреннее положение, отношения повстанцев и нового руководства Барги с российскими официальными лицами на ст. Хайлар Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), японскими военными, властями маньчжурских провинций, прилежавших к Барге, с властями Внешней Монголии, а также реакция партизан и властей Барги на кратковременную реставрацию цинской монархии. После захвата Хайлара монгольскими повстанцами российский МИД стремился как можно скорее восстановить спокойствие в Барге, предотвратить столкновения, которые могли бы угрожать безопасности КВЖД и автономии Барги, закрепленной российско-китайским соглашением 1915 г. В то же время МИД России разрешил временный ввод китайских войск в Баргу для удаления повстанцев, с последующим выводом китайских войск и сохранением автономии региона, хотя приоритетом было мирное урегулирование вопроса. Монгольские повстанцы были монархистами, которые выступали за восстановление власти маньчжурской династии. Правительство Барги, созданное под их влиянием, не имело реальной власти и занималось в основном поставками продовольствия для повстанцев и решением текущих вопросов. Хотя они поддерживали интенсивные контакты с японцами в Старом Хайларе, обвинять их в японофильстве неверно. Они поддерживали в основном хорошие отношения с русским населением Барги, но значительная часть баргутов и все дауры бежали в соседние регионы. Южная часть Барги, часть Внутренней Монголии и восток Внешней Монголии были опустошены повстанцами. Часть последних была готова войти в состав китайских провинциальных войск, но это было отложено.

Ключевые слова: Монголия, Барга, Хулунбуир, Китай, Маньчжурия, Япония, харачинский вопрос, Бавужав, независимость, автономия, международные отношения

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Барга (Хулунбуир) под контролем монгольских повстанцев в 1917 г. *Oriental Studies*. 2019; (4): 615-626. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-615-626.

Barga (Hulunbuir) under the Control of Mongolian Guerrillas in 1917

Sergius L. Kuzmin¹

¹ Institute of Oriental Sciences of the RAS (12, Rozdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation
Dr. Sc. (History), Ph. D. (Biology), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0001-9544-1359. E-mail: ipe51@yahoo.com

Abstract. The work *aims* at the study of a little-known period in the history of Barga (Hulunbuir) in 1917 when a large part of this region, including its capital town, came under the control of Mongolian guerrillas for a short time. *Materials.* For this purpose, Russian intelligence and diplomatic documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (Rus. *AVPRI*) and Russian State Archive of Military History (Rus. *RGVIA*), as compared to earlier published data, were studied. *Results.* The paper describes the character of governance practices in Barga during that period, internal situation, relations of the guerrillas and Barga's new authorities with Russian officials on the Hailar Railway Station, Japanese military, authorities of the Manchurian provinces bordering Barga and authorities of Outer Mongolia, as well as reaction of the guerrillas and Barga's authorities to the short-term restoration of the Qing monarchy. After Hailar was captured by the Mongolian guerrillas, the Russian Foreign Ministry sought to restore tranquility in Barga as soon as possible and prevent clashes that could threaten security of the Chinese Eastern Railway and the autonomy of Barga fixed by the 1915 Russian-Chinese Agreement. At the same time, the Russian Foreign Ministry allowed a temporary entry of Chinese troops into Barga to remove the guerrillas, with their subsequent withdrawal and preservation of the autonomy of the region, although the priority was a peaceful conciliation. Mongolian guerrillas were monarchists who stood for the restoration of the Manchu Dynasty's power. The government of Barga, created under their influence, had no real authority and was engaged mainly in the supply of food for the guerrillas and solving current issues. Although they maintained intensive contacts with the Japanese in the Old Hailar, it is not correct to accuse them in Japonophilia. They maintained mostly good relations with the Russian population of Barga, but a significant part of the Barga people and all Daurians fled to neighboring regions. Southern part of Barga, a part of Inner Mongolia and eastern Outer Mongolia were devastated by the guerrillas. A part of the latter was ready to join Chinese provincial troops but it was delayed.

Keywords: Mongolia, Barga, Hulunbuir, China, Manchuria, Japan, Kharachin issue, Babujab, independence, autonomy, international relations

For citation: Kuzmin S. L. Barga (Hulunbuir) under the Control of Mongolian Guerrillas in 1917. *Oriental Studies*. 2019;(4): 615-626. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-615-626.



Введение

В 1911 г. Монголия провозгласила свою независимость от империи Цин, что было вызвано цинской «новой политикой» китаизации Монголии, нарушавшей условия, на которых монголы в свое время подчинились маньчжурской династии Айсинь Гиоро. Приходившая в упадок Цинская империя, а затем Китайская республика не отказывались от «новой политики». Национально-освободительное движение монголов продолжалось, хотя после подписания Китайско-русско-монгольского Кяхтинского соглашения в 1915 г. руководство неза-

висимой Монголии согласилось с признанием автономии Внешней Монголией под сюзеренитетом Китайской республики, тогда как Внутренняя Монголия была отделена от Внешней и рассматривалась как обычная часть Китая.

Часть отрядов повстанцев из Внутренней Монголии вернулась на родину и разоружилась, но отряд Бавужава, состоявший в значительной мере из монголов-харачинов, продолжил борьбу за независимость во Внутренней Монголии и в монгольском регионе Барга (Хулунбуир). После смерти Бавужава — весной 1917 г. — его отряд

активно действовал в Барге, прилежащих районах Внутренней и Внешней Монголии. Действия этого отряда, известные как «харачинское движение», освещены в литературе фрагментарно. Хотя отряд Бавужава упоминается в некоторых обзорных публикациях [например, Скачков 1933: 120; История Монголии 2007: 43], лишь несколько исследований специально посвящено его деятельности [Лу 1979; Белов 1995; Лонжид, Өлзий 2002; Ностаева 2010; Кузьмин 2018; Кузьмин 2019; Nakami 1999; Nakami 2018; Ulaantana 2008].

Кульминацией «харачинского движения» стало занятие повстанцами столицы Барги — города Хайлара 11 мая 1917 г.¹ и смена баргинского руководства. Затем в течение нескольких месяцев они контролировали значительную часть Барги. Это вызвало серьезную озабоченность не только Китая, претендовавшего на все территориальное «наследие» распавшейся империи Цин, но и Внешней Монголии, куда повстанцы совершали рейды из Барги, а также России, поскольку Хайлар был важной станцией на Китайско-восточной железной дороге (КВЖД). Этот эпизод истории Барги изучен слабо. Лишь в работе Е. В. Ностаевой [Ностаева 2010] об этом говорится подробнее, но детальная информация отсутствует.

Данная статья призвана, по возможности, заполнить этот пробел, преимущественно на основе сведений, содержащихся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА) (прежде всего, донесений разведки Заамурского округа Пограничной стражи) и Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), в первую очередь материалов переписки российских дипломатов, служивших в то время в Монголии, Маньчжурии и Китае.

Основная часть

Взятие Хайлара монгольскими повстанцами 11 мая 1917 г. описано мною в предыдущей статье [Кузьмин 2019]. Занятием Хайлара повстанцы не ограничились. 20 мая 1917 г. в Баргу прибыло еще 500 монголов-харачинов под командой Бумбужава. Они остановились в деревне в 5 верстах от Хайлара. Ожидалось прибытие еще 500 чел. Создавалась серьезная угро-

за русскому поселку у КВЖД [Телеграмма вице-консула в Хайларе П. К. Усатого в Пекин от 20 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 31; Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 103]. В тот же день начальник российского гарнизона — командующий 1-м полком Заамурской железной дороги Рихтер сообщил П. К. Усатому: «Все меры, которые только можно принять, приняты. Гарнизон слишком мал, чтобы предпринять более решительные меры» [Послание Рихтера Усатому от 20 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 32]. На следующий день монгольские повстанцы подвезли к Хайлару орудия, которые сопровождали четыре японских артиллериста. По словам ухэрид², харачины производили грабежи и насилия [Телеграмма Усатого в российскую миссию в Пекине от 21 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 104; Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 93].

По требованию монгольских повстанцев власть в Барге сменилась (подробнее см.: [Кузьмин 2019]), хотя сами они не стали входить во временную администрацию. Собравшиеся в Хайларе высшие баргинские власти 22 мая 1917 г. посетили П. К. Усатого и заявили, что съезд для выборов нового правителя Барги состоится на следующий день. «Решили избрать фудутуном³ бывшего помощника фудутуна Чэхэджу. Ввиду того, что признание маньчжурской династии по требованию харачинов повлечет репрессии со стороны китайского правительства, а признание Китайской республики вызовет полный разгром Хулунбуира, съезд решил объявить Хулунбуир независимым от Китая, не признавая в то же время маньчжурской династии. Съезд надеется, таким образом, мирно сговориться с харачинами, дав им в случае надобности некоторый выкуп. На 24 мая назначены переговоры высших властей Барги с харачинами. Баргинцы просят меня принять участие в этих переговорах» [Телеграмма П. К. Усатого в Пекин от 22 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 94].

² Ухэрида (угурда) — правитель, имевший права дзасака, т. е. удельного князя.

³ Фудутун — наместник, пользовавшийся правами губернатора.

¹ Здесь и ниже даты указаны по старому стилю.

Съезд состоялся 23 мая 1917 г. Под давлением харачинов вместо бывшего фудутуна — даура Шэнфу новым фудутуном Барги был избран монгол-баргут Чэхэджа (Ань), его помощником — ухэрида монголов-олётов Бангунжав. Все чиновники из дауров были смещены и заменены баргутами (подробнее о конфликте повстанцев с чиновниками-даурами см.: [Кузьмин 2019]). Новые власти заявили П. К. Усатому, что «съезд объявил Хулунбуир независимым и вступает в мирные переговоры с харачинами, которые будто бы изъявляют согласие оставить Баргу. Власти надеются мирно уладить дело с харачинами и просят не допускать китайских войск, так как в таком случае Хулунбуир подвергнется разгрому с двух сторон» [Телеграмма П. К. Усатого из Хайлара в миссию в Пекине, 4-й отдел МИД, Управление КВЖД в Харбине от 24 мая 1917 г. и телеграмма Н. А. Кудашева П. К. Усатому от 24 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 38; Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 19].

Российский посланник в Пекине князь Н. А. Кудашев ответил сообщившему об этом П. К. Усатому: «Так как объявленная независимость Барги есть нарушение соглашений с Китаем, то, по моему мнению, Вам следует воздержаться от участия в переговорах» [Телеграмма П. К. Усатого из Хайлара в миссию в Пекине, 4-й отдел МИД, Управление КВЖД в Харбине от 24 мая 1917 г. и телеграмма Н. А. Кудашева П. К. Усатому от 24 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 38; Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 19].

В вину Шэнфу новая баргинская власть ставила то, что он вел одновременно переговоры с Цицикаром (т. е. с китайской провинциальной администрацией в г. Цицикар) и с Шаньци — носителем одного из высших маньчжурских титулов «князь Су», одним из лидеров монархического движения. Шэнфу на это возражал, что самостоятельную политику он не вел, а все предварительно обсуждал на совете со своим помощником Аном (Чэхэджой) и ухэридами. Шэнфу согласился передать новому фудутуну хранившиеся у него 70 000 руб. и печать, полученную им в 1912 г. от монгольского Богдо-хана из Урги⁴, но не передал печать, присланную

⁴ Как символ присоединения Барги к Монголии.

из Пекина⁵. Чэхэджа требовал также и ее [Разведка Заамурского округа Пограничной стражи, Харбин, 17 июня 1917 г. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 314–314об.].

Новый правитель Хулунбуира и его помощник направили П. К. Усатому 26 мая 1917 г. следующее послание: «Консулу великого Российского государства в Хайларе. Принимая во внимание, что фудутун нашей земли Шэнфу потерял власть и дела и 3-го числа этого месяца оставил вместе с чиновниками город и присутственное место, захватив печать, казенные деньги, солонский, баргутский и олётский главные начальники и все чиновники, собравшись, по соглашению с сановниками монгольских солдат (харачин), приняли город и присутственное место. Но, признавая невозможность быть всегда подверженными превратностям и тревогам, имея в виду успокоение знамен, все условились, что пока устанавливается современное положение, временно установить единство (самостоятельность) и страну охранять самим, а нас, Чэхэджа и Бангунчаба, назначить правителем и помощником правителя. В силу необходимости, для успокоения мыслей, мы приняли это назначение и решили, совместно с главными начальниками и чиновниками, водворить в стране спокойствие в трудное время. Уведомив всех об этом, доводим до сведения почтенного консула и просим по-прежнему по дружбе оказывать покровительство. Присовокупляем, что на это сообщение временно приложена печать олётского главного начальника. Сего ради послано. Год Красной Змеи, 18-го числа 4-го месяца» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 42 (русс. перев.); Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 43 (монг. ориг.); краткое сообщение об этом: Разведка Заамурского округа Пограничной стражи, Харбин, 10 июня 1917 г. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 248–248об.].

Начальник 4-го политического отделения МИД Г. А. Козаков, недовольный развитием событий в Барге, телеграфировал П. К. Усатому 25 мая 1917 г., что обязанность принятия мер к улаживанию инцидента лежит, прежде всего, на нем, и указал: «Благоволите немедленно вступить в сношения с харачинами и потребовать от них прекратить монархическую агитацию и

⁵ Как символ подчинения Китаю.

удаления из пределов Барги. Укажите, что в противном случае мы не будем иметь оснований противиться вводу в Баргу китайских войск и подавления силою поднятого харачинами движения. Повидайте также находящихся между харачинами японцев и объясните им, что мы не будем их защищать от китайцев и требуем их удаления из лагеря харачинов. О последствиях телеграфируйте. Надеюсь, что Вы приложите больше рвения, чем до сих пор, к улаживанию этого дела» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 45].

На результаты баргинского съезда Г. А. Козаков отреагировал так: «Мысль баргутских властей оградить себя как от китайцев, так и от харачин путем провозглашения независимости Барги — наивна. Благоволите объяснить баргутам, что мы не сочтем себя вправе защищать их от неизбежных попыток китайцев силой восстановить в Барге власть китайского правительства. Благоволите приложить все усилия, чтобы как баргутам, так и харачинцам стала ясна невозможность для них противостоять китайцам. Целью Вашей должно быть возможно скорее восстановить спокойствие в Барге, дабы не допустить столкновения, которое могло бы грозить безопасности Китайской Восточной ж. д. и свести на нет нашу работу по созданию автономии Барги» [Телеграмма Г. А. Козакова П. К. Усатому от 29 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 47].

Логично было ожидать вмешательства со стороны Китая в баргинские дела под предлогом наведения порядка. Однако часть повстанцев была готова перейти на службу в местные китайские войска. Появились сведения о решении ВРИО⁶ командующего войсками и гражданского губернатора Хэйлунцзянской провинции генерала Сюй Ланьчжоу принять на службу 1 000–3 000 харачинов и разместить среди своих войск. Предполагалось, что согласятся на это около 1 000 чел., но какого племени — неизвестно [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 9–9об.]. Однако генерал Сюй сообщил российскому консулу в Цицикаре С. В. Афанасьеву, что «соглашение с харачинами не состоялось благодаря тому, что таковые требовали, чтобы при их зачислении в китайские войска про-

винции были бы зачислены и 10 японцев в качестве советников при них» [Телеграмма С. В. Афанасьева от 7 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 126].

Неуспех соглашения повышал вероятность ввода китайских войск в Баргу. В конце мая, до переговоров с китайцами, в Хайларе и окрестностях находились около 1 000 монгольских повстанцев, о движении китайских войск было неизвестно [Телеграмма П. К. Усатого Н. А. Кудашеву от 30 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 46], хотя Управление КВЖД получило указания перевезти китайские войска, отправляемые в Баргу. МИД России передал губернатору Цицикарской провинции, что после восстановления спокойствия эти войска должны быть выведены согласно 4-й ст. соглашения по Барге от 24 октября 1915 г., в то время как порядок назначения фудутунов Хулунбуира предусмотрен 2-й статьей того же соглашения, которое остается в силе [Телеграмма Г. А. Козакова С. В. Афанасьеву от 31 мая 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 117; Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 396. Л. 53].

Вероятно, в связи со сведениями о готовящемся движении китайских войск 10 июня около 300 харачинов отправились из окрестностей Хайлара на юг к озеру Цаган-нур примерно в 180 верстах от Хайлара — месту стоянки главных сил повстанцев [Телеграмма П. К. Усатого в 4-е политическое отделение МИД от 11 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 131].

Первый секретарь российской миссии в Пекине В. В. Граве прибыл в Цицикар и вступил в переговоры с Сюй Ланьчжоу. Была достигнута договоренность, что китайские войска будут посланы в Хайлар, лишь если Граве не удастся мирно уладить дело [Телеграмма В. В. Граве из Цицикара Н. А. Кудашеву от 12 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 132].

Таким образом, по просьбе В. В. Граве отправка четырех поездов войск против повстанцев была задержана до выяснения возможностей мирного решения. А через неделю выяснилось, что экспедиция и не могла состояться вследствие вспыхнувшего конфликта между Сюй Ланьчжоу и отказавшимся признавать его генералом Инь

⁶ Так в документе. — С. К.

Шуном, из-за чего войска в Цицикаре и окрестностях должны были готовиться для экспедиции на восток против этого генерала [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119]. Мятежники вряд ли могли рассчитывать на успех, так как многие их части выразили покорность генералу Сюю, который твердо решил подавить мятеж [Телеграмма управляющего консульством в Цицикаре Симонолевича П. К. Усатому от 15 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 14]. 18 июня в Цицикаре состоялось совещание граждан и чиновников для изыскания средств к прекращению двоевластия, «гибельного для провинции» [Телеграмма Симонолевича П. К. Усатому от 18 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 20]. Данная ситуация была выгодна поддерживавшим харачинов японцам, так как сковывала китайские силы. Японцы поддерживали волнения в Цицикаре. Оттуда на сторону Инь Шуна перебежал их сторонник — полковник У Шицзе с двумя эскадронами [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 26].

Так как старые власти Барги перешли в полосу отчуждения КВЖД под охрану России, начальники монгольских повстанцев прислали в вице-консульство требование о выдаче Шэнфу и других чиновников, живших в русском поселке. Поскольку выдавать их не стали, харачины начали вести себя вызывающе по отношению к русским. Существовала опасность ареста Шэнфу и его чиновников в русском поселке харачинами [Телеграмма П. К. Усатого в миссию в Пекине от 8 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 127; Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 23]. В связи с этим, по совету П. К. Усатого, Шэнфу и Фушан выехали из Хайлара и 12 июня прибыли в Цицикар [Телеграмма В. В. Граве из Цицикара в миссию в Пекине. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 132].

Ухудшению отношения монгольских повстанцев к России способствовала японская агитация, которая в начале июня приняла значительные размеры. Ее целью было ослабление российских позиций и усиление позиций повстанцев в Барге. «И лично, и через своих агентов — местных монголов-харачинов они [японцы] убеждают чиновни-

ков и население в полном распаде России и в невозможности положиться на защиту и пользоваться ее покровительством. Они уверяют, что место России на востоке займет Япония, могущественное содействие которой баргинцы видели на примере харачинов». Новый правитель Барги по советам японцев у себя на месте российского царя поставил портрет японского императора [Донесение П. К. Усатого в 4-е политическое отделение МИД и миссию в Пекине от 9 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 129]. Японский консул в Харбине уклонялся от свидания с П. К. Усатым, приехавшим в этот город [Разведка Заамурского округа Пограничной стражи, Харбин, 17 июня 1917 г. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 314–314об.]. Однако корнем данной ситуации были не японские прои-ски, а Февральская революция в России, свергнувшая монархию и запустившая распад государства.

Хотя японские дипломаты озвучили версию, что японцы в Барге — заложники у харачинов, не только жившие там русские и китайцы, но и японские офицеры, командовавшие харачинами, в разговорах с В. В. Граве отрицали это [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 11–12].

В сложившейся ситуации министр иностранных дел России потребовал отзыва японских офицеров из повстанческих отрядов, отметив, что японскому правительству уже неоднократно указывалось на нарушение им ст. 4 соглашения 1910 г. политической деятельностью японцев в сфере влияния России: «Ныне находящиеся с бандами харачинов в Барге японские офицеры, хорошо известные в Маньчжурии, руководят и, во всяком случае, участвуют в нападениях на Баргу, в требовании от баргутов присоединиться к монархическому движению, и дают таким образом китайцам вооруженной силой подавить движение и лишить баргутов автономии» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 140].

На представление российского посла в Токио В. Н. Крупенского японское правительство ответило, что ничего не может сделать с участием японцев и предоставляет русским и китайцам расправиться с ними [Телеграмма В. В. Граве от 22 июня 1917 г., АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 27]. Согласно отчету В. В. Гра-

ве, министр иностранных дел и японский посланник в Пекине уверяли российских представителей в том, что японцы среди харачинов действуют на свой страх и риск, указаниями их снабжают квантунские военные власти [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119]. Это пример противоречий в подходах разных структур Японии к «харачинскому вопросу».

Прибывший в Хайлар В. В. Граве говорил монгольским повстанцам, что «они на службе не у Китая, почти совершенно ничего, а у японцев. Последние, ликвидируя монархическое движение, участвовавших в нем китайцев обратили в рабочих в своих предприятиях, харачинцев же заставили пойти на Баргу, чтобы быть здесь разбитыми китайцами. Выход — соглашение с последними при моем посредстве» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 13об.].

В. В. Граве уговаривал повстанцев договориться с китайцами о переходе на их службу, но харачины не были откровенны с ним. «В их словах постоянно звучит нотка обиды на Россию на то, что на Кяхтинской конференции мы не позаботились о них и оставили их на произвол судьбы» [Телеграмма В. В. Граве в Миссию в Пекин, 10 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 59]. Имеется в виду то, что Китайско-русско-монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г. зафиксировало автономию Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая, но не распространялось на Внутреннюю Монголию, где национально-освободительное движение монголов было подавлено китайцами.

По сообщению В. В. Граве, влиятельные харачинские командиры Сэбджингэ и Бумбужав, ярые приверженцы японцев, были против перехода на китайскую службу, остальные — за, в основном потому, что не могли прокормить своих людей. Так, на службу в Мукденскую провинцию собирался перейти Чадарбал (Шадарбал), в Цицикар — Насанбаяр (Насун-Баир) [Телеграмма В. В. Граве в Пекин, Харбин и Петроград от 17 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 15]. Китайские власти также убедили перейти к ним на службу Доржа (Дорджи, Дорчжи, Дарчжий) [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119];

разведсводка 17 июня 1917 г., АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 71; телеграмма В. В. Граве из Хайлара в Пекин 26 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 32].

Ко времени приезда в Баргу Граве (то есть в июне 1917 г.) монгольские повстанцы там разделились на четыре отряда. Первый отряд (около 1 500 чел.) стоял в южной части Барги на Цаган-нуре, при нем был главный начальник Чадарбал, 7 орудий и около 7 японцев. Второй отряд (около 1 400 чел. под командой Доржа) — в деревне Наньтунь в 8 верстах южнее Хайлара, там не было ни японцев, ни орудий; Дорж считался японофобом. Третий отряд (около 500 чел.: 300 монголов и 200 хунхузов под командой Бумбужава) стоял в деревне Ситунь в 1,5 верстах от Хайлара, при нем было 2 бронзовых орудия образца до Русско-японской войны, при орудиях были японцы. Четвертый отряд (100 чел. под командой Сэбджингэ) занимал Старый Хайлар, в нем находились главные начальники японских инструкторов Сэки и Садаки, у монголов известные как Гуан и Лин. Кроме того, по Барге бродили мелкие «шайки харачинов», грабивших местное население, главным образом, дауров [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119; Ностаева 2010: 46].

Монгольские повстанцы контролировали значительные территории Барги, Внутренней и Внешней Монголии. В руки японцев и повстанцев попали княжества Внутренней Монголии Дзун-Удзумчин и Барун-Удзумчин, аймак Хучит, халхаские княжества Эетей-бэйсэ, Чин-вана, Тун-дун-дзасака, южные хошуны Барги. Весь этот район был покинут местными жителями, ушедшими в Халху. Монастыри Асырин-сумэ, Арайн-сумэ, Тологай-сумэ, Дэдхошу-сумэ, Хозхошу-сумэ, Сумон-сумэ и другие, расположенные по р. Керулен, р. Аршан и близ оз. Буир-нур, лежали в руинах, ламы были прогнаны. Монастырь Халхин-сумэ уцелел, но ламы его покинули; по слухам, его охраняли русские рыбопромышленники, работавшие на оз. Буир-нур и р. Халх (Халхин-гол). С этой реки к урочищу Хурголчжи (очевидно, Хонгоджин) в Баргу перешли 500 монгольских повстанцев. Численность повстанческого отряда у Хайлара достигла 500 чел., его штаб находился в

деревне Лопушка. Сообщалось, что командовал этим отрядом японец Сэки-нао⁷, при нем были помощник, 2 обер-офицера, 2 врача и 40 японских солдат, но по неофициальным сведениям их было до 100 (в основном, артиллеристы и пулеметчики — инструкторы повстанцев). Часть их прибыла по КВЖД в Хайлар, часть — через Монголию. При ставке японского командующего было два стальных скорострельных орудия, запас снарядов. Командующий занимал дом Шэнфу. Видя, что русские отвели войска в полосу отчуждения КВЖД, японцы перебросили к Хайлару свой отряд с орудиями и пулеметами. В Хайларе на всех домах были вывешены флаги с драконом (цинские) вместо прежних республиканских китайских. Харачины не трогали русских [Разведка Заамурского округа Пограничной стражи, Харбин, 17 июня 1917 г. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 314–314об.].

По наблюдениям В. В. Граве, все харачины были монархисты и действовали на основе получаемых от князя Су указаний. По тем же наблюдениям, хотя в Старом Хайларе они поддерживали оживленные сношения с японцами, в японофильстве их обвинить было нельзя. Все японцы среди харачинов были запасные офицеры разных родов войск. Они подчинялись квантунским военным властям, присылавшим им приказания через Накаяму — японского агента в Цицикаре. В Барге их главным начальником был капитан Сэки, он находился в регулярных сношениях с Накаямой, в более важных случаях запрашивал инструкции из Порт-Артура через доверенных лиц из харачинов в сопровождении японцев. Например, 26 июня 1917 г. туда ездил Сэбджингэ. Инструкции харачинам писали от имени князя Су, при котором в Порт-Артуре состоял Н. Кавасима, бывший советник при князе в бытность того министром внутренних дел в последние годы маньчжурской династии. В одной из таких инструкций, посланной якобы князем Су новым баргинским властям, содержались поздравления по поводу их избрания, просьба двум избранным лицам исполнять обязанности главы Хулунбуира и его помощника, планы награждений. Проживая среди монгольских повстанцев, японцы обучили их военному строю, снабжали деньгами, оружием и провиантом,

руководили их действиями [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119].

После переворота в Барге монгольские повстанцы из Хайлара отправили депутацию к князю Су. Она вернулась из Дальнего, где встречалась с Су и Кавасимой 18 июня 1917 г.⁸ Депутация привезла печати новому правителю и командующему войсками Барги, а также предписания князя. Последний предложил харачинам оставаться в Барге и «ждать его указаний вступить в связь с усиливающимся в Китае монархическим движением». С депутацией вернулись японцы [Телеграмма В. В. Граве из Хайлара от 19 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 141; Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 24]. Такие итоги поездки означали формальное подчинение Барги восстановленному цинскому императору Пу И (девиз правления — Сюаньтун). Как отмечал В. В. Граве, при этих обстоятельствах трудно было рассчитывать на сговорчивость харачинов в переходе на китайскую службу.

Итак, 18 июня⁹ 1917 г. в Пекин вступили войска генерала Чжан Сюня, который восстановил на троне императора Пу И. Об этом Граве узнал, находясь в Хайларе: «Сейчас полковник Чжэнь сообщил мне о получении им телеграммы губернатора Сюя с известием о восстановлении маньчжурской династии и об утверждении его императором в должности. Таким образом, утверждение влияния японцев в Барге неминуемо, так как при их помощи монархия здесь провозглашена месяц тому назад харачинами. Единственный выход для нас из этого — отправление императором телеграммы главарям харачинов с приказом покинуть Баргу. При таких условиях считаю свое пребывание здесь излишним и жду указаний. Копии сообщаются в Пекин и Харбин [Телеграмма В. В. Граве из Хайлара от 22 июня¹⁰ 1917 г. АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 1. Л. 46].

«Восстановленный монархический режим, по преобладающему здесь мнению,

⁸ По старому стилю, или 1 июля по новому стилю, когда была реставрирована цинская монархия в Пекине.

⁹ По старому стилю, или 1 июля по новому стилю.

¹⁰ 5 июля по новому стилю.

⁷ Сэбджингэ не упоминается.

не может удержаться. Уже начались боевые столкновения близ станции Ланьфань железной дороги Пекин – Тяньцзин между сторонниками Чжан Сюня и Дуаня, в которых первые пострадали» [Телеграмма Н. А. Кудашева в вице-консульство в Хайларе от 23 июня¹¹ 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 142]. Но большинство монгольских повстанцев слепо верило реставрированному маньчжурскому императору [Телеграмма В. В. Граве из Хайлара в Пекин 26 июня¹² 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 32]. Князь Су в послании правителям Барги сообщал о назначении им в помощь в Хайлар японских советников Сэки и Хаяси. Баргинские власти заявили, что японцы требуют соляную концессию на оз. Джурбэт и рыбные промыслы на оз. Далай-нор. П. К. Усатый ответил, что там есть русские кандидаты и японцам надо отказать [Телеграмма В. В. Граве из Хайлара в Пекин от 23 июня 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 143; Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 30; Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 1. Л. 7; Ностаева 2010: 46]. Сэки подтвердил российскому вице-консулу свое назначение советником при баргинских властях [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 1. Л. 11–12].

В Маньчжурии возросла активность монархистов, возникали их новые отряды. Так, сообщалось, что в июле 1917 г. в харачинском хошуне Внутренней Монголии образовалась «шайка монгольских разбойников» свыше 4 000 чел., среди которых было до 20 китайцев — членов монархической партии Цзуншэдан и шесть немцев «в качестве главных руководителей» [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 306. Л. 181].

В день реставрации цинской монархии 1 июля 1917 г. был опубликован указ императора Пу И, в котором говорилось о введении конституционно-монархического строя вместо республики, излагались основные положения нового правления, назначения на ключевые посты. Чжан Сюнь назначался канцлером с совмещением должностей генерал-губернатора Чжилийской провинции и главноуправляющего портами Северного Китая. Однако к предпринятию Чжан Сюня положительно отнеслись лишь немногочис-

ленные приверженцы Цинской династии. Вероятно, к восстановлению монархии отрицательно отнесся и Чжан Цзолинь, на которого мог рассчитывать Чжан Сюнь. Вооруженные столкновения генералов Дуань Цижуя и Чжан Сюня закончились поражением последнего [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 20об.–22].

Восстановленная монархия продержалась всего 11 дней. После этого вновь смещенный Пу И издал декларацию, что план восстановления Цинской династии был задуман лично Чжан Сюнем без изъявления собственного желания Сюаньтуна; поэтому он не считает себя ответственным за кровопролитие [РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 29. Л. 22об.]. У китайцев в Барге возникла надежда, что неудача с восстановлением монархии сделает харачин более сговорчивыми, а при упрямстве Бумбужава будет применена сила [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 33].

Сэбджингэ и делегаты баргутов, при известии о восстановлении монархии выехавшие в Пекин через Дальний для выяснения обстановки, до Пекина так и не доехали. Сэбджингэ в Дальнем постоянно советовался с Кавасимой и привез в Хайлар приказание князя Су монгольским повстанцам оставаться в Барге, пока не выяснится положение в Китае, а для выигрыша времени вести с китайцами переговоры о переходе на их службу [Телеграммы В. В. Граве из Хайлара в Пекин от 26 июня и 10 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 1. Л. 8, 61].

В начале июля монгольские повстанцы продолжали занимать Хайлар [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 151; Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 61]. В целом в Барге их силы были значительны: до 60–80 чел. — под командой Сэбджингэ; в деревне Ситунь — 500–600 чел. при 2 орудиях под командой Бумбужава, среди них более 200 китайских хунхузов, в основном прислуга при орудиях под охраной японцев; в деревне Наньтунь — до 1 000 чел. под командой Доржа. Главные силы — до 1 600 чел. при 2 орудиях под командой Чадарбала — находились в 150–160 верстах южнее Хайлара. 3 июля в Хайлар выехали с подарками и печатями для некоторых начальников харачинов из Цицикара полковник Чжэн (советник управления губернатора), Го Ятин (харачин, начальник Монголь-

¹¹ 6 июля по новому стилю.

¹² 9 июля по новому стилю.

ского бюро в Цицикаре) и Фу Хай (харачин, его помощник) [Донесение разведки в российское консульство в Цицикаре. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 36–38].

Это были шаги к включению повстанцев в китайские провинциальные войска. Вместе с тем эти войска проводили передислокацию, проводилась вербовка новобранцев [Донесение разведки от 6 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 47; Разведсводка от 13 июля 1917 г. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 64], — очевидно, на случай новых стычек с повстанцами.

Для фуражировки харачины делали дальние рейды в Барге и восточной Халхе, не довольствуясь снабжением от властей Барги, которого явно не хватало. Очевидцы сообщали, что по трактам вдоль р. Керулен почти до самого оз. Буир-нур шли караваны беженцев из Барги. Монастыри Шутэн-сумэ, Асырин-сумэ (Асор-сумэ), Ороин-сумэ, Намюрин-хийд и другие в баргинском хошуне Цаган-ула были сожжены, равно как и многие кочевья, монастыри и храмы на берегах р. Аршан и у оз. Буир-нур. По дорогам встречались трупы монголов. Во Внешней Монголии харачины занимались грабежами к западу от Буир-нура (т. е. во Внешней Монголии), а также в княжествах Эрхэмсэг-бэйсэ и Хуру-дзасака, отчасти — Элдэн-вана. Главная волна беженцев из Барги шла вдоль берега Керулена, главным образом, в западно-халхаский хошун Сан-бэйсэ [Разведка Заамурского округа Пограничной стражи, Харбин, 3 июня 1917 г. РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 33. Л. 246]. В хошун Сан-бэйсэ перекочевали два западных хошуна Барги. Они просили не выгонять их, пока в Барге не восстановится порядок. Халхасцы согласились [Телеграмма российского генерального консула в Урге А. А. Орлова от 1 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 148].

Из примерно 22 000 чел. восьми хошунов ново-баргутов из-за харачинских грабежей в Халху перекочевало пять хошунов — около 8 000. Окончательно ушли в Цицикарскую провинцию все дауры — 702 чел. В Барге осталось около 4 000 старо-баргутов, 2 000 солонов и 400 олёт. Население было запугано харачинами и беспрекословно подчинялось им, солонь и олёт даже помога-

ли им в грабежах. Баргутская милиция рассеялась частью среди баргутов, откочевавших в Халху, частью — на север от КВЖД, куда харачины опасались идти (вследствие близости КВЖД и российской границы). Выбранное новое правительство Барги фактически никакой власти не имело и было занято в основном доставкой продовольствия монгольским повстанцам и разборкой текущих дел [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119; Ностаева 2010: 46].

9 июля халхасцы получили из Хайлара известие о намерениях повстанцев двинуться в Цэцэнханский аймак Халхи, чтобы силой возратить бежавших баргутов. Монголы решили отправить туда солдат, просили оружие и патроны у России [Телеграмма А. А. Орлова из Урги от 10 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 154]. В связи с этим В. В. Граве предложил использовать казаков для охраны границы [Телеграмма В. В. Граве наказному атаману Забайкальского казачьего войска от 10 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 58–58об.]. По сообщению читинского областного комиссара от 9 июля 1917 г., 500 баргутов, спасаясь от харачинов, просили пропустить их в Забайкалье. Для выяснения была командирована особая комиссия [АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 397. Л. 52, 56; Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3107. Л. 153; Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 1. Л. 59].

Вместе с тем с российскими гражданами монгольские повстанцы всеми силами старались избегать конфликтов. На этот счет они получили самые строгие инструкции. Им запрещено было переходить полосу отчуждения КВЖД. Случаи ослушания и даже грабежа скота у русских были, но по первому требованию вице-консульства скот возвращали владельцам, а виновных наказывали. Вместе с тем повстанцы видели «полное разногласие» между российским населением Барги и российским правительством: россияне в Хайларе не относились враждебно к харачинам, считали их дела внутренним делом их с баргутами, настолько не сочувствовали репрессиям против них, что если бы местному гарнизону приказали выгнать харачинов из Барги, он отказался бы это делать. Более того: отдельные русские

помогали отдельным харачинским группам в розыске и грабеже скота у баргутов [АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 67–119]. Это создавало препятствия возможному использованию российских войск для выдворения повстанцев из Барги. Кроме того, в связи с уходом «батальона смерти» из Хайлара, российский гарнизон там сильно уменьшился. Поэтому, как отмечал В. В. Граве, «всякие агрессивные действия против харачинов, в том числе арест Сэбджингэ, невозможны, ибо угрожают безопасности русских подданных и поселка» [Телеграмма В. В. Граве из Хайлара в Пекин от 5 июля 1917 г. АВПРИ. Ф. [Вице-]Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 1. Л. 58].

Заключение

После захвата Хайлара монгольскими повстанцами МИД России ставил целью скорейшее восстановление спокойствия в Барге и недопущение столкновения, которое могло грозить безопасности КВЖД и

автономному статусу Барги. При этом МИД допускал временное введение китайских войск для удаления повстанцев с их последующим выводом и сохранением автономного статуса региона, хотя приоритетом было мирное урегулирование. Монгольские повстанцы были монархистами, стояли за восстановление власти маньчжурской династии. Созданное под их влиянием правительство Барги реальной власти не имело и занималось в основном поставкой продовольствия повстанцам и разбором текущих дел. Хотя с японцами в Старом Хайларе они поддерживали оживленные контакты, в японофильстве их обвинить было нельзя. С российским населением Барги отношения у них были в основном хорошие, но значительная часть баргутов и все дауры бежали в соседние регионы. Часть южной Барги, Внутренней Монголии и востока Внешней Монголии были разорены повстанцами. Часть последних готова была перейти в китайские провинциальные войска, но это затягивалось.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Sources

- Arkhip Vneshnei Politiki Rossiiskoi Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Archive of Military History].

Литература

- Белов 1995 — Белов Е. А. Антикитайское восстание под руководством Бабучжаба во Внутренней Монголии в 1915–1916 гг. // *Анналы*. 1995. № 2. С. 62–76.
История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / ред. Г. С. Яскина. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.
Кузьмин 2018 — Кузьмин С. Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2018. № 6. С. 2–14.
Кузьмин 2019 — Кузьмин С. Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги в 1917 г. // *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 174–182.

Лонжид, Өлзий 2002 — Лонжид З., Өлзий Ж. Шударга баатар Бавуужав (= Шударга-Батор Бавужав). Улаанбаатар: «Согоонуур» ХХК, 2002. 47 с.

Лу 1979 — Лу Минхуэй (ред.). Бабучжабу ши ляо сюань бянь [Избранные исторические материалы о Бабужаве]. [S. l.] [без м. и.]: Чжунго Мэнгу ши суэ хуэй, 1979. 162 с. (на кит. яз.)
Ностаева 2010 — Ностаева Е. В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // *Восточный архив*. 2010. № 1(21). С. 43–48.

Скачков 1933 — Скачков П. Е. Внутренняя Монголия (экономико-географический очерк). М.: изд. науч.-иссл. ассоциации по изучению нац. и колониальных проблем, 1933. 151 с.

Nakami 1999 — Nakami T. Babujab and his uprising: re-examining the Inner Mongol struggle for independence // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 1999. No. 57. Pp. 136–153.

Nakami 2018 — Nakami T. On Babujab and his troops: Inner Mongolia and the politics of imperial collapse, 1911–21 // *Russia's Great War and Revolution in the Far East: Re-imaging the Northeast Asian Theater, 1914–22* (D. Wolff, Y. Shinji and W. Sunderland, eds.). Bloomington: Slavica Publishers, 2018. Pp. 351–358.

Ulantana 2008 — *Ulantana*. [The response of eastern Inner Mongolians to the establishment of Bogd Khan Government: the case of Babujab] // *Tōhoku Ajia kenkyū*. 2008. No. 12. Pp. 97–118 (на япон. яз.).

References

[History of Mongolia: 20th Century]. G. S. Yaskina (ed.). Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2007. 448 p. (In Russ.)

Belov E. A. The anti-Chinese rebellion led by Babujab in Inner Mongolia in 1915–1916. *Annaly*. 1995. No. 2. Pp. 62–76. (In Russ.)

Kuzmin S. L. Guerillas of Inner Mongolia after the death of their leader Babujab in 1916. *Oriental Studies*. 2018. No. 6. Pp. 2–14. (In Russ.)

Kuzmin S. L. The 1917 conquest of the capital town of Barga (Hulunbuir) by Mongolian guerrillas. *Oriental Studies*. 2019. No. 2. Pp. 174–182. (In Russ.)

Lonjid Z., Ulzii J. [The Honest Hero Babujab]. Ulaanbaatar: Sogonuur, 2002, 47 p. (In Mong.)

Lu Minghui (ed.). [Selected Historical Materials on Babujab]. (No data available): Zhongguo

Menggu shi xue hui, 1979. 162 p. (In Chin.)

Nakami T. Babujab and his uprising: re-examining the Inner Mongol struggle for independence. *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. 1999. No. 57. Pp. 136–153. (In Eng.)

Nakami T. On Babujab and his troops: Inner Mongolia and the politics of imperial collapse, 1911–21. In: [Russia's Great War and Revolution in the Far East: Re-imaging the Northeast Asian Theater, 1914–22]. D. Wolff, Y. Shinji and W. Sunderland (eds.). Bloomington: Slavica Publishers, 2018. Pp. 351–358. (In Eng.)

Nostaeva E. V. The Kharachin issue in Barga in 1917. *Oriental Archive*. 2010. No. 1(21). Pp. 43–48. (In Russ.)

Skachkov P. E. [Inner Mongolia: an Essay on Economy and Geography]. Moscow: Association for Studies of Nationalities and Colonialism, 1933. 151 p. (In Russ.)

Ulantana. The response of eastern Inner Mongolians to the establishment of Bogd Khan Government: the case of Babujab. *Tōhoku Ajia kenkyū*. 2008. No. 12. Pp. 97–118. (In Jap.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 627–633, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-627-633
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47)

«Всемиловейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г.

Тепкеев Владимир Толтаевич¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-41408358. E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одной из малоизвестных страниц в истории Калмыцкого ханства — церемонии объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство. *Цель статьи* — введение в научный оборот новых архивных сведений о периоде правления калмыцкого хана Дондук-Омбо (1735–1741 гг.). *Результаты.* Успешное участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. поставило перед российским правительством вопрос об удовлетворении политических амбиций калмыцкого наместника Дондук-Омбо. Наделение его ханской властью должно было не только консолидировать калмыцкое общество, но и гарантировать дальнейшее участие калмыцкого войска в войне. Централизация власти в руках Дондук-Омбо имела позитивное значение для Калмыцкого ханства, поскольку после долгого периода междоусобиц стала восстанавливаться традиционная административная система и происходила консолидация улусов. Народные массы калмыцкого народа также весьма положительно отнеслись к установлению политической стабильности в ханстве, особенно после долгого периода междоусобиц и скитаний на Кубани. Но такой политический курс вызывал определенное сопротивление большей части калмыцкой знати. Внутриполитические процессы в ханстве напрямую зависели от отношений представителей калмыцкой знати с Россией. Правительство стремилось консолидировать власть у калмыков в руках одного правителя, наделив его ханским званием. Однако отсутствие ханского ярлыка на власть от духовного лидера Далай-ламы VII делало статус и положение Дондук-Омбо полулегитимным в глазах калмыцкого общества. Именно после церемонии объявления грамоты императрицы Анна Иоанновна новый калмыцкий хан срочно занялся организацией своей миссии в Лхасу.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, калмыки, Дондук-Омбо, Анна Иоанновна, русско-турецкая война

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. «Всемиловейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. *Oriental Studies*. 2019;(4):627–633. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-627-633.

‘This Is to Grant You, Our Subject, a Merciful Favor of Ours and Inaugurate as Khan of the Kalmyks’.

The 1737 Ceremony of Proclaiming Donduk Ombo Khan

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-41408358. E-mail: tv75@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The article examines an understudied episode in the history of the Kalmyk Khanate — the ceremony of proclaiming Donduk Ombo Khan of the Kalmyk people. *Goals.* The paper aims to introduce into scientific discourse some newly discovered archival materials covering the period of Donduk Ombo Khan’s rule (1735–1741). *Results.* The successful participation of the Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1735–1739 actualized the issue that the Russian Government should satisfy political ambitions of the viceroy Donduk Ombo. Confirmation of his status as Khan not only implied a certain consolidation of Kalmyk society but was also to guarantee further involvement of Kalmyk troops in the war. The concentration of powers in the hands of Donduk Ombo had a positive impact on the Kalmyk Khanate since after the prolonged period of internal feuds, the traditional administrative system was being restored, and *uluses* (districts) were being reestablished. The Kalmyk population also showed decently positive attitudes towards the installed political stability in the khanate, especially appreciated after the experienced civil war and times of vagrancy in the lands of Kuban. Still, the mentioned course of policy was evidently resisted by the majority of Kalmyk landlords. And the khanate’s internal political processes directly depended upon the relations between Kalmyk landlords and Russia, the latter seeking to consolidate powers among the Kalmyks in the hands of one ruler by granting him the title of Khan. However, the lack of a corresponding confirmation certificate supposed to have been issued by the 7th Dalai Lama resulted in that Kalmyk society viewed Donduk Ombo’s status and position as somewhat semi-legitimate. So, after the credentials received from Empress Anna Ioannovna were proclaimed, the newly established Khan of the Kalmyks immediately started arranging a mission to Lhasa.

Keywords: Kalmyk Khanate, Kalmyks, Donduk Ombo, Anna Ioannovna, Russo-Turkish War

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Tepkeev V. T. *‘This Is to Grant You, Our Subject, a Merciful Favor of Ours and Inaugurate as Khan of the Kalmyks’.* The 1737 Ceremony of Proclaiming Donduk Ombo Khan. *Oriental Studies*. 2019;(4): 627–633. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-627-633.



Введение

Период правления хана Дондук-Омбо (1735–1741 гг.) был кратковременен, но насыщен яркими политическими событиями. К ним, безусловно, можно отнести участие калмыцкой конницы в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. и наделение Дондук-Омбо ханским титулом от императрицы Анны Иоанновны в 1737 г. К сожалению, в исто-

риографии лишь поверхностно отражены сведения о самой церемонии возведения Дондук-Омбо в ханское достоинство [Митиров 1998: 170]. Несомненно, большой интерес представляет и публикация самой грамоты императрицы, «данные главному калмыцкого народа управителю Дундук-Омбе на ханское достоинство» от 2 марта 1737 г. [ПСЗРИ 1830б: 61–62]. В работе Василия

Бакунина, очевидца тех событий, подробно изложена только история наделения его должностью наместника, которая произошла 14 ноября 1735 г. под Астраханью и в которой принял участие губернатор Иван Петрович Измайлов [Бакунин 1995: 150–152]. Исходя из цели исследования, в Национальном архиве Республики Калмыкия автором были проведены архивные изыскания, в результате чего был обнаружен документ, проливающий свет как раз на саму церемонию объявления Дондук-Омбо ханом калмыцкого народа в 1737 г.

Постановка задачи

Основываясь на материалах, обнаруженных в Национальном архиве Республики Калмыкия, в статье необходимо раскрыть подробности и ввести в научный оборот сведения очевидцев о церемонии провозглашения ханом Дондук-Омбо.

Материалы

Основным материалом к настоящей статье послужили документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где отложились копии указов, донесений и рапорты астраханского губернатора и Коллегии иностранных дел по «калмыцким делам», а также письма Дондук-Омбо и других владельцев в оригинале и переводах. В нашем случае основным источником послужили сведения очевидца, оказавшегося в ставке Дондук-Омбо в момент провозглашения его ханом калмыцкого народа. Стоит отметить, что впервые этот документ, правда, без указания ссылки на источник, обнаружил А. Г. Митиров и вкратце описал саму церемонию [Митиров 1998: 170]. Безусловно, в статье автором использован и главный документ — это дарованная Дондук-Омбо на ханское достоинство грамота императрицы Анны Иоанновны от 3 марта 1737 г. Документ был опубликован в «Полном собрании законов Российской империи» и в статье приводится полностью.

Основная часть

Политическая деятельность Дондук-Омбо стала активно развиваться с 20-х гг. XVIII в. Особенно это стало заметно по-

сле смерти старшего дяди — Чакдорджаба (1722 г.), главнокомандующего калмыцким войском, и деда Аюки-хана (1724 г.). Благодаря харизме и военному таланту ему удалось объединить вокруг себя большинство калмыцких владельцев и не допустить к власти главного претендента на ханскую власть — Досанга, который являлся старшим сыном Чакдорджаба и управлял наиболее многочисленным улусом. Дондук-Омбо сумел внести раскол между Досангом и его братьями, но не смог предотвратить приход к власти одного из младших ханских сыновей — Церен-Дондука, поддерживаемого российским правительством. В 1731 г. наместник Церен-Дондук получил от правительства ханское звание, что стало сигналом к открытому вооруженному выступлению Дондук-Омбо и его сторонников. После столкновений и разгрома ханского войска в ноябре 1731 г. он на несколько лет уводит большую часть калмыцких улусов на Кубань, под протекторат крымского хана.

Однако усиление конфликта между Российской и Османской империями привело к началу очередной русско-турецкой войны, и уже Дондук-Омбо становится значительной политической фигурой не только у калмыцкого народа, но и во внешней политике российского правительства. Летом 1734 г. было принято принципиальное решение — добиться согласия мятежного владельца любой ценой. С этой целью в ноябре этого же года к нему был отправлен донской старшина Данила Ефремов с грамотой императрицы Анны Иоанновны [Бакунин 1995: 117, 126]. Крымский хан в это же время также пожаловал Дондук-Омбо титул «турецкого сераскера-султана, правителя над кубанским и калмыцким народом» [Цюрюмов 2007: 224]. Однако Турция и Крым в период подготовки войны с Россией в конечном итоге проиграли борьбу за калмыцкого владельца, с большим опозданием предоставив калмыкам подданство и продекларировав создание в будущем калмыцко-татарского государства в Прикубанье [Цюрюмов 2007: 224].

В результате долгих переговоров калмыцкий владелец с улусами был призван обратно в пределы российского государства. 7 марта 1735 г. в указе императрицы было объявлено: «Всемиловнейше определили Нашего подданного Калмыцкого

владельца Дондук Омбо, внука вышена- реченного Хана Аюки, надо всем Нашим подданным Калмыцким народом главным Управителем; и при том повелели ему тое команду иметь по прежним вашим правам и обыкновениям, как то было при деде его Хане Аюке» [ПСЗРИ 1830а: 490]. 14 ноября Дондук-Омбо под Астраханью принес присягу на верность России губернатору И. П. Измайлову в качестве «Главного Калмыцкого народа управителя». Потерявший всякую власть и авторитет в народе хан Церен-Дондук и Шакур-лама 15 ноября 1735 г. были задержаны в Царицыне и высланы в Москву, а затем — в Петербург [Митиров 1998: 165].

Именно этот шаг правительства стал серьезным аргументом того, что новый калмыцкий наместник во главе войска активно вступил в Русско-турецкую войну 1735–1739 гг. и успешно провел военную кампанию 1736 г. на Кубани и в Крыму. В частности, были приведены в российское подданство солтанульские и другие ногайцы, жившие в Кубанской орде под протекторатом крымского хана. В результате успешных военных действий калмыков на кубанском направлении азовская операция русской армии увенчалась успехом. На крымском направлении калмыцкое войско во главе со старшим сыном Галдан-Норбо участвовало в штурме и захвате г. Карасубазара [Цюрюмов, Батыров 2006: 56–57].

В Петербурге весьма высоко оценили военный вклад калмыков в первую кампанию русско-турецкой войны. По указу императрицы Анны Иоанновны от 11 августа 1736 г. за службу Дондук-Омбо получил дополнительное жалованье в размере 2 500 рублей. И теперь его жалованье стало составлять 5 000 руб. и 2 000 четверти хлеба в год [Новолетов 1884: 22].

Правительство было заинтересовано и в дальнейшем участии Дондук-Омбо в кампании 1737 г. С целью поощрения императрица решила удовлетворить политические амбиции калмыцкого наместника, наделив его ханским званием. Стоит отметить, что это был уже второй подобный шаг за ее почти десятилетнее правление, когда в 1731 г. она пожаловала такой же ханский титул Церен-Дондуку. Однако, если в первом случае это было связано с приездом китайского посольства, то на этот раз — успешным

участием Дондук-Омбо в русско-турецкой войне.

3 марта 1737 г. императрица подписала указ о пожаловании Дондук-Омбо «ханского достоинства». Отвезти и лично вручить грамоту калмыцкому наместнику было поручено обер-штер-кригс-комиссару Государственной адмиралтейской коллегии Федору Соймонову и донскому старшине Даниле Ефремову [ПСЗРИ 1830б: 61].

Выбор кандидатуры Ефремова был не случаен. Именно он принял самое активное и ключевое участие в переговорах с Дондук-Омбо, чтобы тот с улусами покинул Кубань и вернулся на Волгу, в российское подданство. Не последнее значение играло и то, что калмыцкий владелец очень доверял донскому старшине, который уже на следующий год стал войсковым атаманом и до 1753 г. прослужил в этой должности.

Очевидцем приезда российской делегации в ставку Дондук-Омбо стал табунный голова астраханских татар Мурза Булатаев. 10 июля 1737 г. он прибыл в Царицын и в разговоре с комендантом М. И. Кольцовым сообщил некоторые подробности приезда к хану Ф. Соймонова и Д. Ефремова.

Выехав из Астрахани, Булатаев через 19 дней достиг ставки Дондук-Омбо и застал его в своей кибитке в урочище Шорпа (Сарпа). Они уже были давно знакомы, поэтому Дондук-Омбо принял его «обыкновенным приветствием». За три дня до приезда Булатаева в ставку уже прибыли Ф. Соймонов и Д. Ефремов [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 40].

Через восемь дней после приезда Соймонов и Ефремов были официально приняты Дондук-Омбо. Встреча проходила в кибитке наместника и длилась около шести часов, после которой к народу вышли Д. Ефремов и приближенный зайсанг Нарма-Церен. Донской старшина зачитал перед собравшимися калмыками на русском языке указ императрицы о том, что Дондук-Омбо пожалован ханом и знаками ханства: знаменем, саблей, шубой и шапкой. Затем Нарма-Церен зачитал этот же указ на калмыцком языке. По оценке Булатаева, народа собралось возле ханской кибитки около семи тысяч человек, и калмыцкие люди «по своему обыкновению кланялись и благодарили всемилостивейшую государыню» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 40].

Здесь будет уместно привести полностью текст указа императрицы от 3 марта 1737 г., который опубликован в «Полном собрании законов Российской империи» и носит название «Грамоты, данныя Главному Калмыцкаго народа Управителю Дундук-Омбе, на Ханское достоинство».

Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, усматривая от того времени, когда по Всемилостивейшему Нашему соизволению поручено тебе, подданному Нашему, главное правление над всем Калмыцким народом, верныя к Нам твои, подданного Нашего, службы порядочное правление Калмыцкаго народа, показанную ревность и прилежность и знатные поиски над неприятели Нашими Кубанцами, Всемилостивейшие жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким, и, в знак нашея Императорскаго Величества к тебе, подданному Нашему, милости повелели к вам послать нарочно отсюда знатную персону, Обер-Штер-Кригс-Коммисара Федора Соймонова, с объявлением сей Нашей Императорской милости, который купно с Данилом Ефремовым по указу Нашему объявить тебя, Нашего верного подданного, Ханом над всем, Нашим подданным, народом Калмыцким, и вящие изустно тебя обнадежить о Нашей Императорскаго Величества к тебе милости, и знаки Ханства: знамя, саблю, шубу, шапку тебе вручить, и что он же Соймонов именем и по указу Нашему будет тебе объявлять и говорить о походе в Крым; и в том во всем ему верить и по тому исполнить, и по исполнении того, имеет он с той ведомостью сюда возвратиться, а в том походе, как в особливой Нашей к тебе грамоте изъяснено имеет быть, с тобою Данило Ефремов и сын его, Степан; впрочем Мы о твоей, Нашего подданного, верности и послушании всегда безсомнительны, и что ты, Нашего Императорскаго Величества верный подданный, видя к себе Нашу превысочайшую милость, служить Нам всегда верно со всяким усердием и прилежностию, за что Мы тебя, подданного Нашего, всегда непременно в милости Нашей содержать будем.

Божиею милостию Мы Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская, и проч., и проч., и проч., объявляем чрез сие. Понеже Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, от того вре-

мени, когда, по Всемилостивейшему Нашему соизволению, поручено главное правление над подданным Нашим Калмыцким народом Нашему верному подданному, Калмыцкому владельцу Дундук-Омбе, усмотрели верные его Дундук-Омбы к Нам службы, показанную ревность и прилежность и знатные поиски над неприятели Нашими Кубанцы и порядочное правление Нашего подданного Калмыцкаго народа: того ради, за те верные службы, Всемилостивейшие жалуем его Нашего верного подданного Дундук-Омба и учреждаем Ханом Калмыцким, для лучшего управления того Калмыцкаго народа и содержания к Нам в постоянной верности и подданстве; и силою сей Нашей грамоты жалуем и учреждаем быть ему Дундук-Омбе над подданным Нам калмыцким народом Ханом, повелевая Нашего Императорскаго Величества подданным Калмыцким владельцам и всем Калмыкам всякаго между ними чинами и достоинства, его Дундук-Омбу за Хана Калмыцкаго надлежащим образом почитать и признавать, и всякое послушание отдавать; напротив сего, Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, надеемся, что он Дундук-Омба в сем ему от Нас Всемилостивейшие пожалованном достоинстве Ханства так верно и прилежно Нам, Великой Государыне, Нашему Императорскому Величеству, служить и во всем по указам Нашим поступать и исполнять будет, как верным подданным надлежит, а Мы его Хана Дундук-Омбу и весь Наш подданный Калмыцкий народ и всех владельцев в неотменной Нашей Императорской милости всегда содержать будем [ПСЗРИ 1830б: 61–62].

Среди знатных владельцев, кто присутствовал на церемонии, были только Бату (двоюродный брат хана, сын Чакдорджаба), Бай (сын Дорджи Назарова) и дербетский владелец Солом-Дорджи (родственник Четера). По наблюдению того же Булатаева, «а больше при оном знатных калмыцких владельцев не было». По окончании церемонии Соймонов и Ефремов поздравили Дондук-Омбо и отправились в свои ставки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 40].

Через три дня новоявленный калмыцкий хан устроил торжественный обед, приуроченный к национальному празднику Ур Сар. Понятно, что на торжество были приглашены Соймонов с Ефремовым и прибыв-

шие калмыцкие владельцы. Всего на празднике в ханской ставке собралось около семи тысяч калмыков. Торжественный обед длился до вечера, и по его окончании все гости разъехались по своим ставкам [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 40].

Пробыв в гостях еще неделю, Ф. Соймонов выехал в обратный путь, а Д. Ефремов оставался в гостях у Дондук-Омбо четыре дня. Его миссия в калмыцкие улусы была также связана с организацией калмыцкого войска для его отправки в крымский поход. Именно донской старшина и ханский сын Галдан-Норбо должны были возглавить объединенное калмыцко-донское войско и направиться в армию генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, которая в предстоящей кампании должна была действовать на крымском направлении.

Галдан-Норбо и Д. Ефремов вместе выехали в назначенное место, куда стекались из разных улусов калмыцкие отряды. Во главе этих отрядов были такие владельцы, как Бату, Бай, Лекбей и Лабан-Дондук (сын Четера). По словам калмыков, всего войска собиралось около 10 тыс. Однако спустя две недели, с Дона Д. Ефремов прислал гонца к Дондук-Омбо с уведомлением, что указанного количества калмыцкого войска не имеется. Хан срочно велел собрать и отправить в Черкасск дополнительное 5-тысячное войско [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 40, 41].

Очевидно, что наделение Дондук-Омбо ханским званием было напрямую связано с участием калмыков в русско-турецкой войне. Действия калмыцкого войска в предстоящей кампании концентрировались в двух направлениях — крымском и кубанском. Но существовала еще одно направление, откуда для калмыцких улусов постоянно исходила угроза нападения — это казахское. Переброска многочисленных сил калмыков на Кубань и в Крым значительно ослабило Калмыцкое ханство, и в начале 1738 г. оно подверглось крупному набегу 20-тысячной казахской конницы. Безопасность калмыцких улусов в годы русско-турецкой войны всегда стояла острым вопросом в русско-калмыцких отношениях.

Выводы

Как считает В. И. Колесник, в указе императрицы отражен государственный интерес, заключавшийся в том, чтобы на грани-

цах с исламским миром иметь надежного и сильного союзника, а не марионеточный режим [Колесник 2003: 128]. По мнению А. В. Цюрюмова, передача власти в руки Дондук-Омбо, безусловно, имела позитивное значение, поскольку он успешно восстановил традиционную административную систему ханства, произвел консолидацию улусов [Цюрюмов 2005: 153].

Однако этот политический курс не мог не вызвать возникновение новой оппозиции, в том числе и из тех, кто вчера его поддерживал. Отсутствие на церемонии провозглашения Дондук-Омбо в ханское достоинство большинства представителей старших владельцев хорошо показывает ситуацию, насколько пессимистично они восприняли это событие. Вспыхнувший мятеж старшего ханского сына Галдан-Норбо в 1738 г. стал тому ярким доказательством.

Внутриполитические процессы в ханстве напрямую зависели от отношений калмыцкой знати с Россией, а вмешательство российского правительства и местных органов власти в вопросы престолонаследия могли резко изменить ситуацию в обществе в ту или иную сторону. Пример Церен-Дондука и Дондук-Омбо, когда правительство стремилось консолидировать власть у калмыков в руках одного правителя, наделив его ханским званием, отчетливо показывает, насколько старшие калмыцкие владельцы ревностно относились к такому вмешательству и всячески старались этому воспротивиться.

Установление власти Дондук-Омбо в Калмыцком ханстве при содействии российского правительства, но без соответствующей грамоты от Далай-ламы VII, не обеспечивало поддержки большинства владельцев. Очевидно, что калмыцкая знать признавала наличие «ярлыка» на ханскую власть только от духовного лидера, нежели от российской императрицы. Это подтверждает и слова ханского посланца Джимбо-Джамцо: «... калмыцкие владельцы по совести своей Дондук-Омбо за действительного хана за тем, что ему того от Далай-ламы было не подтверждено, признать не могли» (цит.: [Курапов 2007: 168, 169]). Поэтому Дондук-Омбо сразу же после церемонии стал готовить к отправке свою посольскую миссию в Тибет.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия
- ПСЗРИ 1830а — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. IX. 1733–1736. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1016 с.
- ПСЗРИ 1830б — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. X. 1737–1739. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 990 с.

Sources

- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. IX. 1733–1736. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1016 p. (In Russ.)
- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. vol. X. 1737–1739. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 990 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Курапов 2007 — *Курапов А. А.* Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 248 с.
- Митилов 1998 — *Митилов А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

- Новолетов 1884 — *Новолетов М. Г.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 77 с.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династических междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Цюрюмов, Батыров 2006 — *Цюрюмов А. В., Батыров В. В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

References

- Bakunin V. M. [Description of the Kalmyk Peoples, and of them particularly the Torgout people, and Deeds of Their Khans and Landlords]. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Kolesnik V. I. [The Last Great Migration: the Resettlement of the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and Backward in the 17th and 18th Centuries]. Moscow: Vost. Lit., 2003. 288 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. [Buddhism and Political Power in the Kalmyk Khanate: 17th–18th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2007. 248 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. [Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations]. Elista: Kalm. Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Novoletov M. G. [Kalmyks: a Historical Essay]. St. Petersburg: V. Demakov, 1884. 77 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [The Kalmyk Khanate as Part of Russia: Problems of Political Relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [The Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds]. Elista: Dzhangar, 2005. 160 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V., Batyrov V. V. [The Kalmyk Khanate in Russian-Crimean relations: 18th Century]. Elista: Dzhangar, 2006. 95 p. (In Russ.)



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 634–644, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (47) 07 + 073 + 081 + 082 + 083

Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в.

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Тема участия и роли торгово-ремесленного населения в создании на землях Внутренней орды стационарных поселений не нашла достаточного отражения в отечественной историографии, хотя её изучение позволяет глубже познать многие процессы, происходившие в XIX в. на территории Западного Казахстана. С данной темой связаны вопросы формирования населения, российской политики на национальных окраинах, миграционная проблематика и др. *Главная цель статьи* — показать вклад торгово-ремесленного переселенческого населения в процесс создания первых стационарных поселений в казахских кочевьях междуречья Волги и Урала, в этой связи ставятся задачи: выявить причины появления торгово-ремесленного населения на территории Внутренней орды, определить его национальный, сословный и профессиональный состав, проанализировать отношение к переселенцам со стороны казахского населения и властей и последствия переселенческого движения для развития региона. *Результаты.* Автором выявлены причины появления торгово-ремесленного населения на землях буковских казахов, определены его национальный, сословный и профессиональный состав, проанализировано отношение к переселенцам со стороны местного населения и властей и последствия переселенческого движения для развития региона. Преобладание среди переселенцев людей, занимающихся торговлей и ремесленной деятельностью, автор объясняет непривлекательностью для земледельческого населения степных пространств между Волгой и Уралом, в массе своей непригодных из-за своих природных свойств и климата для успешного культивирования земледельческой отрасли. По этой причине созданные на землях Внутренней киргизской орды поселения по роду занятий их жителей носили ярко выраженный характер торгово-ремесленных. К благоприятным условиям следует отнести и то, что казахская знать и казахское общество в целом проявляли заинтересованность в развитии торговли, в связи с чем принимались меры стимулирующего характера для привлечения торговцев, и отсутствие у кочевников своего профессионального слоя торговцев, что исключало, во всяком случае, на первых порах конкуренцию между старожильческим и пришлым населением. Автор отмечает, что высшее российское руководство не проявляло большого интереса к землям буковских казахов, поскольку через них не проходили стратегически важные пути сообщения и ещё не были разведаны месторождения природных ископаемых, могущие быть использованными в промышленных целях. В XIX в. власти не стремились изменить уклад жизни буковских казахов, и потому не видели необходимости в осуществлении мер по пере-

воду их на оседлый образ жизни. По этой и другим причинам стационарных поселений было основано немного, а костяк их жителей составили переселенцы из других губерний. Среди основателей поселков преобладали торговцы-татары из Казанской губернии, которые были близки к казахам по языку и религии. Одним из важных следствий проникновения татар на территорию Внутренней киргизской орды стало усиление пропаганды ислама и укрепление его позиций среди казахского населения. **Выводы.** По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что торговцы-переселенцы сыграли главную роль в создании и развитии оседлых поселений в XIX в. на территории Внутренней киргизской орды. Появление их на землях букеевских казахов не было связано с целенаправленной политикой российского руководства и буржуазии, а вызвано благоприятными условиями, сложившимися в данном регионе для торговой деятельности в XIX в. Торговцы и ремесленники положили начало созданию стационарных поселений на землях букеевских казахов, способствовали развитию торговли и ремесел, приобщению кочевников к данным занятиям и к оседлому образу жизни.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Внутренняя киргизская орда, казахи, торгово-ремесленное население, переселения

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А-19-119011490038-5).

Для цитирования: Белоусов С. С. Роль торгово-ремесленного населения в создании стационарных поселений на землях казахов Внутренней киргизской орды Астраханской губернии. XIX в. *Oriental Studies*. 2019;(4):634–644. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644.

UDC 94 (47) 07 + 073 + 081 + 082 + 083

The Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Governorate: the Impact of Trades and Crafts People on the Establishment of Stationary Settlements in Kazakh-Inhabited Lands. 19th Century

Sergey S. Belousov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Abstract. Introduction. The impact and role of trades and crafts population in the establishment of stationary settlements throughout the Inner Kirghiz Horde remains understudied in domestic historiography though it might facilitate deeper insight into multiple processes that took place in western Kazakhstan in the 19th century. The topic is closely related to the issues of population formation, Russia's policy in national peripheries, migrations, etc. **Goals.** The article primarily aims to illustrate the participation of trades and crafts people in the establishment of earliest settlements in Kazakh nomadic territories of the Volga–Ural interfluvium, which includes a number of objectives, such as to specify the causes underlying the arrival of trades and crafts people in the lands of the Bukey Horde; examine their national, class and occupational characteristics; analyze the attitude of local inhabitants and authorities to the immigrants, and delineate some consequences of the migration for the development of the region. **Results.** The paper shows the fact those were predominantly trades and crafts people who settled there is explained by that due to certain natural and climate properties the steppe territories between the Volga and the Don rivers were by and large unsuitable for successful crop growing and, thus, unattractive for agricultural population. For this reason, the settlements established within the Inner Kirghiz Horde served — by the occupational profile of its inhabitants — as trade and handicraft centers. The favorable conditions included the interest of the Kazakh nobility and Kazakh community in the development of trade, which gave way to stimulating measures aiming to attract traders, and the absence of professional traders among the nomads as such that excluded — at least, in the early stage — competition between the natives and newcomers. The paper also notes that the Russian ruling circles showed no essential interest in the lands of the Bukey Kazakhs since those were not crossed by any strategically important routes, nor any deposits

of natural resources that could be used for industrial purposes had been discovered yet. In the 19th century, the authorities did not seek to change lifestyles of the Bukey Kazakhs, and therefore took no measures to sedentarize them. For this and other reasons, permanent settlements there were few enough, the bulk of their inhabitants being migrants from other provinces. The majority of those to have founded villages were Tatars from Kazan Governorate who were close to the Kazakhs both in terms of language and religion. An important consequence of the Tatars' penetration in the Inner Kirghiz Horde was the intensification of Islamic propaganda and strengthening of Islam's positions among the Kazakh population. *Conclusions.* The study concludes that migrant traders played a major role in the creation and development of the earliest 19th-century stationary settlements in the territory of the Inner Kyrgyz Horde. Their arrival was not associated with any special policy of the Russian Government and the bourgeoisie but resulted from favorable trade conditions that prevailed in the territory. Merchants and craftsmen gave rise to permanent settlements in the lands of the Bukey Kazakhs, facilitating further development of trade and crafts, familiarizing the nomads with the mentioned activities and sedentary life.

Keywords: Astrakhan Governorate, Inner Kirghiz Horde, Kazakhs, trades and crafts population, resettlement

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Belousov S. S. The Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Governorate: the Impact of Trades and Crafts People on the Establishment of Stationary Settlements in Kazakh-Inhabited Lands. 19th Century. *Oriental Studies*. 2019;(4):634–644. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-634-644.



Введение

В первые годы XIX столетия в степях междуречья Урала и Волги обосновался на постоянное жительство со своими подвластными казахский султан Букей, для которых была учреждена отдельная административно-территориальная единица в составе Астраханской губернии под названием Внутренняя киргизская орда. Казахи вели кочевой образ жизни и не имели своих стационарных поселений, поэтому их основателями в большинстве случаев стали представители других народов и сословий, переселившиеся на территорию Внутренней киргизской орды из других губерний. При этом следует отметить, что среди переселенцев доминировали торговцы и ремесленники, а сами поселения по роду занятий их жителей носили ярко выраженный характер торгово-ремесленных. Переселенцы привнесли в среду кочевников культуру оседлых поселений и сделали торгово-ремесленную деятельность одной из важнейших составляющих экономики Внутренней киргизской орды. На данное обстоятельство обратили внимание ещё дореволюционные исследователи Внутренней киргизской орды, среди которых наиболее подробные сведения

оставили И. С. Иванов [Иванов 2001а: 140–231], А. Евреинов [Евреинов 2001: 30–86], М. Я. Киттара [Киттара 2001: 5–38], Я. Альбрандт [Альбрандт 2001: 17–45], А. Поленов [Поленов 2001: 46–242].

В советский период большой вклад в разработку истории Внутренней киргизской орды внесли исследователи Б. А. Аспандияров [Аспандияров 2007] и С. З. Зиманов [Зиманов 1982], опубликовавшие по данной теме работы общего характера. Они и многие другие советские историки рассматривали переселенческое движение торговцев и ремесленников на земли Внутренней киргизской орды с позиций марксистско-ленинской теории, считая, что оно являлось инструментом сознательно проводившейся российским правительством политики по колониальному закабалению казахского населения и попыткой российской буржуазии утвердить своё господство на землях кочевников с целью превращения их в свой сырьевой придаток.

Советскими исследователями была проведена большая работа по изучению истории переселенческого движения в Казахстане и его отдельные регионы, однако по Внутренней киргизской орде специальных

работ написано так и не было. В 1980-е гг. вышли монографии историка Н. Е. Бекмахановой «Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в.» [Бекмаханова 1980] и «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. – 1917 г.)» [Бекмаханова 1986], посвящённые формированию населения указанных регионов в имперский период, однако материалов по Внутренней киргизской орде в них содержится очень мало.

Обзор научной литературы показывает, что в отечественной историографии не существует специальных работ по вопросу переселений торгово-ремесленного населения на земли Внутренней орды и его роли в создании стационарных поселений. Между тем изучение данного вопроса представляет большой научный интерес, поскольку даёт возможность глубже понять как процесс формирования населения Западного Казахстана, так и более объективно оценить политику российского государства на одной из бывших его национальных окраин. Исследование данной темы, безусловно, будет полезным и для историков, специализирующихся на изучении миграционных процессов в досоветский период, поскольку оно позволит более углублённо познать общие закономерности и особенности проявления их в отдельных регионах.

Цель данной статьи — показать вклад торгово-ремесленного переселенческого населения в процесс создания первых стационарных поселений в казахских кочевьях междуречья Волги и Урала, в этой связи ставятся задачи: выявить причины появления торгово-ремесленного населения на территории Внутренней орды, определить его национальный, сословный и профессиональный состав, проанализировать отношение к переселенцам со стороны казахского населения и властей и последствия переселенческого движения для развития региона.

Материалы

При написании статьи были использованы фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Астраханской области (ГА АО), в которых отложились документы органов государственной власти, в ведении которых находилась Внутренняя орда.

Ценными источниками также являются публиковавшиеся в ежегодных памятных книжках и иных сборниках Астраханского статистического комитета статистические материалы по населению, управлению и экономике Внутренней киргизской орды, статьи и заметки центральных губернских газет — «Астраханский листок» и «Астраханский вестник»; представляют интерес и публикации православного духовенства в журнале «Астраханские епархиальные ведомости», в котором священники делились личными впечатлениями о своих подопечных прихожанах и их взаимоотношениях с казахами и татарами-переселенцами.

Методологической базой исследования послужили историко-сравнительный и исторический методы, которые позволяют изучить процесс в динамике и в сравнительном аспекте.

Основная часть

До прихода казахов в первые годы XIX в. территория будущей Внутренней (Букеевской) киргизской орды не была затронута переселенческим движением и потому не имела стационарных поселений. Она не привлекала оседлое население, поскольку природные условия в ней в целом были неблагоприятными для проживания человека, не вызывала она большого интереса и у властей, так как находилась вне зоны пролегания путей сообщения стратегического значения и разработки месторождений природных ископаемых.

Возникновение во Внутренней киргизской орде первого стационарного поселения связано с именем его правителя — хана Джангира — находившегося у власти с 1823 по 1845 гг. В детстве будущий хан несколько лет провёл в доме Астраханского гражданского губернатора С. С. Андреевского, где усвоил некоторые стороны жизни русского дворянства. Осёдлый образ жизни понравился Джангиру, и, надо полагать, это обстоятельство повлияло на принятие им решения устроить себе резиденцию в стационарном поселении после того, как он вступил в управление Внутренней киргизской ордой.

В 1827 г. он исходатайствовал у российского руководства разрешение построить в степи, в 60 верстах от озера Эльтон, посёлок, который он задумал сделать административным центром Внутренней орды.

В 1828 г. в нём возвели первые постройки и присвоили название «Ханская Ставка» (ныне г. Урда в Казахстане). Примеру хана последовали некоторые султаны, начавшие вслед за ним переезжать на жительство в посёлок, однако, несмотря на это, население его росло медленно.

Ханская Ставка получила толчок своему развитию после того, как в 1832 г. хан Джангир добился у российских властей разрешения на организацию постоянной стационарной торговли в Ханской Ставке. Важно отметить, что своих профессиональных торговцев у букеевских казахов было незначительное число, поэтому данную профессиональную нишу у них восполняли в основном представители других народов: татары, русские, армяне и др. Первоначально они торговали с казахами из населённых пунктов, расположенных на границе казахских кочевий, но затем начали углубляться в степь, постепенно перенося свои торговые операции непосредственно на территорию Внутренней орды [Аспандияров 2007: 91]. В первой трети XIX в. получила развитие «развозная торговля», когда торговцы разъезжали по степи с целью продажи или обмена своих промышленных и продовольственных товаров, взамен они приобретали у кочевников скот и продукцию животноводства. Безопасные условия торговли, большие прибыли, которые приносила торговля, а также покровительство ей со стороны хана Джангира благоприятствовали притоку во Внутреннюю киргизскую орду всё большего числа торговцев, некоторые из которых начали подумывать о возможности закрепления в ней на постоянное жительство.

Большое значение для развития торговли имел факт постоянной поддержки её ханом Джангиром. Именно благодаря ему стало возможным проникновение, а затем и устройство на постоянное жительство торговцев и ремесленников неказахского происхождения. Вообще на торговлю хан Джангир возлагал особенные надежды, прежде всего в деле постепенного приобщения своих подвластных к оседлому образу жизни. В 1839 г. он просил Николая I разрешить основать из пожелавших перейти на оседлость казахов 10 выселков и учредить в каждом из них по две ярмарки в год. Эти поселения должны были составить «зародыш будущих торговых местечек», дав толчок

развитию торговли, и стать «постоянными точками правительственных распоряжений, а также пунктами для запасов в случае холода» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 1. Л. 181]. В них планировалось привлечь на жительство врачей, ветеринаров, открыть больницы и другие гражданские учреждения. Этот план, однако, воплощён в жизнь не был.

Способствуя развитию торговли, хан Джангир, безусловно, руководствовался и личной выгодой. Как уже отмечалось, в детстве он несколько лет воспитывался в доме астраханского гражданского губернатора и усвоил некоторые стороны повседневности русских дворян, в частности жизнь на широкую ногу. Роскошный образ жизни приводил к большим денежным тратам, поэтому хану было выгодно привлекать в свою ставку людей, которые могли помочь ему покрыть расходы.

Что касается российских властей, то они не препятствовали Джангиру в проводимой им торговой политике, поскольку она их вполне устраивала. Она не вела к осложнению общественно-политической и социально-экономической обстановки во Внутренней орде, поскольку не предполагала изъятия земель у кочевников: торговцам в силу специфики их рода деятельности не требовалось большого количества земли, а если земля и была нужна, то в малом количестве и только тем из них, которые занимались стационарной торговлей в Ханской Ставке. Одним словом, торгово-ремесленный контингент поселян вполне устраивал и хана, и российские власти, поскольку был малочисленным и не стеснял в земельном отношении кочевников-казахов, постоянно жаловавшихся на недостаток земель.

Необходимо также учитывать и то, что в XIX в. высшее российское руководство не строило планов относительно изменения образа жизни казахов и использования части земель Внутренней киргизской орды под заселение крестьян или для других государственных и местных нужд. 23 декабря 1852 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор В. П. Перовский писал министру государственных имуществ П. Д. Киселеву про букеевских казахов: «Земледельческим население это, по качеству занимаемой ими земель, сделаться не может, да нет в том и никакой нужды для государства, которому гораздо выгоднее,

чтобы киргизы навсегда оставались народом пастушеским» [История Букеевского ханства 2002: 818].

4 февраля 1828 г. в записке управляющему министерством иностранных дел К. В. Нессельроде сенатор Ф. И. Энгель отмечал необходимость продолжать развивать торговлю во Внутренней киргизской орде. Во время ревизии в 1827 г. он посетил урочища Ханская Ставка, Уялы и Чапчачи, выделенные специально под торговлю неместного населения с казахами. На него произвела впечатление сумма, вырученная в них от сбыта товаров, составившая в 1827 г. 2 000 000 руб., в связи с чем он заметил, что «Торговля сия важна и достойна особенного внимания и поощрения» [РГИА. Ф. 1291. ОП. 82. Д. 1. Л. 121–133об.].

Хан Джангир весьма успешно проводил политику сосредоточения торговой политики в своих руках. Он и лично разработал правила торговли, по которым он взял на себя обязательства выплачивать приезжим торговцам долги несостоятельных должников из числа своих подвластных [Евреинов 2001: 69], добился того, чтобы доходы с ярмарки в Ханской Ставке направлялись в его распоряжение, а после его смерти в 1845 г. — его наследникам, которые пользовались ими до 1863 г.; в этом году государство выкупило у них данное право, и ярмарочные доходы перешли в ведение коллективного органа управления Внутренней киргизской ордой — Временного совета [Иванов 2001в: 21]. В целях привлечения торговцев на постоянное место жительства в Ханской Ставке хан Джангир разрешил им брать бесплатно землю под строительство жилых и хозяйственных построек и распорядился продавать скот только оседлым жителям ставки и покупать товары только у них [Евреинов 2001: 45–46].

В 1832 г. правительство запретило приезжим вести разъездную торговлю среди казахов и тем самым вынудило их начать переход к стационарной торговле в отведённых для этих целей местах.

Меры стимулирующего характера, предпринятые ханом Джангиром в отношении торговли, способствовали увеличению числа пришлых торговцев и ремесленников в Ханской Ставке, которая в 1840-е гг., как пишет историк С. З. Зиманов, «превратилась в полном смысле слова в купече-

ское селение» [Зиманов 1982: 73]. В конце 1840-х гг. в ней постоянно проживали 69 казахов (37 муж. и 32 жен.), 99 казанских татар (51 муж. и 48 жен.), 83 русских (38 муж. и 35 жен.) и 4 армян (3 муж. и 1 жен.). Более половины казахского населения принадлежала к высшей знати, среди русских большинство составляли занимавшиеся торговлей купцы, мещане и крестьяне, и 10 человек служили чиновниками, для казанских татар и армян главным родом деятельности была торговля [Бларамберг 1848: 13]. Зимой и во время проводившихся ярмарок население Ханской Ставки увеличивалось до нескольких сотен человек.

В середине XIX в. во Внутренней киргизской орде постоянно находилось 1 000 астраханских и уральских казаков, которые несли службу в Ханской ставке, на Каспийской и Ахтубинской (астраханские казаки), Эльтонской и Новоузенской (уральские казаки) укрепленных линиях [Бекмаханова 1980: 127]. Большинство из них после отбытия смены, возвращались в родные станицы, но среди казаков имелась небольшая группа, постоянно проживавшая и занимавшаяся хозяйственной деятельностью на землях букеевских казахов.

Самой многочисленной среди этнических групп неказахского происхождения являлись татарская из Казанской губернии. По данным И. С. Иванова, помимо татар, постоянно проживавших в Ханской Ставке и на Глиняном форпосте, приблизительно 2 000 казанских татар вели разъездную торговлю с казахами [Иванов 2001б: 123]. Последние, будучи татарам родственными по языку и религии, испытывали к ним доверия больше, чем к представителям других народов, поэтому коммерческие дела у татарских торговцев шли довольно успешно [Имашева 2014: 127]. Так, в 1893 г. из 28 действовавших в п. Ханская Ставка гильдейских торговых предприятий 20 принадлежали татарам — выходцам из Среднего Поволжья, а в 1909 г. из 141 торговых заведений 74 являлись татарскими. В 1909 г. в п. Новая Казанка татары владели 53-мя торговыми предприятиями из 93-х [Имашева 2014: 127].

По утверждению современного исследователя М. М. Имашевой, «торговцы-татары, несмотря на активную коммерческую деятельность, приобретение ими недвижи-

мости в Орде, никогда окончательно не порывали связей с родиной, сохраняли национальный язык и обычаи» [Имашева 2014: 128]. Их дети учились только в татарских школах, они предпочитали заключать браки только с представителями своей этнической группы, молились в своих мечетях.

Татарские торговцы не только торговали, но и пропагандировали среди казахов ислам. Букеевские казахи до своего поселения в волго-уральских степях, хотя и исповедовали ислам, но знали его поверхностно, и влияние его на них было слабым. Татары-переселенцы способствовали укоренению ислама в казахской среде, причём большую помощь им в этом деле оказал хан Джангир. После его смерти в 1845 г. выяснилось, что правление Джангира было не столь полезным для России и казахов, как это виделось современниками при его жизни. Вскрылись множественные факты, злоупотребления властью со стороны хана и угнетения им своих подданных. «Но более всего нанесло вред России управление Джангера¹, — писал генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний В. А. Перовский в отношении от 23 декабря 1852 г. к министру государственных имуществ графу П. Д. Киселеву, — распространением в Орде магометанства, с которым дотоле масса киргизов была вовсе не знакома. Без существования в Орде хана Джангера слабая степень, в какой исламизм проник в класс султанов, могла бы совершенно изгладиться, и простой народ, не имевший никакой религии, тем доступнее оказывался бы к восприятию христианства» [История Букеевского ханства 2002: 814]. По его словам, «султанский класс в Орде успел он (т. е. Джангир) еще при жизни своей напитать враждебным всякому развитию мусульманским высокомерием...», а муллы стали «усердными распространителями нелепых слухов и первыми подстрекателями к неповиновению русской власти и русскому закону» [История Букеевского ханства 2002: 815].

На большую роль приезжих татар в исламизации казахского населения Внутренней киргизской орды указывал И. Сиротов, работавший в конце XIX – начале XX вв. в п. Новая Казанка учителем казахской школы министерства народного просвещения.

Он отмечал, что татары-торговцы активно распространяют среди казахов исламскую литературу, продают их в своих лавках и прямо на улице, заводят разговоры о религии во время торговли в своих лавках и в степи [Сиротов 1904: 208].

Активная пропаганда исламского вероучения велась в мусульманских школах, функционировавших в степи и в посёлках под различными названиями. Обучавшиеся в этих школах казахские дети, по утверждению И. Сиротова, «воспитывались в строгом духе ислама, в ненависти к христианству и вообще ко всему немусульманскому...» [Сиротов 1904: 210].

Мусульмане составляли большинство среди жителей поселков Внутренней киргизской орды, количество которых во второй половине XIX в. выросло до 3-х. Самым крупным среди них являлся административный центр Внутренней орды — Ханская Ставка. В первые годы XX в. в нём имелись 2 мечети, 1 православная церковь, 434 жилых и 467 нежилых построек, 162 торговые лавки и проживало 2 648 чел. (1 424 муж. и 1 274 жен.), в том числе 2 075 казахов и татар и 568 русских [Поездка астраханского губернатора 1904]. Казахи в основном торговали мясом, содержали харчевни и постоялые дворы, работали прислугой; татары торговали различными товарами; русские были задействованы на государственной службе и также занимались торговлей.

Во второй половине XIX в. торговцами были основаны во Внутренней киргизской орде два новых поселения: Новая Казанка и Таловка. Первый поселок возник в 1871 г. в 20 верстах от административной границы Астраханской губернии с Уральской областью, при ставке правителя Камыш-Самарской части Внутренней орды, напротив упразднённого форпоста уральских казаков — Глининского. Посёлок расположился в удобном географическом месте — на пересечении торговых путей, идущих с юго-востока из г. Гурьева на северо-запад, к г. Александров Гай Самарской губернии. Кроме того, через Новую Казанку проходила дорога, связывающая восточную часть Внутренней киргизской орды и земли уральских казаков с административным центром букеевских казахов — Ханской Ставкой [Поленов 2001: 155].

¹ Так в источнике.

Первыми жителями Новой Казанки были 32 семьи татар из Казанской губернии, торговавших на Глининском форпосте, располагавшемся напротив ставки правителя Камыш-Самарской части Внутренней киргизской орды. В 1871 г. форпост упразднили, и татары попросились перейти в ставку. Им разрешили, но без права пользования землёй и прописки. Вскоре к первопоселенцам стали присоединяться другие татары, а также казахи и русские. В 1886 г. Временный совет предоставил в пользование жителям Новой Казанки участок земли для выпаса молочного и рабочего скота, что улучшило условия существования поселенцев. К 1889 г. население Новой Казанки достигло 916 чел.; из них 485 чел. были татарами, 400 — киргизами и 31 — русскими [Иванов 2001а: 154]. Превращению поселения в заметный торговый пункт способствовал ряд обстоятельств: удобное расположение на пересечении торговых путей, многочисленность кочевавшего в округе казахского населения и близость к населённым пунктам уральских казаков, что повышало потребности населения района в торговом обслуживании.

Основным родом деятельности жителей п. Новая Казанка являлась торговля. В 1904 г. во время посещения посёлка астраханским губернатором Б. Л. Гронбчевским было отмечено, что «Жители Новой Казанки занимаются исключительно торговлей, которая находится главным образом в руках татар. В последнее время некоторые русские торговые фирмы стали открывать здесь свои филиальные отделения и, таким образом, положили начало упрочению русского торгового элемента» [Поездка астраханского губернатора 1904]. В поселке имелось 201 торгово-промышленное заведение с годовым оборотом в 737 000 руб., а годовые обороты по торговле скотом и продукцией животноводства достигали 332 000 тыс., по рыбе до — 80 000 руб. в год [Поездка астраханского губернатора 1904].

Казахское население посёлка самостоятельно торговые операции не вело, а выступало обычно посредником в сделках между татарами-торговцами и кочевавшими казахами. Недалеко от п. Новая Казанка находилось до 200 озёр, дававшие до 200 000 руб. валового дохода от улова рыбы, поэтому часть её жителей успешно занималась ры-

боловством [Поленов 2001: 157].

В первые годы XX столетия в п. Новая Казанка насчитывалось 281 жилых и 404 нежилых зданий, функционировали православная церковь и мечеть, 1 церковно-приходская, 1 русско-казахская, 2 казахских участковых школы и медресе, лечебница, проживали 1 916 чел. [Поездка астраханского губернатора 1904].

Третьим по численности населённым пунктом Внутренней киргизской орды являлся п. Таловка. После упразднения в 1871 г. форпоста уральских казаков Таловского на его месте с разрешения оренбургского генерал-губернатора остались торговавшие здесь до этого 5 семей татар. С 1875 г. в поселке начали селиться с торговыми целями татары и русские, а также казахи, большинство из которых освоили ремесленные специальности (плотничное, кузнечное, сапожное и др.), ставшие источником их существования [Поленов 2001: 158]. Русские появились в Таловке из соседней с Внутренней киргизской ордой Самарской губернии и являлись самой многочисленной этнической группой среди жителей поселка. В самом начале XX в. из 1 738 его жителей русскими были 737 чел., далее следовали казахи — 590 чел. и затем татары — 276 чел. В 1897 г. в Таловке были построены православная церковь и церковно-приходская школа, имелись также мечеть и при ней медресе, лечебница и русско-казахская школа [Поездка астраханского губернатора 1904].

Поселившиеся во Внутренней орде торговцы и ремесленники основали в ней первые стационарные поселения и придали новый импульс развитию торговли, что способствовало приобщению к торговой и ремесленной деятельности казахов и, как следствие, переходу части их к оседлому образу жизни. Под влиянием торгово-ремесленной деятельности пришлого населения у казахов произошли изменения в социально-профессиональной структуре, в частности появился слой торговцев и ремесленников. Большинство из них порвали с кочевой жизнью и поселились в трёх упомянутых ранее поселках, или сами основали новые населённые пункты. Казахи-торговцы, например, полностью заселили п. Джамбай, выстроив в нём для стационарной торговли несколько лавок. Они также

вдохнули жизнь в заброшенный п. Чапчачи, пришедший в упадок после закрытия соляного промысла. На рубеже XIX–XX вв. в нём проживало около 100 душ казахов и татар, которые занимались только торговлей, при этом преимущественно стационарной [Поленов 2001: 158].

Несмотря на своё успешное развитие, торгово-ремесленные поселения во Внутренней орде не имели органов управления, а большинство их жителей — прописки.

Поселковцы считались временно пребывающим в орде населением, хотя многие из них здесь родились и выросли, со всеми вытекающими отсюда ограничениями в правах. Им запрещалось предоставлять в пользование или в собственность земли, не разрешалось заниматься скотоводством и земледелием; за неисполнение установленных для них государством правил проживания во Внутренней киргизской орде власти могли их выселить из неё. Переселенцам удалось добиться только разрешения на право пользования небольшими участками земли возле поселков для содержания своего молочного и рабочего скота, необходимого для собственного пропитания и перевозки товаров.

В конце XIX в. власти приняли меры к упорядочению торговли в поселках, обложив её пошлиной, до этого она велась на основе ярмарочного права: налог уплачивался только за ярмарочные продажи. Во второй половине XIX в. известный исследователь истории и социально-экономической жизни посёлков И. С. Иванов отмечал хорошие перспективы их дальнейшего развития, но для этого, считал он, необходимо было ввести в поселках соответствующее общественное управление [Иванов 2001a: 155].

Выводы

В XIX в. территория Внутренней киргизской орды не подвергалась сколь-нибудь значительному заселению со стороны оседлого населения из других губерний. Этому препятствовали как правовой статус казахских земель, которые по закону считались пожалованными императором Александром I в исключительное пользование букеевским казахам, так и тяжёлые природные условия, неблагоприятные для существования стационарных поселений и вообще для проживания человека. Не проявляло особого интереса к землям букеевских казахов и государство, поскольку через них не прохо-

дили стратегически важные пути сообщения и ещё не были разведаны месторождения природных ископаемых, могущие быть использованными в промышленных целях. Не привлекали эти земли и крестьян, так как основная их часть была малопригодна или вообще непригодна к земледельческому освоению.

Перечисленные выше факторы не способствовали сколь-нибудь значительному развитию процесса переселений на земли Внутренней киргизской орды. В XIX в. на её территории возникло всего лишь 3 небольших по размерам населённых пункта, самым крупным среди которых являлся п. Ханская Ставка. Решающую роль в их создании сыграли торговцы, при этом важно отметить, что их появление и устройство на казахских землях стало возможным благодаря покровительственной торговой политике со стороны местной знати и властей.

Что касается государства, то оно не поощряло переселения торговцев и ремесленников на земли букеевских казахов, но в то же время и не препятствовало им. Иногородних торговцев привлекали во Внутреннюю киргизскую орду возможность получить большие прибыли от своей профессиональной деятельности, поддержка торговли высшим слоем казахской знати, отсутствие конкуренции со стороны местного населения в данном занятии. Последнее обстоятельство, а также близость языка и общая конфессиональная принадлежность к исламу способствовали занятию господствующего положения в сфере торговли татарскими переселенцами. Татары не только активно торговали, но и активно пропагандировали ислам, что привело к укреплению его позиций у казахов.

Торговцы и ремесленники фактически положили начало созданию стационарных поселений на землях букеевских казахов, способствовали развитию торговли и ремесел, приобщению кочевников к данным занятиям и к оседлому образу жизни. Документы свидетельствуют, что проникновение торговцев на территорию казахов Внутренней киргизской орды было обусловлено не целенаправленной политикой российского правительства и буржуазии с целью колониального порабощения казахского народа, как это утверждали марксистские историки и продолжают считать

некоторые казахские историки, а вызвано благоприятными обстоятельствами для

торговой деятельности, сложившимися в данном регионе в XIX в.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

State Archive of Astrakhan Oblast.

Russian State Historical Archive.

Литература

Альбрандт 2001 — *Альбрандт Я.* Букеевская Киргизская орда // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 4 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 17–45.

Аспандияров 2007 — *Аспандияров Б. А.* Образование Букеевской Орды и её ликвидация. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2007. 395 с.

Бекмаханова 1986 — *Бекмаханова Н. Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 246 с.

Бекмаханова 1980 — *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 279 с.

Бларамберг 1848 — *Бларамберг И. Ф.* Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб.: Изд-во Военного министерства, 1848. 193 с.

Евреинев 2001 — *Евреинев А.* Внутренняя или Киргиз-Казачья орда // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 4 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 30–86.

Зиманов 1982 — *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.

Иванов 2001a — *Иванов И. С.* Внутренняя Киргизская Орда (Краткий статистический очерк) // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 2 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 140–231.

Иванов 2001b — *Иванов И. С.* Хан Джангер, хан Внутренней Киргизской Орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 2 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 5–139.

Иванов 2001в — *Иванов И. С.* Краткие сведения о ярмарке во Внутренней Киргизской орде // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 4 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 20–28.

Имашева 2014 — *Имашева М. М.* Торгово-предпринимательская и общественная деятельность татар во Внутренней киргизской орде Астраханской губернии (конец XIX – XX вв.) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 126–130.

История Букеевского ханства 2002 — История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сб. док-тов и мат-лов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.

Киттара 2001 — *Киттара М. Я.* Ставка хана Внутренней Киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 3 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 5–38.

Поездка астраханского губернатора 1904 — Поездка астраханского губернатора генерал-майора Б. Л. Гронбчевского во Внутреннюю Киргизскую Орду // Астраханский вестник. 1904. 21 мая.

Поленов 2001 — *Поленов А.* Пути торгово-промышленного движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностях // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 6 / науч. ред. М. Кулькенов. Алматы: Олке, 2001. С. 46–242.

Сиротов 1904 — *Сиротов И.* Мусульманская пропаганда среди киргизов Букеевской Орды // Астраханские епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 208–211.

Reference

[A History of the Bukey Khanate: 1801–1852]. Coll. documents and materials. B. T. Ganeev et al. (eds.). Almaty: Dayk-Press, 2002. 1120 p. (In Russ.)

A journey of the Astrakhan Governor General B. L. Grombchevsky to the Inner Kirghiz Horde. *Astrakhanskiy vestnik*. 1904, May 21. (In Russ.)

Albrandt J. The Bukey Horde of Kirghizes. In: [200 Years of the Bukey Horde]. Book 4. M. Kulkenov (ed.). Almaty: Olke, 2001. Pp. 17–45. (In Russ.)

Aspandiarov S. A. [The Bukey Horde: Establishment and Annexation]. Almaty: Qazaq Entsiklopediasy, 2007. 395 p. (In Russ.)

Bekmakhanova N. E. [Formation of the Multi-national Population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan: mid-1770s to 1860s]. Moscow: Nauka, 1980. 279 p. (In Russ.)

- Bekmakhanova N. E. [The Multinational Population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the Capitalist Era: 1860s to 1917]. Moscow: Nauka, 1986. 246 p. (In Russ.)
- Blaramberg I. F. [Kirghiz-Kaisak Lands of the Inner (Bukey) and Trans-Ural (Minor) Hordes of Orenburg Department: a Military Statistical Review]. St. Petersburg: Ministry of War of the Russian Empire, 1848. 193 p. (In Russ.)
- Evreinov A. The Inner, or Kirghiz-Kaisak, Horde. In: [200 Years of the Bukey Horde]. Book 4. M. Kulkenov (ed.). Almaty: Olke, 2001. Pp. 30–86. (In Russ.)
- Imasheva M. M. Trading, entrepreneurial and social activities of Tatars in the Inner Kirghiz Horde of Astrakhan Province (late 19th – 20th centuries). *Vector of Science of Togliatti State University*. 2014. No. 4 (30). Pp. 126–130. (In Russ.)
- Ivanov I. S. The Inner Kirghiz Horde: a brief statistical survey. In: [200 Years of the Bukey Horde]. Book 4. M. Kulkenov (ed.). Almaty: Olke, 2001. Pp. 140–231. (In Russ.)
- Ivanov I. S. An overview of the trade fair in the Inner Kirghiz Horde. In: [200 Years of the Bukey Horde]. Book 4. M. Kulkenov (ed.). Almaty: Olke, 2001. Pp. 20–28. (In Russ.)
- Ivanov I. S. Zhangir Khan – the ruler of the Inner Kirghiz Horde. In: [200 Years of the Bukey Horde]. Book 4. M. Kulkenov (ed.). Almaty: Olke, 2001. Pp. 51–39. (In Russ.)
- Kittara M. Ya. The Inner Kirghiz Horde: Headquarters of the Khan. In: [200 Years of the Bukey Horde]. Book 4. M. Kulkenov (ed.). Almaty: Olke, 2001. Pp. 5–38. (In Russ.)
- Polenov A. Trade routes in the Bukey Horde and adjacent territories. In: [200 Years of the Bukey Horde]. Book 4. M. Kulkenov (ed.). Almaty: Olke, 2001. Pp. 46–242. (In Russ.)
- Sirotov I. Muslim propaganda among the Kirghizes of the Bukey Horde. *Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1904. No. 5. Pp. 208–211. (In Russ.)
- Zimanov S. Z. [Russia and the Bukey Khanate]. Alma-Ata: Nauka, 1982. 171 p. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 4, pp. 645–660, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-645-660
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94.1/9(571.52):711+628.4

Социально-бытовые условия жизни населения г. Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961)

Зоя Юрьевна Доржу¹, Регина Олеговна Ширан²

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0002-6409-3248. E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

² Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

старший преподаватель

ORCID: 0000-0002-6060-2308. E-mail: reggylook@gmail.com

Аннотация. *Введение.* В настоящее время особую актуальность приобретают исследования различных сторон повседневной жизни людей, в том числе в период коренных преобразований. Для тувинского народа одним из самых важных событий, повлекшим изменения во всех сферах жизни, стало добровольное вхождение Тувы в состав СССР в октябре 1944 г. на правах автономной области. Эпицентром новой жизни стала столица — г. Кызыл. *Цель* данной статьи заключается в исследовании социально-бытовых условий жизни населения г. Кызыла в первое десятилетие после вхождения Тувы в состав СССР (середина 1940-х — начало 1960-х гг.). *Материалы и методы.* Научная ценность статьи заключается в том, что это первая попытка характеристики социально-бытовых условий, динамики качества жизни населения г. Кызыла с помощью привлечения разноплановых исторических источников. Материалы устной истории, периодическая печать, архивные документы, визуальные источники позволили наиболее детально и объективно отразить основные тенденции развития жилищного вопроса, охарактеризовать степень развитости благоустройства и санитарно-гигиенического состояния города, развития жилищно-коммунальных услуг. *Результаты исследования* показывают, что период середины 1940-х — начала 1960-х гг. стал временем кардинальных изменений в бытовой повседневности кызылчан. О позитивной динамике в решении жилищного вопроса говорит тот факт, что постепенно одноэтажные деревянные дома без крыш были заменены благоустроенными многоэтажными застройками. Улучшения наблюдались в коммунально-бытовом обслуживании населения, благоустройстве городской среды, поддержании санитарно-гигиенического состояния города. Среди основных проблем отметим хаотичную самовольную застройку города жилыми домами, частые наводнения и паводки, отсутствие зелени, несвоевременное сооружение водопроводной сети и канализации. *Выводы.* Анализ социально-бытовых условий жизни населения г. Кызыла в первое десятилетие после вхождения Тувы в состав СССР показал, что, несмотря на ряд проблем, городское пространство изменилось в позитивную сторону. Это было результатом не только действий со стороны власти, но и активного участия простых обывателей.

Ключевые слова: Кызыл, быт, жилищный вопрос, благоустройство, коммунально-бытовое обслуживание, санитарное состояние, водопровод, наводнение, повседневная жизнь

Благодарность. Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-39-00074 мол_а «Исследование региональной модели урбанизационного развития Южной Сибири в 1945–2017 гг.»

Для цитирования: Доржу З. Ю., Ширап Р. О. Социально-бытовые условия жизни населения г. Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961). *Oriental Studies*. 2019; (4): 645–660 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-645-660.

UDC 94.1/.9(571.52):711+628.4

Kyzyl — the Capital of Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961): Social and Living Conditions of the Population

Zoya Yu. Dorzhu¹, Regina O. Shirap²

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000 Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

ORCID: 0000-0002-6409-3248. E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru

² Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000 Russian Federation)

Senior Lecturer

ORCID: 0000-0002-6060-2308. E-mail reggylook@gmail.com

Abstract. Introduction. In recent decades, studies of urban everyday life in the period of global changes have become particularly relevant in Russian historical science. Tuva's voluntary annexation to the USSR in October 1944 and its obtaining of the status of an *autonomous oblast* proved a most important event and led to changes in all spheres of the Tuvan people's life. Being the capital, Kyzyl becomes the epicenter of new life. *The goal* of this article is to examine social and living conditions of Kyzyl's population during the first decade after Tuva joined the USSR (mid-1940s – early 1960s). *Materials and methods.* The scientific value of the article consists in that this is the first attempt to characterize social and living conditions, dynamics of the quality of life of Kyzyl's population as evidenced by diverse historical sources. The oral history materials, print periodicals, archival documents, and visual sources make it possible to scrutinize and essentially describe main trends in the development of the housing problem, to characterize the degree of development of urban amenities and sanitary/hygienic conditions, as well as the development of housing and communal services. *The results* of the investigation show that the period between the mid 1940s and early 1960s was a time of radical changes in everyday life of Kyzyl residents. The positive dynamics in solving the housing problem is evidenced by the fact that gradually one-storey wooden houses without roofs were replaced by comfortable multi-storey buildings. Improvements were also observed in public services, as well as improvements in the urban environment, maintenance of the city's sanitary/hygienic conditions. The key problems included the chaotic unauthorized development of the city by residential buildings, frequent floods, the absence of greenery, and the delayed construction of plumbing network and sewage systems. *Conclusions.* The analysis of the social and living conditions of Kyzyl's population in the first decade after Tuva became part of the USSR shows that, despite problems, the urban space had changed positively, which resulted not only from activities of the authorities but also from wide initiatives of townspeople.

Keywords: Kyzyl, life, housing issue, improvement, public utilities, sanitary conditions, water supply, flood, everyday life

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-39-00074 мол_а 'Study of the Regional Model of the Urban Development of Southern Siberia in 1945 – 2017'.

For citation: Dorzhu Z. Yu., Shirap R. O. Kyzyl — the Capital of Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961): Social and Living Conditions of the Population. *Oriental Studies*. 2019; (4): 645–660. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-645-660.



Введение

Одним из основных показателей развития общества, уровня его материального благосостояния и качества жизни являются социально-бытовые условия. В рамках нашего исследования к социально-бытовым условиям мы относим жилищные условия, степень благоустройства, санитарно-гигиеническое состояние города, коммунально-бытовое обслуживание населения [Дегиль 2012: 135]. Целью данного исследования является анализ социально-бытовых условий жизни населения г. Кызыла в первое десятилетие после вхождения Тувы в состав СССР. Достижению цели способствует анализ жилищных условий, развития городской инфраструктуры, степени благоустроенности и уровня материального благосостояния населения.

Актуальность в последние десятилетия приобрели так называемые «новые области исторической науки», среди которых особое место занимает история повседневности. Объектом исследования историков повседневности является жизнь обывателя в контексте его каждодневных проблем, таких как жилье, питание, бытовые условия, досуг, морально-нравственные установки, ментальная составляющая. Особый интерес историков повседневности вызывает изучение повседневной жизни в период кардинальных перемен, который чаще всего связан с изменениями геополитических реалий. Обращение к истории «снизу» позволяет совершенно под другим углом взглянуть на глобальные исторические процессы, рассмотреть их через жизнь простых обывателей, конкретных ситуаций. Таким образом, сложно переоценить важность исследований повседневной жизни населения для современной исторической урбанистики [Ширап 2018: 165].

С добровольным вступлением Тувинской Народной Республики (1921–1944) в состав Советского Союза в октябре 1944 г. в жизни тувинского общества произошли коренные изменения. После 23-летнего самостоятельного существования ТНР была принята в состав Советского Союза на правах

автономной области, и практически сразу советское руководство приняло ряд важных постановлений для улучшения жизни местного населения. Центром новой жизни, перемен стала столица Тувинской автономной области — г. Кызыл. Именно туда стекалось большинство советских специалистов, призванных изменить отстававшую в социально-экономическом и культурном отношении Туву. Включение в семью советского народа предполагало приобщение тувинцев к новым ценностям и идеалам советского образа жизни. Власть в свою очередь стремилась всяческим образом убедить тувинское общество в правильности выбора социалистического пути. Подтверждением тому должны были стать социально-экономические преобразования, которые повлекли за собой повышение качества жизни, рост материального благосостояния и условий быта населения молодой советской области. Актуальность темы обуславливается и тем, что на сегодняшний день нет ни одного исследования, где бы осмысливался первый опыт реформирования советской власти в Туве и обобщались реалии жизни населения столицы Тувинской автономной области в период ломки традиционных устоев.

Материалы и методы. Наиболее полное исследование повседневности и особенностей социально-бытовых условий жизни населения молодой советской области стало возможно после привлечения ряда разносторонних исторических источников. Для того чтобы сформировать более четкое представление об источниковой базе исследования, авторы разделили исторические источники на пять групп. Первая состоит из документов Государственного архива Республики Тыва (ГА РТ), Центра архивных документов партий и общественных организаций (ЦАДПОО ГАРТ). К источникам первой группы также относятся решения по различным вопросам Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся областного [ГА РТ. Ф. 264] и городского уровней [ГА РТ. Ф. 3], протоколы заседаний бюро и пленумов городского комитета ВКП(б) [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9].

О состоянии социально-экономического развития области и г. Кызыла на момент вхождения Тувы в состав СССР можно судить по данным, приведенным в «Паспорте Тувинской автономной области» [ЦАД-ПОО ГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9]. Ко второй группе источников мы отнесли статистические материалы, которые помогли сформировать целостную картину о социально-демографической ситуации, жилищном вопросе, коммунально-бытовом обслуживании населения. Материалы статистического характера взяты из сборника «Народное хозяйство Тувинской АССР: статистический сборник», который вышел в свет в 1967 г. [Народное хозяйство 1967].

Третью группу источников составили материалы местной периодической печати, которая на протяжении рассматриваемого периода 1940–1950-х гг. являлась важным инструментом взаимодействия общественности и власти. В основном были проанализированы материалы газеты «Тувинская правда».

Материалы так называемой устной истории также были привлечены в качестве исторического источника. Интервью и беседы со старожилами города, их воспоминания помогли оживить наше исследование. С помощью устных источников удалось рассмотреть нашу тему не только с позиции власти, но и с позиции непосредственных свидетелей и участников перемен.

Пятая группа исторических источников представлена фотодокументами, которые хранятся в фондах Национального музея Республики Тыва [ФФ НМ РТ]. Привлечение визуальных источников позволило наиболее полно отразить состояние городской инфраструктуры, выявить основные проблемы городского хозяйства.

Анализ исторических источников, охватывающих самые разные стороны жизни населения, проведен с использованием специальных исторических методов. Сравнительно-исторический метод позволил нам сравнить темпы жилищного строительства, степень благоустройства, развития городской инфраструктуры, уровень благосостояния населения в рассматриваемый период. Метод статистического анализа использовался для исследования материалов статистических сборников. Методы социологического исследования (опрос, интервью)

применялись при сборе материалов устной истории.

Историография вопроса. Первые упоминания о Кызыле оставили путешественники, посетившие город в 1910–1930-е гг. Следует начать с воспоминаний супругов Минцловых. Они были направлены в Урянхайский край по заданию Главного управления землеустройства и земледелия в 1914 г. с целью описания края. К моменту приезда Ксении Дмитриевны и Сергея Рудольфовича строительство города только начинало разворачиваться: «Белоцарск (прежнее название Кызыла. — *Авт.*) разбит только еще на бумаге; глазам представилась громадная песчаная равнина, поросшая кое-где колючим караганником. Вдали виднелись два–три сарая, несколько начатых постройкой домов <...> нам любезно сообщили, что готовы только два амбара, доверху заваленные товаром, да глиняная мазанка, занятая канцелярией, в которой ютилось несколько служащих» [Минцлова, Минцлов 1915: 54].

История города фрагментарно была отражена в трудах следующих путешественников, прежде всего — в работе русского географа и исследователя Средней и Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» [Грумм-Гржимайло 1930: 554]. Австрийский ученый Отто Менхен-Хелфен сравнил Кызыл конца 1920-х гг. с захудалой русской деревней [Менхен-Хелфен 2007: 248].

Под пристальное внимание историков Кызыл впервые попал лишь в середине XX в., тогда в честь его 50-летия вышла в свет коллективная монография В. Ч. Очур, В. И. Ровнова, Н. А. Сердобова, С. Ч. Урокова и В. А. Харламова «Кызыл — столица Советской Тувы (1914–1964)» [Ровнов и др. 1964]. В пяти главах монографии отражение получила история города с момента его основания в 1914 г. до 1964 г. Самой объемной (60 стр. из 127) стала глава, посвященная советскому периоду. Авторы, дав положительную оценку всем процессам, происходившим в Туве после вхождения в состав СССР, демонстрируя успехи советской власти в Кызыле, не смогли объективно выявить проблемы и трудности, с которыми столкнулись жители города и местные власти.

Далее к истории Кызыла исследователи обращались в связи с празднованием юби-

лейных дат — речь идет о статьях «История создания города в Центре Азии. К 95-летию Белоцарска — Урянхайска — Красного — Кызыла» [Бондаренко 2009] и «Из истории столицы Республики Тыва Кызыла» [Доржу 2015]. Попытки изучения отдельных сторон повседневной жизни г. Кызыла были предприняты авторами данного исследования [Ширап 2016; Доржу, Ширап 2016; Доржу, Ширап 2018].

Основная часть

Общая характеристика Тувинской автономной области и г. Кызыла. 11 октября 1944 г. на заседании Президиума Верховного Совета под председательством М. И. Калинина руководитель Тувинской Народной Республики (ТНР) С. Тока зачитал декларацию о желании тувинцев войти в состав СССР. После непродолжительного обсуждения было принято решение об удовлетворении просьбы тувинского народа и принятии ТНР в состав СССР на правах автономной области [История Тувы 2007: 394]. По мнению историков, акт добровольного вхождения Тувы в состав СССР стал закономерным результатом сближения двух народов и обеспечил тувинцам возможность наиболее быстрого поступательного развития [Доржу 2012].

Для наиболее четкого представления о состоянии Тувы на момент вхождения в состав СССР обратимся к паспорту Тувинской автономной области, который был составлен в октябре 1944 г. Согласно данному документу, территория области составляла 192 тыс. км², в Туве насчитывалось 5 городов — Кызыл, Ак-Довурак, Чадан, Шагнар и Туран. На 1 января 1944 г. в области проживало 95 тыс. человек, население столицы — г. Кызыла — составляло 6 тыс. человек [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 1].

Рассматривать Кызыл как типичный областной центр не представляется возможным, поскольку тувинцы все еще сохраняли традиционные формы хозяйства в виде кочевого скотоводства и не отводили должного внимания обустройству города. Иностранцы, посещавшие г. Кызыл на протяжении 1920–1930-х гг., описывали столицу независимого государства как «захудалую русскую деревню» [Менхен-Хелфен 2007: 248]. Так, В. Мачавариани — представитель (грузинского происхождения) молодежной

секции Коммунистического интернационала, который прибыл в Туву в 1928 г. для осуществления специального политического задания, писал: «Мы въехали на главную улицу — проспект имени Ленина. Кызыл продолжал оставаться деревушкой с маленькими домишками <...> Ничто не говорило, что я за границей, в Туве. Все было обыденно, как в любом русском захолустном сельце. Кругом одноэтажные хатки. Ни ресторана, ни столовой...» [Мачавариани, Третьяков 1931: 50].

Жилищные условия. Жилищный вопрос сохранял особую остроту на протяжении всего рассматриваемого периода. Кызылчане в основном проживали в одноэтажных деревянных домах, в которых часто отсутствовали крыши. Жительница Кызыла Р. И. Биче-оол считала, что в условиях нехватки строительного леса сооружение крыш горожанами воспринималось как роскошь. Согласно данным паспорта Тувинской автономной области, в октябре 1944 г. в Кызыле насчитывалось всего 730 жилых домов [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 28]. Об остроте и насущности жилищного вопроса также свидетельствовало то, что это становилось предметом неоднократного обсуждения со стороны как властей, так и горожан. В марте 1945 г. было принято решение Исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся о нормах снабжения продуктами рабочих строителей г. Кызыла. Такие действия властей были обусловлены тем, что необходимо было улучшить быт рабочих строительного треста в целях закрепления постоянных кадров в этой сфере [ГА РТ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 19. Л. 97–98]. Строителям с 1 апреля 1945 г. ежедневно полагались 800 г хлеба, 100 г мяса, 100 г крупы, 30 г сахара. Кроме того, строителям ежемесячно выделялось по 100 г мыла и 200 г табака [ГА РТ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 19. Л. 97–98]. Проблемы строительства города затруднялись скудным материально-техническим обеспечением основной строительной организации — Стройтреста. В отчетном докладе Кызылского городского комитета ВКП(б) за 1945 г. указывалось, что в тресте отсутствовал транспорт, строительные работы применялись с помощью лошадей и телег [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 53–55]. Сказывалось так-

же быстрое увеличение численности населения: если на 1 января 1945 г. в городе проживало около 6 500 человек, то в ноябре 1945 г. эта цифра увеличилась на 43 % до 9 300 человек [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 53]. Таким образом, для ускорения темпов строительства необходима была механизация процессов производства, строительство кирпичного и известкового заводов.

Жилищный вопрос оставался острым и на протяжении последующих лет. Так, в 1946 г. отмечалось, что на одного человека в Кызыле приходилось 2,4 м² жилой площади. При этом стройтрест к началу 1947 г. не сдал ни одного метра полностью законченного жилья [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 77]. Кроме неудовлетворительной работы руководителей Стройтреста, городским властям приходилось бороться с самовольными застройщиками. Однако здесь налицо было противоречие. С одной стороны, именно силами индивидуальных застройщиков росла жилая площадь города. С другой — возводимые в таком порядке дома часто не отвечали элементарным представлениям о благоустройстве: отсутствовали крыши, не было ворот, палисадов и т. д. В борьбе с беспорядочной застройкой г. Кызыла в 1946 г. предполагалось отводить участки для индивидуального жилищного строительства только по решению Кызылского горисполкома в соответствующих кварталах города согласно эскизам генерального плана [ГА РТ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 37. Л. 47–48]. Тем не менее провозглашенные решения часто игнорировались горожанами. Это способствовало актуализации проблемы самовольной застройки в Кызыле на протяжении второй половины 1940–1950-х гг.

Интересна статья начальника по делам архитектуры г. Кызыла В. Харламова «Кызыл завтра», которая вышла в августе 1947 г. [Харламов 1947: 3]. Особая ценность данной статьи заключается в том, что в ней не только содержался подробный план застройки города, рассчитанный до 1950 г., но и указывались конкретные ошибки предыдущих застройщиков Кызыла. Так, по мнению В. Харламова, грубой ошибкой первых строителей стала закладка города на бывшей пойме реки, что каждую весну прово-

дировало опасность наводнений. Поэтому основной задачей городских властей и общественности было скорейшее сооружение дамбы протяженностью 2 км. Дальнейшее развитие города во многом определялось характером горной реки. Большой урон от наводнений приходился на западную часть. Скалистый и неплодотворный грунт не позволял в полной мере развернуть жилое строительство на юге Кызыла. Кроме того, расширение города на правый берег Енисея также было невозможно из-за отсутствия моста. Таким образом, в перспективе Кызыл мог расти только в восточном направлении, а промышленность должна была развиваться в южной части города. Такое развитие Кызыла соответствовало утвержденной в 1946 г. Областным исполнительным комитетом схеме генеральной планировки г. Кызыла [Харламов 1947: 3].

В июне 1950 г. в область прибыла группа архитекторов, экономистов, климатологов, почвоведов из Московского государственного института проектирования городов во главе с архитектором В. П. Кувырдиным. Цель их визита в Тувинскую автономную область заключалась в составлении нового генерального плана Кызыла [В Кызыл прибыла 1950], который первоначально предусматривал рост населения города до 35 тыс. человек с размещением предприятий легкой, пищевой, деревообрабатывающей и строительной промышленности. Практически сразу после сообщения о визите московских проектировщиков и архитекторов в г. Кызыл на страницах газеты «Тувинская правда» появилась статья начальника областного отдела по делам архитектуры В. Харламова «Будущий город» [Харламов 1950: 3]. По словам В. Харламова, Енисей по-прежнему доставлял неудобства жителям столицы во время весенней распутицы. Актуальным оставался вопрос сооружения дамбы. Как и в 1947 г., жилой сектор планировалось развивать в восточном направлении. Территория, которая была отведена под промышленную зону, оставалась на юге города. Она была отделена от жилого сектора земельным массивом, создаваемым на заболоченной части [Харламов 1950: 3].

В середине 1950-х гг. по-прежнему население г. Кызыла было плохо обеспечено

жилым. По данным архивных источников, в 1956 г. на одного жителя столицы приходилось всего 2,8 м² жилой площади [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 69. Л. 194]. Медленно шло освоение средств на строительство жилья, строительные организации также не справлялись со своевременной сдачей жилья.

Увеличения темпов строительства предполагалось достичь стимулированием индивидуальных застройщиков через оформление ссуд. Средства на индивидуальное жилищное строительство люди могли получить через организации, в которых они были трудоустроены. Однако и это не приносило желаемого эффекта. Так, за первое полугодие 1956 г. из 900 тыс. руб., отпущенных на индивидуальное строительство, было затребовано только 350 тыс. руб. [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 69. Л. 196]. На наш взгляд, такая ситуация была обусловлена недостаточной разъяснительной работой среди населения о возможности строительства собственного жилья с использованием государственной поддержки. Отметим, что индивидуальное строительство по своим темпам было значительно выше государственного. В городе насчитывалось 48 тыс. м² жилой площади, которая принадлежала индивидуальным застройщикам, и только 18 тыс. м² (27 %) приходилось на долю Кызылского городского отдела коммунального хозяйства [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 69. Л. 196]. Самовольные застройщики вносили хаос в архитектурный облик города. В июле 1956 г. в Кызыле насчитывалось 413 самовольных застройщиков, 953 жилых дома не имели крыш, абсолютное большинство не было благоустроено, не имело палисадников и оград [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 69. Л. 197–198].

Жилые дома областной столицы были представлены одноэтажными деревянными домами с печным отоплением и отсутствием канализации и водопровода. Первый каменный двухэтажный жилой дом был построен в 1949 г. Первый 16-квартирный трехэтажный жилой дом с центральным отоплением и местной канализацией был построен только в 1956 г. в самом центре города по ул. Ленина. Таким образом, 1956 г. можно считать началом строительства в Кызыле капитальных жилых домов с благоустроенными кварталами.

На основе воспоминаний жителей г. Кызыла удалось воссоздать наиболее ти-

пичный интерьер однокомнатного дома. В центре располагалась печь, направо от двери — кухонный стол с навесным шкафом для посуды. За печкой ставили одну или две кровати. Иногда между кроватями ставился письменный стол. Такое расположение предметов интерьера во многом соответствовало внутреннему убранству юрты. Так, в центре напротив входа находился очаг ('*одаг*'). Правая (от входа) сторона юрты считалась женской, где в основном располагалась кухонная утварь, предметы повседневного женского обихода и продукты питания [Байыр-оол 2013: 75].

Р. И. Биче-оол — преподаватель истории, которая приехала в Туву по распределению из г. Набережные Челны в 1952 г., вспоминала об обустройстве своего первого жилья в г. Кызыле следующее: «Избушка, выданная мне и моему супругу В. Л. Биче-оол в 1953 г., не была обставлена мебелью. После обращения к руководству педучилища из фонда общежития нам выдали железную кровать. Из каких-то досок муж смастерил стол, позже из горкома комсомола нашелся и книжный шкаф. Так и жили: стол, кровать, книжный шкаф» [Биче-оол 2019].

Позже появились двухкомнатные дома, где интерьер несколько изменился. Стала выделяться кухня, вторая комната предназначалась для отдыха и сна. Несмотря на новые предметы интерьера, которые были не характерны для тувинского традиционного быта, элементом, который прочно закрепился в советских домах и квартирах, был *антара* — деревянный сундук, символ традиционной культуры тувинцев, декорированный резьбой и яркой орнаментальной росписью. Такой сундук предназначался для хранения различных вещей — одежды, украшений и документов. Интересно, что в новых домах сохранилась тенденция расположения *антары* в центральной части комнаты, что соответствовало его прежнему месту в тувинской юрте. Таким образом, интерьер домов в какой-то степени повторял внутреннее убранство юрты, что свидетельствовало о сохранении элементов кочевого менталитета в повседневной жизни тувинцев.

В начале 1960-х гг. с повышением материального благосостояния населения улуч-

шилась внутренняя обстановка в домах. Появились диваны, шифоньеры, зеркальные трюмо. Оштукатуренные и побеленные стены украшались коврами. Окна и двери закрывались тюлем или занавесками.

В решениях XXI съезда КПСС была четко сформулирована перспектива городского и сельского строительства. Главная задача, по мнению Н. С. Хрущева, заключалась в разработке типовых проектов и генеральных планов с целью того, чтобы условия жизни в селе и городе отвечали потребностям советских людей [Внеочередной XXI съезд 1959: 51]. Направление и перспективы коренного улучшения планировки и застройки городов и сел были определены на Всесоюзном совещании по градостроительству, которое состоялось в июне 1960 г. Строительство населенных пунктов должно было осуществляться по глубоко продуманному генеральному плану, рассчитанному на 20–25 лет. Предполагалось, что в генеральном плане на научной основе должно быть размещено жилищное, культурно-бытовое, промышленное и хозяйственное строительство, дано последовательное улучшение культурно-бытовых условий трудящихся [Всесоюзное совещание 1960: 1].

В 1961 г. была опубликована статья начальника отдела по делам архитектуры г. Кызыла В. А. Харламова «Вопросы градостроительства в Туве» [Харламов 1961]. В своей статье В. А. Харламов говорил о возможной перспективе создания в г. Кызыле не менее десятка микрорайонов. В каждом микрорайоне предполагалось разместить школу, детский сад, ясли, магазины, столовую, парикмахерскую, комбинат бытового обслуживания населения, гаражи для автомобилей индивидуального пользования, спортивные площадки и сады для отдыха населения. Важным событием в жизни горожан стало начало сооружения в 1961 г. в западной части г. Кызыла квартала № 26. Этот квартал застраивался семнадцатью однотипными четырехэтажными зданиями — 48- и 32-квартирными домами с ванными комнатами, канализацией и водопроводом. Таким образом, в течение середины 1940–1950-х гг. в сфере жилищного строительства произошли значительные изменения. Трансформировался тип жилья, который на

протяжении 1940-х гг. представлял из себя одноэтажную деревянную конструкцию с печным отоплением без канализации, централизованного отопления и водопровода. В начале 1960-х гг. на волне хрущевских преобразований жилищно-бытовые условия населения г. Кызыла были значительно улучшены. Появились полностью благоустроенные кварталы с комплексом культурно-бытового обслуживания. Средняя жилплощадь, приходившаяся на одного человека, во второй половине 1940-х гг. колебалась от 2,4 м² до 3,6 м² [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 77]. В 1960 г. на одного человека в Кызыле приходилось уже 7,1 м² [Юбилейный сборник 2014: 37]. Темпы строительства и ремонта жилищного фонда были низкими во второй половине 1940-х гг., и только к 1950-м гг. наблюдается значительный рост в этом направлении [Юбилейный сборник 2014: 37].

Благоустройство г. Кызыла. Уровень и качество жизни населения во многом определялись степенью благоустроенности городской среды. В течение 1920-х гг. городские власти мало уделяли внимания вопросам строительства и благоустройства Кызыла. В начале 1930-х гг. в столице Тувы насчитывалось всего 4 улицы: ул. Ленина, ул. Красных партизан, ул. Щетинкина-Кравченко, ул. Кочетова. Советский ученый-статистик П. Маслов, посетивший Туву в 1930 г., писал, что город представлял собой ровную степь и был совершенно лишен растительности [Маслов 1933: 24]. Первое постановление об озеленении Кызыла было принято Советом Министров Тувинской Народной Республики 5 октября 1931 г. [Ровнов и др. 1964: 40]. Согласно этому постановлению, все городские организации и домовладельцы обязывались принять участие в посадке деревьев. Несмотря на организацию ежегодных акций по озеленению города, из-за неправильного ухода и полива большая часть растительности погибла.

Власти и общественность города прекрасно понимали важность озеленительных мероприятий. Об этом свидетельствует большое количество статей в газете «Тувинская правда». В апреле 1949 г. был опубликован призыв к горожанам «Кызыльцы, выходите на озеленение» [Кызыльцы 1949: 3],

где говорилось о том, что жители Кызыла дружно и с большим энтузиазмом принимали участие в озеленении города. Работы по озеленению города особенно активно велись в вечернее время после окончания работы. В заключении данного призыва подчеркивалось, что «почетный долг каждого горожанина посадить дерево, внести свой вклад в благородное дело озеленения родного города» [Кызыльцы 1949: 3]. Статьи подобного рода содержались в газете и в последующий период [Озеленяют родной город 1950: 3; Четверикова 1953: 2; Булгаков 1954: 3; Булгаков 1955: 3].

В связи с неудовлетворительным состоянием надворных построек, заборов, калиток, колодцев и выгребных ям во многих учреждениях города и частных домах в феврале 1945 г. была создана комиссия по благоустройству под председательством В. А. Харламова. Комиссия определяла объем ремонтных работ для каждой организации и впоследствии осуществляла прием отремонтированных объектов. Выполнение предписаний этой комиссии по благоустройству со стороны руководителей организаций и домоуправлений провозглашалось первоочередной задачей [ЦАДПОО ГА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 2]. В апреле 1945 г. был организован областной отдел коммунального хозяйства в целях обеспечения правильного руководства и развития жилищно-коммунального хозяйства области [ГА РТ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 19. Л. 157]. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства города» в Кызыле было создано городское жилищное управление. Следующим шагом властей по улучшению работы в этой сфере становится открытие конторы благоустройства при городском отделе коммунального хозяйства [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 39. Л. 10].

Мероприятия по благоустройству города в первые годы после вхождения Тувы в состав СССР имели ряд негативных тенденций. Во-первых, часто отсутствовал план конкретных мероприятий, во-вторых, сказывалось скудное финансирование, в-третьих, власти облагораживали только центральную часть столицы, окраины города благоустраивались силами самих жителей.

В-четвертых, слабо привлекались силы общественности города.

На страницах газеты «Тувинская правда» свое беспокойство часто высказывали жители столицы. Одна из таких статей принадлежит перу И. Панова [Панов 1949: 3], она гласит о пренебрежительном отношении некоторых организаций, учреждений и частных лиц к содержанию своих служебных помещений, жилых домов и усадеб. Ответ редакции на призыв И. Панова благоустроить город Кызыл был опубликован в том же номере газеты после его статьи. Подчеркивалась актуальность поставленных в статье задач, ведь за последние два года на благоустройство Кызыла было затрачено около 1 млн рублей, но город все же выглядел изрядно запущенным. Руководство газеты призвало горожан высказаться по аналогичным вопросам благоустройства города на страницах «Тувинской правды», также было предложено поднять активность всех депутатов городского совета и с их помощью мобилизовать общественность на превращение Кызыла в культурный областной центр.

Не менее интересны и другие статьи, предлагавшие свои решения наболевшей проблемы благоустройства города в рассматриваемый период. Так, А. Толстиков рисует картину «нетерпимого состояния города» [Толстиков 1948]. Среди многочисленных фактов, описанных автором, особый интерес вызывает то, что чиновники, равнодушные к нуждам населения, не шли навстречу горожанам, которые готовы были приложить свой труд для улучшения состояния города. Аналогичными по смыслу являлись жалобы С. Красного [Красный 1948] и Н. Сычева [Сычев 1948] на страницах газеты «Тувинская правда», где они сообщали о неудовлетворительном состоянии своих домов.

Кроме добропорядочных горожан, к работам по благоустройству привлекались нарушители порядка. Использовался труд арестованных за мелкое хулиганство — согласно заявкам городского коммунального хозяйства. Эти мероприятия осуществлялись под ежедневной пристальной охраной на многолюдных центральных улицах [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 120. Л. 27].

В дальнейшем наблюдалось значительное повышение активности горожан и вла-

стей в деле благоустройства города, что нашло отражение как в газетных источниках, так и в архивных документах [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 22. Л. 329; ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 36. Л. 19–23; Давыдкин 1955: 3; Меркушин 1954: 4; Поменова 1952: 3; Сергеев 1950: 3; Степанов 1952: 3].

Важным вопросом в деле благоустройства г. Кызыла было поддержание санитарно-гигиенической чистоты, что проявлялось в своевременной очистке и вывозе отходов за пределы города. «Больше заботы о санитарной охране города» [Калашников 1951] — под таким названием была опубликована статья заведующего городским отделом здравоохранения И. Калашникова в апреле 1951 г. Автор подчеркивал важность вопроса санитарной очистки города. Главными причинами накопления большого количества отходов и мусора, захламления дворов, улиц и площадей И. Калашников считал практику сезонной очистки города только в весеннее время и безответственность руководителей некоторых организаций. Проблема также заключалась в том, что из-за вывоза отходов в не отведенные для этого места захламлялись окраина города и набережная Енисея [Калашников 1951: 3].

На протяжении 1950-х гг. наблюдалось улучшение в деле поддержания санитарной чистоты. В организации весенних и осенних очисток города были задействованы руководители предприятий, начальник городского жилищного управления, управляющие домами, квартираниматели и частные домовладельцы города. Главная задача, которая была поставлена перед ними, заключалась в полной очистке города — всех дворов, помойных ям, мусорных ящиков, уборных — с обязательным вывозом мусора на городскую свалку, которая располагалась в 3 км к югу от города [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 2. Д. 2. Л. 197]. Мероприятия по поддержанию санитарно-гигиенического состояния города сводились не только к технической работе, но и включали в себя лекции о важности соблюдения санитарно-гигиенических норм. С 1959 г. 7 и 27-е числа каждого месяца объявлялись санитарно-профилактическими: под контролем городской санитарной эпидемиологической станции, милиции и Кызылского

городского совета предприятия и учреждения должны были в установленные дни проводить мероприятия по поддержанию санитарно-гигиенических условий. В 1960 г. стали проводиться так называемые праздники здоровья и месячники по санитарному благоустройству и городов. Об активном привлечении горожан к участию в очистке г. Кызыла говорит то, что с 1960 г. каждый гражданин должен был отработать не менее 20 часов в год на санитарном благоустройстве г. Кызыла [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 111. Л. 112–114].

Ввиду отсутствия дамбы Кызыл часто был подвержен наводнениям. Одним из самых запоминающихся и трагичных страниц в истории Кызыла стало наводнение весной 1945 г. Как вспоминает непосредственный свидетель этих событий А. Макшаков: «Воды по всему Кызылу было выше колен. Люди плыли на лодках на горку» [НА ТИГПИ. РФ. Д. 1541. Л. 5–7]. По его словам, в результате этого наводнения погибли жители города [НА ТИГПИ. РФ. Д. 1541. Л. 5–7], однако это не получило никакого резонанса.

В последующие годы для предотвращения подобных случаев городские власти приняли ряд мер. В феврале 1948 г. была создана городская комиссия для организации работ в период весеннего паводка, куда входили представители исполкома городского Совета, городской милиции, городской пожарной команды, городского отдела здравоохранения и городского потребительского общества (ГорПО) [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 7. Л. 93–94]. Комиссия должна была вести учет объектов, которые могут быть подвержены затоплению, установить во время ледохода круглосуточное дежурство, обеспечить сохранность линии передач, своевременную эвакуацию населения и вывоз материальных ценностей из затопляемых территорий, взять под контроль вопрос продовольственного снабжения населения. Подобного рода меры предпринимались властями ежегодно на протяжении 1950-х гг. в периоды ледохода и весеннего разлива [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 66. Л. 183].

Значительным событием стало проектирование первой очереди водопроводной сети и системы канализации в г. Кызыле в 1952 г. Ленинградским отделением ин-

ститута проектирования и строительства коммунальных водопроводов и систем канализации (гипрокоммунводоканалпроектом) [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 36. Л. 115]. Проектируемая сеть канализации учитывала обслуживание зданий и сооружений, расположенных по тем же улицам, по которым должна была проходить водопроводная магистраль. Сброс канализационных вод планировался в 200 м ниже паромной переправы с обязательным хлорированием воды [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 36. Л. 115]. Введение в эксплуатацию водопроводной сети произошло только в 1959 г. Активное участие в прокладке водопроводной и канализационной сетей принимали городские жители. Все учреждения и организации делили город на участки, копали траншею для прокладки трубы, работы велись даже в зимнее время [НА ТИГПИ. РФ. Д. 1541. Л. 10].

Однако городская сеть водопровода и канализации в течение первых лет после ввода в эксплуатацию не удовлетворяла потребностей горожан в снабжении водой. Главные причины заключались в отсутствии сброса и нарушении технических норм укладки труб, вследствие чего в зимний период 1959–1960 гг. водопроводная сеть замерзла [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 111. Л. 305]. Таким образом, в начале 1960-х гг. источником водоснабжения населения Кызыла были колонки и колодцы, для сброса вод все еще использовались выгребные ямы.

Большие изменения произошли в коммунально-бытовом обслуживании населения. В 1945 г. в Кызыле функционировали только одна парикмахерская на 8 мест и одна баня 1930-х гг. постройки вместимостью 67 человек, что крайне не удовлетворяло запросам населения [Ровнов и др. 1964: 83].

В 1961 г. в Кызыле имелось уже 5 бань на 164 места, 11 парикмахерских на 21 место [Ровнов и др. 1964: 185]. В 1959 г. был создан городской комбинат бытового обслуживания, объединивший студию фотографии, мастерские по ремонту часов, обуви и драгоценных металлов. В том же 1959 г. для жителей города открылась мастерская по химчистке и покраске одежды [Ровнов и др. 1964: 83].

Результаты

Анализ социально-бытовых условий жизни населения г. Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961) позволил сделать заключение о том, что первое десятилетие после вхождения Тувы в состав Советского Союза характеризовалось наиболее динамичными изменениями. Это подтверждается следующими выводами.

Во-первых, если в середине 1940-х гг. Кызыл был застроен преимущественно одноэтажными деревянными домами, то в начале 1960-х гг. он приобрел черты города. Попытки власти улучшить материальное благосостояние населения выражались в стремлении создать более комфортные условия жизни с водопроводной сетью, канализацией и централизованным отоплением. Однако из-за нарушения технических норм при сооружении водопроводной сети и канализации имелись проблемы с подачей воды. Актуальными в бытовом обслуживании населения оставались колонки, колодцы и выгребные ямы.

Во-вторых, значительно улучшилось обеспечение горожан жильем: с 2,4 м² на 1 человека в 1944 г. до 7,1 м² в 1960 г. — при росте населения с 6,3 тыс. человек в 1945 г. до 34,4 тысяч человек в 1959 г.

В-третьих, попытки городских властей улучшить состояние жилищных условий и коммунально-бытового обслуживания сводились к типичным советским методам, которые заключались в привлечении общественности к озеленению города, благоустройству улиц, санитарной очистке города. Частыми были призывы к участию в различных социалистических соревнованиях.

В-четвертых, по словам жителей г. Кызыла, призывы к участию в подобных мероприятиях встречались с большим энтузиазмом. Поскольку в сознании людей жила идея некоего общего блага, светлого будущего, практически каждый житель столицы хотел быть причастным к преобразованию своего города.

Проведенное авторами исследование вносит существенный вклад в историю г. Кызыла, поскольку является первой попыткой комплексного анализа хозяйственной жизни города в условиях советского времени.

Источники Архивные

- ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва.
 НА ТИГПИ — Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.
 ЦАДПОО ГА РТ — Центр архивных документов партий и общественных организаций.
 ФФ НМ РТ — Фонд фотодокументации Национального музея Республики Тыва.

Газетные источники

- Булгаков 1954 — *Булгаков А.* Украсим Кызыл зелеными насаждениями // Тувинская правда. 1954. 30 марта. С. 3.
 Булгаков 1955 — *Булгаков А.* Украсим Кызыл цветами // Тувинская правда. 1955. 22 марта. С. 3.
 В Кызыл прибыла 1950 — В Кызыл прибыла группа архитекторов // Тувинская правда. 1950. 10 июня. С. 4.
 Давыдкин 1955 — *Давыдкин Н.* Еще раз о благоустройстве Кызыла // Тувинская правда. 1955. 18 июня. С. 3.
 Калашников 1951 — *Калашников И.* Больше заботы о санитарной охране города // Тувинская правда. 1951. 28 апреля. С. 3.
 Красный 1948 — *Красный С.* Ничего не изменилось // Тувинская правда. 1948. 13 июля. С. 2.
 Кызыльцы 1949 — Кызыльцы, выходите на озеленение // Тувинская правда. 1949. 27 апреля. С. 3.
 Меркушин 1954 — *Меркушин И.* О благоустройстве улиц // Тувинская правда. 1954. 9 июля. С. 4.
 Озеленяют родной город 1950 — Озеленяют родной город // Тувинская правда. 1950. 27 мая. С. 3.
 Панов 1949 — *Панов И.* Слово о воротах и палисадах // Тувинская правда. 1949. 30 марта. С. 2.
 Поменова 1952 — *Поменова А.* Примем активное участие в благоустройстве Кызыла // Тувинская правда. 1952. 25 апреля. С. 3.
 Сергеев 1950 — *Сергеев М.* Заботиться о благоустройстве города // Тувинская правда. 1950. 10 июня. С. 3.
 Степанов 1952 — *Степанов И.* Благоустройство Кызыла // Тувинская правда. 1952. 17 сентября. С. 3.
 Сычев 1948 — *Сычев Н.* Куда идут деньги жильцов // Тувинская правда. 1948. 13 июля. С. 2.
 Толстиков 1948 — *Толстиков А.* Наш счет гор-

комхозу // Тувинская правда. 1948. 13 июля. С. 2.

- Харламов 1950 — *Харламов В.* Будущий город // Тувинская правда. 1950. 14 июня. С. 3.
 Харламов 1947 — *Харламов В.* Кызыл завтра // Тувинская правда. 1947. 17 августа. С. 3.
 Четверикова 1953 — *Четверикова Л.* Сделаем Кызыл красивым благоустроенным городом // Тувинская правда. 1953. 25 сентября. С. 2.

Статистические материалы

- Народное хозяйство 1967 — Народное хозяйство Тувинской АССР: Статистический сборник. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 1967. 205 с.
 Юбилейный сборник 2014 — Юбилейный статистический сборник «Кызыл-100». Кызыл: Тывастат, 2014. 106 с.

Информанты

- Биче-оол 2019 — Воспоминания Биче-оол Р. И., 1932 г. р. Запись в г. Кызыле 05.03.2019.

Sources

Archives

- Center for Archival Documents of Parties and Public Organizations.
 National Museum of the Tyva Republic, Fond of Photo Documents.
 State Archive of the Tyva Republic.
 Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research, Scientific Archive.

Print Periodicals

- Bulgakov A. Let us decorate Kyzyl with flowers. *Tuvinskaya pravda*. 1955, March 22. P. 3. (In Russ.)
 Bulgakov A. Let us decorate Kyzyl with greenery. *Tuvinskaya pravda*. 1954, March 30. P. 3. (In Russ.)
 Chetverikova L. Let us make Kyzyl a beautiful and comfortable city. *Tuvinskaya pravda*. 1953, September 25. P. 2. (In Russ.)
 Davydkin N. Once again about Kyzyl's urban land improvement. *Tuvinskaya pravda*. 1955, June 18. P. 3. (In Russ.)
 Kalashnikov I. More concern for sanitary protection of the city. *Tuvinskaya pravda*. 1951, April 28. P. 3. (In Russ.)
 Kharlamov V. Kyzyl tomorrow. *Tuvinskaya pravda*. 1947, August 17. P. 3. (In Russ.)
 Kharlamov V. The future city. *Tuvinskaya pravda*. 1950, June 14. P. 3. (In Russ.)
 Krasnyi S. Nothing has changed. *Tuvinskaya pravda*. 1948, July 13. P. 2. (In Russ.)
 Kyzyl residents, join the landscaping activities. *Tuvinskaya pravda*. 1949, April 27. P. 3. (In Russ.)

- Kyzyl welcomes a group of architects. *Tuvinskaya pravda*. 1950, June 10. P. 4. (In Russ.)
- Merkushin I. About beautification of streets. *Tuvinskaya pravda*. 1954, July 9. P. 4. (In Russ.)
- Panov I. A word about gates and front gardens. *Tuvinskaya pravda*. 1949, March 30. P. 2. (In Russ.)
- Pomenova A. Let us take an active part in the beautification of Kyzyl. *Tuvinskaya pravda*. 1952, April 25. P. 3. (In Russ.)
- Sergeev M. To care for the urban land improvement. *Tuvinskaya pravda*. 1950, June 10. P. 3. (In Russ.)
- Stepanov I. Kyzyl's urban land improvement. *Tuvinskaya pravda*. 1952, September 17. P. 3. (In Russ.)
- Sychev N. Where do the residents' money go? *Tuvinskaya pravda*. 1948, July 13. P. 2. (In Russ.)
- They plant greenery in their hometown. *Tuvinskaya pravda*. 1950, May 27. P. 3. (In Russ.)
- Tolstikov A. Our account of the municipal services. *Tuvinskaya pravda*. 1948, July 13. P. 2. (In Russ.)

Statistical Materials

- [Economy of the Tuvan ASSR: a Statistical Digest]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1967. 205 p. (In Russ.)
- [Kyzyl-100: an Anniversary Statistical Digest]. Kyzyl: Tyva Statistics Dept., 2014. 106 p. (In Russ.)

Informants

- Biche-ool R. I., born 1932. Rec. in Kyzyl on March 5, 2019.

Литература

- Байыр-оол 2013 — *Байыр-оол М. С.* Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 67–79.
- Бондаренко 2009 — *Бондаренко Т. А.* История создания города в центре Азии. К 95-летию Белоцарска – Урянхайска – Красного – Кызыла // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 109–119.
- Внеочередной XXI съезд 1959 — Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Том 1. М.: Госполитиздат, 1959. 592 с.
- Всесоюзное совещание 1960 — Всесоюзное совещание по градостроительству (по инф. ТАСС) // Красное знамя. 1960. № 137. С. 1.
- Грумм-Гржимайло 1930 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 2. Л.: [б. и.], 1930. 859 с.
- Дегиль 2012 — *Дегиль О. В.* Методика определения качества жизни населения региона на основе комплексного индикатора качества жизни // Глобальный научный потенциал. 2012. № 11 (20). С. 132–138.
- Доржу 2012 — *Доржу З. Ю.* Исторические корни формирования и интеграции Тувинской Народной Республики с СССР // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 4. С. 378–385.
- Доржу 2015 — *Доржу З. Ю.* Из истории столицы Республики Тыва-Кызыла // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 1. С. 32–41.
- Доржу, Ширав 2016 — *Доржу З. Ю., Ширав Р. О.* Культурная жизнь г. Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 5. С. 127–136.
- Доржу, Ширав 2018 — *Доржу З. Ю., Ширав Р. О.* Повседневная жизнь столицы Тувинской автономной области — г. Кызыла (1940–1950-е гг.) // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы Всерос. науч.-теорет. конф. Иркутск: Оттиск, 2018. С. 412–419.
- История Тувы 2007 — История Тувы: В 3-х т. Т. II / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
- Маслов 1933 — *Маслов П. П.* Конец Урянхия. М.: Молодая гвардия, 1933. 142 с.
- Мачавариани, Третьяков 1931 — *Мачавариани В., Третьяков С.* В Танну-Тува. М.; Л.: Молодая гвардия, 1931. 110 с.
- Минцлова, Минцлов 1915 — *Минцлова К. Д., Минцлов С. Р.* Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград: Рассвет, 1915. 96 с.
- Менхен-Хелфен 2007 — *Менхен-Хелфен Отто.* Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай-тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тове, урянхайцах, тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. Т. 6. Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944) / сост. К. С. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 220–352.
- Ровнов и др. 1964 — *Ровнов В. И., Сердобов Н. А., Очур В. Ч., Урояков С. Ч., Харламов*

- В. А. Кызыл — столица Советской Тувы (1914–1964). Кызыл: Тувкнигоиздат, 1964. 127 с.
- Харламов 1961 — Харламов В. А. Вопросы градостроительства в Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 9. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1961. С. 72–81.
- Ширап 2016 — Ширап Р. О. Организация досуга в Кызыле в первое десятилетие после вхождения Тувы в состав СССР // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 4. С. 146–151.
- Ширап 2018 — Ширап Р. О. Проблемы благоустройства Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961 гг.) // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2018. № 2 (37). С. 165–171.
- References**
- [21st Extraordinary Congress of the Communist Party of the Soviet Union: January 27, 1959 to February 5, 1959]. A verbatim report. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 592 p. (In Russ.)
- [A History of Tuva]. In 3 vols. Vol. II. V. Lamin (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2007. 430 p. (In Russ.)
- Baiyr-ool M. S. A yurt in traditional Tuvan culture. *The New Research of Tuva*. 2013. No. 2. Pp. 67–79. (In Russ.)
- Bondarenko T. A. The foundation history of the city in the center of Asia: to the 95th anniversary of Belotsarsk – Uryankhaysk – Krasnyi – Kyzyl. *The New Research of Tuva*. 2009. No. 4. Pp. 109–119. (In Russ.)
- Degil O. V. Method for determining the quality of life in the region through integrated indicator of the quality of life. *Global Scientific Potential*. 2012. No. 11 (20). Pp. 132–138. (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu., Shirap R. O. Everyday life of the capital of Tuvan Autonomous Oblast – Kyzyl (1940s–1950s). In: [Siberia in the Changing World: History and Contemporaneity]. Conf. proc. Irkutsk, 2018. Pp. 412–419. (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu. From the history of the capital of the Republic of Tuva – Kyzyl. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2015. No. 1. Pp. 32–41. (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu. Historical roots of formation and integration of the Tuvan People's Republic with USSR. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*. 2012. No. 4. Pp. 378–385. (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu., Shirap R. O. Cultural life of Kyzyl – the capital of the Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 5. Pp. 127–136. (In Russ.)
- Grumm-Grshimailo G. E. [Western Mongolia and the Uriankhai Country]. Vol. 3. Is. 2. Leningrad, 1930. 885 p. (In Russ.)
- Kharlamov V. A. Issues of urban development in Tuva. *Uchenie zapiski TNIYYaLI*. 1961. Is. 9. Pp. 72–81. (In Russ.)
- Machavariani V., Tretyakov S. [To Tannu-Tuva]. Moscow, Leningrad: Molodaya Gvardiya, 1931. 110 p. (In Russ.)
- Maslov P. P. [The End of Uriankhai]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1933. 142 p. (In Russ.)
- Mintslova K. D., Mintslov S. R. [The Far Country: Traveling across the Land of Uriankhai]. Petrograd: Rassvet, 1915. 96 p. (In Russ.)
- Mänchen-Helfen O. Journey to Tuva. In: [Uriankhai. Tyva Depter: an Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Land of Tuva and Its Heirs, about Uriankhai – Tannu-Tuva, the Uriankhai People – Tuvans, and Tuva's Antiquities]. In 7 vols. S. K. Shoygu (comp.). Moscow: Slovo, 2007. Pp. 220–352. (In Russ.)
- Rovnov V. I. et al. [Kyzyl — the Capital of Soviet Tuva (1914–1964)]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1964. 127 p. (In Russ.)
- Shirap R. O. Organization of leisure system in Kyzyl in the first decade after including Tuva in the USSR. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2016. No. 4. Pp. 146–151. (In Russ.)
- Shirap R. O. The problems of public service improvement in Kyzyl - the capital of Tuvan Autonomous Region (1944–1961). *Vestnik Tuvinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. No. 2. Natural Science and Agriculture. 2018. Pp. 165–171. (In Russ.)
- The All-Union Conference on Urban Planning (acc. to TASS). *Krasnoe znamya*. 1960. No. 137. P. 1. (In Russ.)

Приложения

Фотоматериалы из фондов Национального музея Республики Тыва



Фото 1. Кызыл, ул. Ленина. 1934 г. Фотограф В. П. Ермолаев
[Photo 1. Kyzyl, Lenin St. 1934. Photo by V. P. Yermolaev]



Фото 2. Кызыл. Наводнение 1937 г. Фотограф В. П. Ермолаев
[Photo 2. Kyzyl. Flood. 1937. Photo by V. P. Yermolaev]

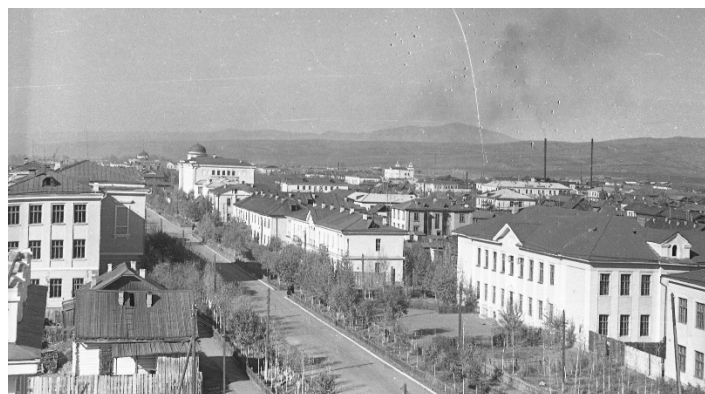


Фото 3. Панорама ул. Ленина. 1957 г. Автор неизвестен
[Photo 3. Panorama of Lenin St. 1957. Author unknown]



Фото 4. Автовокзал г. Кызыла. 1959 г. Фотограф В. Лутков
[Photo 4. Kyzyl bus station. 1959. Photo by V. Lutkov]



Фото 5. Праздничные гулянья в Кызыле. 1959 г. Автор неизвестен
[Photo 5. Outdoor festivities in Kyzyl. 1959. Author unknown]



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 4, pp. 661–668, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81'373.23

Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии

Надежда Дарьевна Сувандии¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 9, Литер В, ул. Монгуша Сата, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат филологический наук, доцент

ORCID: 0000-0002-3817-2436. E-mail: suvandiin@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья содержит анализ личных имен и прозвищ («парных» и «домашних», или «вторых» имен) этнических тувинцев Монголии, которые являются одной из малоизученных актуальных проблем современной ономастики тувинского языка. В прозвищах хранится информация о прежней и современной культуре тувинцев зарубежья, в частности Монголии. *Основной целью* статьи является выявление официальных, а также «домашних» и «парных» имен, т. е. прозвищ, у тувинцев, проживающих в Западной Монголии. Данная научная статья может восполнить пробел в решении этой проблемы в тувинской ономастике. *Материалы.* Основой для анализа стали личные имена и прозвища, собранные автором во время полевых исследований в Баян-Ульгийский и Кобдоский (Ховдский) аймаки Монголии, где проживают этнические тувинцы. *Результаты.* Проанализировав личные имена и прозвищные наименования, автор пришел к выводу о том, что у тувинцев Западной Монголии в официальных документах записываются личные имена монгольско-тибетского происхождения, а в повседневной жизни используются так называемые «вторые» имена: *өг аттары* 'домашние' или *кош аттар* 'парные имена', которые указывают на историю, обычаи и традиции их предков. В качестве «домашних» и «парных» имен в прошлые годы давались как исконно тувинские, так и монгольско-тибетские имена, а в настоящее время к ним прибавились и личные имена с уменьшительно-ласкательным значением, что является новшеством в традиции имянаречения у тувинцев Монголии.

Ключевые слова: тувинский язык, ономастика, антропонимия, личные имена, прозвища, «вторые» имена, «домашние» имена, «парные» имена

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073 «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)».

Для цитирования: Сувандии Н. Д. Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии. Oriental Studies. 2019;(4):661–668. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668.

Ethnic Tuvans of Mongolia: Official and 'Second' Names

Nadezhda D. Suvandii¹

¹ Tuvan State University (9/B, Mongush Sat St., Kyzyl 667000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: 0000-0002-3817-2436. E-mail: suvandiin@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The article analyzes personal names and nicknames of Mongolia's ethnic Tuvans which is an understudied — though topical — issue of contemporary Tuvan onomastics. The 'second' names contain data about old and modern culture of foreign Tuvans, and particularly that of Mongolia-based ones. *Goals.* The article primarily seeks to identify official, 'home', and 'paired' names (i.e. nicknames) of Tuvans residing in Western Mongolia. To date, this aspect of Tuvan linguistics has been no object of any special scientific research. So, the work can fill the gap, and facilitate further development of Tuvan onomastics in general. *Materials.* The paper analyzes personal names and 'second' names collected by the author during field research in Bayan-Ölgii and Khovd Provinces of Mongolia inhabited by ethnic Tuvans. *Results.* The analysis of personal names and nicknames concludes that the official documents of the latter mention personal names of Tibetan-Mongolian origin, while in everyday life they actually use 'second' names that deal with the history, customs and traditions of their ancestors. In the past, both essentially Tuvan and Tibetan-Mongolian names served as 'household' and 'paired' ones, while the current period witnesses the additional use of hypocoristic forms which is a novelty to name-giving practices of Mongolia's Tuvans.

Keywords: Tuvan language, onomastics, anthroponymy, personal names, nicknames, 'second' names, 'home' names, 'paired' names

Acknowledgment: The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00073 'Transformational Processes in Onomastics of the Peoples of Central Asia: History and Modernity' (using the example of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia)'.

For citation: Suvandii N. D. Ethnic Tuvans of Mongolia: Official and 'Second' Names. *Oriental Studies*. 2019; (4): 661–668. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668.



Введение

Разнообразный состав личных имен каждого народа содержит богатый лингво-этнографический материал, связанный с историей и современным его состоянием.

Антропонимия тувинцев Монголии в своем составе хранит и содержит информацию о прошлом народа, его повседневном быте и образе кочевой жизни, что делает актуальным проведение ее исследования. Важным аспектом научного изучения антропонимии тувинцев является выявление общего и особенного в ономастике тувинцев зарубежья и России.

Основателем исследования тувинской антропонимической системы является Н. Ф. Катанов, который в своем капитальном труде дает перечень некоторых соб-

ственных имен [Катанов 1903: 659]. Спустя более полувека после выхода грамматики Н. Ф. Катанова вопросами антропонимии тувинского языка начала заниматься З. Б. Чадамба — одна из первых исследователей тувинского языка. Она в своей первой работе дает сведения о личных именах тувинского народа [Чадамба 1965: 174–177]. Вскоре после этой работы известный советский и российский этнограф, археолог, востоковед-тюрколог, специалист по проблемам истории, этнографии и археологии Тувы С. И. Вайнштейн в одной из научных статей освещал личные имена и прозвища тувинцев [Вайнштейн 1969: 125–162].

Один из первых тувинских языковедов Д. А. Монгуш в своей научной работе впервые затронул вопрос о сокращенных лич-

ных именах в разговорной речи населения и в художественной литературе [Монгуш 1973: 146–155].

В начале 90-х гг. XX столетия была опубликована следующая работа З. Б. Чадамба, в которой автором даны сведения о некоторых семантических группах и способах образования тувинских личных имен [Чадамба 1993: 98–105].

Антропонимам монгольского, тибетского и санскритского происхождения в тувинском именнике была посвящена в 2001 г. дипломная работа Р. Д. Лудуп, в которой автор описывал семантические группы, этимологию личных имен, заимствованных из монгольского и через него из тибетского языка и санскрита; к этой работе в качестве приложения был дан краткий словарь монгольско-тибетских личных имен.

В конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. автором данной статьи опубликован ряд научных статей и написана кандидатская диссертация, в которой рассмотрены основные лексико-семантические группы, структурные типы тувинских антропонимов, происхождение иноязычных личных имен и их современное состояние [Сувандии 2004] и т. д.

Антропонимическая система тувинского языка в целом рассмотрена учеными. Но личные имена этнических тувинцев Монголии до настоящего времени остаются почти неисследованными. Изучение антропонимии тувинцев Западной Монголии представляет большой интерес у тувиноведов в связи с тем, что у них встречаются имена, которые употреблялись и употребляются не только у монгольских, но и у российских тувинцев — в данном случае в основном как официальные.

Цель настоящей статьи — изучение личных имен и прозвищ у этнических тувинцев Западной Монголии, которые компактно проживают в сомоне Буянт и г. Кобдо (Ховд) Кобдоского аймака, в сомоне Цэнгэл, на таежных чабанских стоянках в местечках Харааты, Остуг, Беш-Богдо Баян-Ульгийского аймака.

Материалом для нашего исследования послужили данные полевых экспедиций, проведенных в вышеназванных аймаках Монголии в 1999, 2001, 2019 гг. Первые две комплексные научные экспедиции были организованы Тувинским государственным

университетом с целью сбора языкового, устно-поэтического, этнографического, исторического материалов. В составе экспедиций были не только ученые университета, но и аспиранты, студенты, в задачи которых входили сбор материалов и написание на их основе соответственно курсовых и дипломных работ, диссертаций. Материалы в основном собирались методами анкетирования и устного опроса местного населения Кобдоского аймака Монголии. Третья экспедиция состоялась в 2019 г. при поддержке РФФИ, в ее составе работали два языковеда, этнограф, а также магистрант — выходец сомона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака. Целью этой экспедиции являлся сбор ономастического материала у тувинцев Кобдоского и Баян-Ульгийского аймаков по теме проекта; по ее результатам продолжается работа по написанию научных статей.

Особенности наречения официальным именем и прозвищным наименованием у этнических тувинцев Монголии

У тувинцев Монголии, как отмечалось выше, наряду с официальными именами имеются прозвищные наименования, так называемые *өг аттары* ‘домашние имена’ — у кобдоских, *кош аттар* ‘парные имена’ — у цэнгэльских тувинцев. Следует отметить, что у каждого тувинского представителя аймаков Монголии, кроме официального, обязательно присутствуют такие вторые имена, тогда как у российских тувинцев это необязательная традиция.

Прежде чем рассмотреть официальные и прозвищные наименования, следует кратко остановиться на имянаречении ребенка. Материалы по имянаречению собраны автором путем опроса информантов в двух аймаках Монголии и представителей двух районов Тувы, которые проживают в доме-интернате для пожилых людей в г. Кызыле.

В двух исследуемых аймаках Монголии имеются сходные и разные виды имянаречения.

По данным информантов Кобдоского аймака [ПМА: инф.1] Монголии, в прежние времена по истечении трех дней после рождения ребенка в *аале* (поселении, включающем три и более юрт родственников) собирали родственников и устраивали небольшой пир, где угощали их заранее приготовленной «белой» пищей и мясом, в частности курдюком барана. Самый старший и уважа-

емый человек давал имя ребенку, которое родители беспрекословно принимали, так как слово старшего для них было законом. Нарекали в те времена как монгольскими, так и собственно тувинскими именами.

У жителей сомона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии зафиксирован сходный обычай имянаречения, но с небольшим отличием: через три дня после рождения ребенка родители устраивают праздник, куда приглашаются родные и близкие с семьями, особенно дяди по материнской линии, старшие по возрасту жители соседних *аалов*, а также *хиндик ээджи* ~ *хиндик авазы* (букв. 'пуповинная мать', т. е. 'женщина, обрезавшая пуповину при родах'). Всех приглашенных гостей угощают мясом и «белой» пищей, почетному гостю, который дал подходящее имя ребенку, преподносят небольшой подарок: ткань размером, достаточным для шитья национальной длиннополой (распашного типа) одежды с длинными рукавами, плиточный чай или шкура зарезанного на пир барана [ПМА: инф. 2, 3].

По данным некоторых информантов [ПМА: инф. 4], в сомоне Цэнгэл существует также обычай под названием *Кавайын-га каар* 'Положить в колыбель'. Через 3–5 дней после рождения ребенка устраивают праздник, куда приглашают близких родственников, угощают их заранее приготовленной мясной и молочной пищей. Каждый приглашенный пишет на небольшом листке бумаги имя и помещает его в специально приготовленную тарелку с рисовой крупой, а также кладет свой подарок (или деньги) в колыбель малыша, говоря благопожелание ребенку. Затем самый старший в *аале* человек или отец смешивает все листки бумаги в рисовой крупе, достает один из них и шепчет записанное на нем имя на ухо ребенку. Следует отметить, что у этнических тувинцев Монголии до настоящего времени существуют прежние обычаи имянаречения, но с некоторыми изменениями. Данный обычай имянаречения близок к обычаю тувинцев России, где родители новорожденных также приглашают к себе на праздник близких родственников, угощают мясом и «белой» пищей. Но, в отличие от обычая имянаречения у монгольских тувинцев, они просят всех гостей написать имена на небольших листках бумаги, кладут их в заранее приготовленную шапку, смешива-

ют и оттуда выбирают один листок, начертанное на нем имя станет именем ребенка [ПМА: инф. 5, 6]. У российских тувинцев из описанных выше двух обычаев имянаречения в настоящее время редко встречается только второй вариант обычая, и только в некоторых селах, в частности в Эрзинском, Барун-Хемчикском районах, а большинство родителей-тувинцев ходят к ламам в монастыри и обращаются к ним с просьбами об имянаречении ребенка исходя из даты рождения младенца.

Особенности официальных и «вторых» имен тувинцев Монголии

«Вторые» имена этнических тувинцев Монголии — *өг аттары* 'домашние имена' или *кош аттар* 'парные имена', в большей части характеризуют новорожденного. Их можно подразделить на ряд лексико-семантических групп, часть которых была ранее выявлена автором данной статьи [Сувандии 2011: 207].

1. Имена, характеризующие внешность и особенности строения тела ребенка: *Коңсай* (м.) — от прилагательного ховд., цэнг. *коңсукур*, лит. *коңзагар* 'нос с горбинкой' [ТРС 1968: 252] — дано ребенку с большим носом; *Баккыр* (м.) — от ховд., цэнг. *баккыр* лит. *баштыг* 'с головой' [ТРС 1968: 96], *Калчан* (м.) — от прил. *калчан* 'лысый, плешивый' (у ребенка на голове не было ни одной волосинки) [ТРС 1968: 222], *Делдиң* (м.) монг. *дэлдэн*, тув. *делбиң* 'оттопыренный' (у малыша оттопыренные уши) [ТРС 1968: 145], *Дөрбелчин* (м.) — от прил. *дөрбелчин* 'квадратный' (упитанный, сильный, здоровый малыш) [ТРС 1968: 178] и др. В тувинской антропонимии подобные личные имена, кроме *Баккыр*, часто употребляются в качестве официальных, за исключением некоторых имен, используемых в качестве прозвищ: *Дөрбелчин*, *Делдиң* ~ *Делбиң*.

2. «Вторые имена», связанные с названиями животных и птиц: *Хурган* (м., ж.) — от сущ. ховд., цэнг. *хурга(н)* 'ягненок' [МРС 1947: 566], лит. *хураган* 'ягненок', *Хенче* (м., ж.), *Хенче-оол* (м.) — от *хенче* 'рожденный осенью' (о молодняке мелкого скота) [ТРС 1968: 474] — домашнее имя самого младшего ребенка в семье, *Анай* ~ *Аный* (м., ж.) от *анай* 'козленок' [ТРС 1968: 59], *Авырган* (м.) от нарицательного имени *авырга* ' белка-летяга' [ТРС 1968: 33], *Ботхан* (м.) — от монг. *богто* 'верблюжонок' [РМС 1960:

60], тув. *бодоган* 'верблюжонок' [TPC 1968: 107], *Морсук* (м.) от ховд., цэнг. *морсук* лит. *морзук* 'барсук' [TPC 1968: 299], *Кушкаш* (ж.) — от сущ. *кушкаш* 'птица' [TPC 1968: 267] и др.

Число имен, включаемых в данную группу, небольшое, но они употребляются часто, особенно такие *кош аттар* 'парные имена', как *Анай*, *Хенче*. В антропонимии тувинцев зарубежья личные имена данной лексико-семантической группы у лиц старшего возраста являются одними из часто употребительных.

3. «Вторые» имена, связанные с цветовыми характеристиками малышей: *Көк* (м., ж.), *Көк-оол* (м.), *Көгеген* (ж.) — от прил. *көк* 'синий' [TPC 1968: 257] (при рождении малыш был синюшным), *Хараа* (м., ж.), *Харалдай* (м.) — от монг. *хар* 'черный' [MPC 1947: 512], тув. *кара* 'черный' [TPC 1968: 226] (родился смуглый ребенок), *Кызыл* (м.) — от прил. *кызыл* 'красный' [TPC 1968: 274] (при рождении новорожденный был красным), *Сарыыкы* (м.) — от монг. *шар* 'желтый, рыжий' [MPC 1947: 645], тув. *сарыг* 'желтый' [TPC 1968: 369] и др. Личные имена данной группы у этнических тувинцев Монголии являются только «вторыми», а в современном именнике тувинцев России они часто употребительны.

4. Редко, но отмечаются и «вторые» имена, связанные с этнонимами, как и в других тюркских языках: *Адай* (м.) — от этнонима *адай иргит*, *Халха* (м.) — от *халха*, тув. *калга* 'название монгольского народа, составляющего основное население Монголии', *Казак-оол* (м.) — имя, данное в честь соседей-казахов у тувинцев сомона Цэнгэл. Подобные антропонимы в современном тувинском языке также встречаются в качестве официального личного имени: *Орус-оол* (м.) — от этнонима *орус* 'русский' [TPC 1968: 328], *Монгул*, *Монгул-оол* (м.) — от этнонима *монгул* ~ *монгол*, *Хакас* (ж.), *Хакас-оол* (м.) — от этнонима *хакас* и т. п. Предки тувинцев издавна творчески относились к имянаречению своих детей, при этом имена данной группы свидетельствуют об уважительном отношении их к новым соседям; подобные имена фиксируются и у тувинцев России.

5. К следующей группе относятся «вторые» имена, связанные с пожеланием стойкого характера и темперамента ребенку:

Мерген (м.) — от прил. *мерген* 'меткий, мудрый' [TPC 1968: 293], *Сергекпен* (м.) — от прил. *сергек* 'бодрый, живой' [TPC 1968: 374], *Омаакай* (м.) — от прил. *омак* 'веселый, бодрый' [TPC 1968: 319]. У тувинцев зарубежья это «вторые» имена, а у тувинцев России — официальные.

6. У тувинцев сомона Цэнгэл зафиксированы также «парные» имена, указывающие на те или иные недостатки, качества носителя имени: *Аазатпай* (ж.) — от прил. *аазатпай* 'разиня, ротозейка' (речь идет о флегматичном, медлительном ребенке) [TPC 1968: 26], *Мугулай* (м.) — от прил. *мугулай* 'глупый' [TPC 1968: 302], *Дуңху* (м.) — от цэнг. *дуңху* синоним тув. *чоон* 'толстый' [TPC 1968: 540] (в данном случае, по словам информатора, означает 'с толстой шеей'), *Маңзыгыр* (м.) — от прил. *маңзыгыр* син. *аар* 'массивный, тяжелый' [RTC 1980: 248] (в данном случае имеется в виду голова), *Ко(ь)шпай* (м.) — от прил. *ко(ь)ш* 'парный' [TPC 1968: 254] (у ребенка на ушке отросток, похожий на сережки) и др.

7. Этнические тувинцы Монголии в качестве «вторых» имен в последнее время дают детям имена, связанные с природными явлениями, как в современном именнике тувинцев России: *Айдың*, *Айдың-оол* (м.) — от прил. *айдың* 'лунный' [TPC 1968: 47] и *оол* 'мальчик' [TPC 1968: 322], *Шолбан*, *Ак-Шолбан* (м.) — от сущ. *шолбан* 'яркая звезда, Венера' [TPC 1968: 577] и прил. *ак* 'белый' [TPC 1968: 49], *Ай-Хүү* (м.) — от сущ. *ай* 'луна' [TPC 1968: 46] и монг. *хүү* [MPC 1960: 296], тув. *оол* 'мальчик' [RTC 1980: 322], *Сылдыс* (м., ж.), *Чылдыс* (м.) — от сущ. *сылдыс* 'звезда' [TPC 1968: 397].

Число личных имен в данной группе небольшое, но встречаются они часто, причем у некоторых молодых людей в возрасте не старше 30 лет они зафиксированы как официальное имя. В именнике тувинцев России имена указанной группы являются часто употребительными.

8. У некоторых цэнгэльских тувинцев замечены единичные «парные» личные имена: *Мөңгүн* (м.) — от сущ. *мөңгүн* 'серебро' [TPC 1968: 301], *Алдын* (м., ж.) — от сущ. *алдын* 'золото' [TPC 1968: 54].

9. Отмечаются «вторые» личные имена-посвящения: *Алдар* (м.) — от сущ. *алдар* 'слава' [TPC 1968: 54] — имя, данное в честь прадеда, который участвовал в боях

на Халхин-голе¹; *Конгар-оол* (м.) — имя-посвящение, данное мальчику, родившемуся в 90-х гг. XX столетия, когда в сомон Цэнгэл приезжал заслуженный артист Российской Федерации, Народный хоомейжи² *Конгар-оол Ондар*; *Чылгычы* (м.) — от сущ. *чылгычы* ‘табунщик’ [TPC 1968: 555], в честь известного тувинского драматурга, который в свое время был министром культуры Тувинской АССР, послом РФ в Казахстане.

10. Есть у этнических тувинцев и имена-пожелания: *Орулгу* (м., ж.) от монг. *оролго*, тув. *орулга* ‘доход, прибыль’ [TPC 1968: 327], «парное» имя, данное с пожеланием жизни в достатке; *Хоочун* (м.) — от сущ. *хоочун* ‘старый, бывалый’, данное с пожеланием долгой жизни [TPC 1968: 484]; *Охтун* (ж.) — вероятно, от монг. *отгон* ‘самый младший, последний ребенок’, хотя в обоих случаях носители этого имени — цэнгэльские тувинцы дали следующее объяснение: имя происходит от сущ. монг. *огтхон* ‘решительно возражаю’ [MPC 1947: 293] и дано с пожеланием, чтобы девочку не забрали духи, так как ранее рождавшиеся в этой семье девочки умирали от различных болезней.

11. В отдельную группу следует выделить «домашние» или «парные имена» с уменьшительно-ласкательным значением, которые, по словам информантов [ПМА: инф. 3], стали давать с начала 2000-х гг: *Баака* (ж.) ‘маленькая’ — от монг. *бага* ‘малый, небольшой’, по словам информантов [ПМА: инф. 4], в значении ‘маленький ребенок’ [MPC 1947: 53], *Тойлоо* (ж.) ‘зеркальце’ — от *толь* (*толии*) ‘зеркало’ [MPC 1947: 406; PMC 1960: 213] — в значении ‘зеркало семьи’, так как ребенок с этим именем — единственная дочь в семье [ПМА: инф. 4], *Анхаа* (ж.) ‘первенец’ — от монг. *анх* ‘первый’ [MPC 1947: 39] — ‘первый, старший ребенок семьи’, *Баавгай* (м.) ‘медвежонок’ — от монг. *баавгай* ‘медведь’ [MPC 1947: 52] — так при рождении назвали пухленького, смуглого мальчика [ПМА: инф. 2], *Муужулдай* (м.) ‘отброшенка’ — от монг. *мужуулах* ‘быть отброшенным в сто-

рону’ [MPC 1947: 248] — ребенок в детстве сильно болел, поэтому дали такое «парное» имя, чтобы злые духи его не заметили, *Түмек* (м.) ‘тмушенька’ — от монг. *түмэн* ‘тьма, бесчисленное множество’ [MPC 1947: 431] — такое имя могли дать, когда в семье родился ребенок после долгого ожидания, *Хенчитей* (ж.) ‘младшенький’ — от тув. *хенче* ‘рожденный осенью’ (о молодняке мелкого скота) — «парное» имя самого младшего ребенка семьи в уменьшительной форме и т. д.

В данной группе почти все имена — как монгольского происхождения, так и исконно тувинские — использованы в уменьшительно-ласкательной форме. Исходя из этого следует отметить, что этнические тувинцы Западной Монголии в большинстве имеют два имени: как официальное, так и «второе», причем многие из них в современном именнике тувинцев России употребляются как личные имена: *Алдын*, *Тумен*, *Шолбан*, *Сылдысмаа* и т. д.

Заключение. Тувинская антропонимия — это «хранилище» древней истории, обычаев и традиций народа. Как особая группа антропонимии в тувинской ономастике нами выявлена группа «вторых» имен тувинцев Кобдоского и Баян-Ульгийского аймаков Западной Монголии, которые указывают на особенности их имянаречения. В двух исследуемых аймаках такие имена отличаются общим наименованием — *өг аттары* «домашние» имена в Кобдоском аймаке, *кош аттары* «парные» — в Баян-Ульгийском. Из рассмотренного материала видно, что в целом обычаи имянаречения близки, за исключением некоторых отличий, зафиксированных у тувинцев сомона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака. Лексико-семантические группы бытующих «вторых» имен в целом общие, но у цэнгэльских тувинцев встречаются имена, связанные с этнонимами, типа *Казак-оол*.

У каждого этнического тувинца Монголии должно иметься «второе» («домашнее» или «парное») имя, которым его нарекают дома — это и есть основное отличие его от прозвища. У тувинцев России, в отличие от этнических тувинцев Монголии, вообще нет «вторых» имен, а есть только прозвища, которые употреблялись в их повседневной жизни еще с древних времен и бытуют также в современное время (хотя

¹ Необъявленный локальный вооружённый конфликт, продолжавшийся с весны по осень 1939 года у реки Халхин-гол на территории Монголии.

² Хоомейжи — исполнитель горлового пения.

прозвища имеются не у всех представителей российских тувинцев). Тем не менее они также близки ко «вторым» именам этнических тувинцев Монголии, так как во времена паспортизации в 40-х гг. XX в. тувинцы России в качестве официальных имен взяли интернациональные личные имена, а свои прежние оставили в качестве прозвищ, в которых отражены самобытная культура этноса в определенные периоды в их жизни. По словам ветерана Тувинского государственного университета, проработавшей всю жизнь доцентом кафедры тувинской филологии и общего языкознания Елизаветы Боракаевны Салзынмы, будучи школьницей во время паспортизации, она взяла себе имя Лизы Чайкиной, а свое имя оставила в качестве фамилии. В отличие от «вторых» имен этнических тувинцев Монголии, прозвища тувинцев России даются уже взрослым людям, притом не

только исконно тувинские, но и немало заимствованных из русского языка: *Бугажык* (м.) — прозвище человека, занимавшего небольшие руководящие должности, *Бегемот* (м.) — человек крупного телосложения, *Повар* (ж.) — женщина, всю жизнь проработавшая поваром, *Барби* (ж.) — красивая, как кукла, женщина и т. п.

Таким образом, следует сказать, что предки тувинцев России и Монголии имели общую историю и культуру, так как этнические тувинцы Монголии имели «вторые» имена, а тувинцы России — соответственно прозвища. В настоящее время у этнических тувинцев «парные» и «домашние» имена так и функционируют, а у тувинцев Республики Тыва употребляются не только собственно тувинские, но и заимствованные из русского языка прозвища, что свидетельствует об их связи в современном обществе.

Сокращения

- ж. — женское
м. — мужское
монг. — монгольское
прил. — имя прилагательное
сущ. — имя существительное
тув. — тувинское
ховд. — ховдинский диалект
цэнг. — цэнгэльский диалект

Полевой материал автора

- ПМА: инф. 1 — информант Адай Иргит Карбычак оглу Буурлак, 1909 г. р., запись в сомоне Буянт Ховдского аймака Монголии, 1999 г.;
ПМА: инф. 2 — информант Хойук Элээ кызы Дэлгир, 1936 г. р., сомон Цэнгэл, 2019 г.;
ПМА: инф. 3 — информант Донгак-хойук Долгар-Сурун оглу Хойтувек, 1934 г. р., сомон Цэнгэл, 2019 г.;
ПМА: инф. 4 — информант Шунгуур Иргит Чамбаа кызы Оюун, 1960 г. р., сомон Цэнгэл, 2019;
ПМА: инф. 5 — информант Монгуш Сынаа Намчылович, 1932 г.р.; с. Аянгаты, Барун-Хемчикского района Республики Тыва, 2001 г.;
ПМА: инф. 6 — информант Кунчун Вера Манчыновна, 1935 г. р., с. Эрзин, Республика Тыва, 1999 г.

Author's Field Data

- Informant 1: Aday Irgit Karbychap oglu Buurlak, b. 1909. Rec. in Buyant District (Khovd Province, Mongolia) in 1999;
Informant 2: Khöiük Elee kyzy Delgir, b. 1936. Rec. in Tsengel District (Bayan-Ölgii Province, Mongolia) in 2019;
Informant 3: Dongak-khöiük Dolgar-Surun oglu Khöitüvek, b. 1934. Rec. in Tsengel District (Bayan-Ölgii Province, Mongolia) in 2019;
Informant 4: Shunguur Irgit Chambaа kyzy Oyuun, b. 1960. Rec. in Tsengel District (Bayan-Ölgii Province, Mongolia) in 2019;
Informant 5: Mongush Synaa Namchylovich, b. 1932. Rec. in Ayangaty (Barun-Khemchiksky District, Tyva Republic) in 2001;
Informant 6: Kunchun Vera Manchynovna, b. 1935. Rec. in Erzin (Erzinsky District, Tyva Republic) in 1999.

Литература

- Вайнштейн 1969 — Вайнштейн С. И. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 125–132.
Катанов 1903 — Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с главнейшими родственными отношениями его к другим языкам тюркского корня. Казань: типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1903. 659 с.

- МРС 1947 — Монгол-орос товч толь бичиг (= Краткий монгольско-русский словарь) / под ред. А. Р. Ринчинэ и Г. Д. Санжеева. М.: ОГИЗ-ГИС, 1947. 424 с.
- Монгуш 1973 — *Монгуш Д. А.* Сокращенная форма личных имен в тувинском языке // Ученые записки ТННУ. Кызыл: ТННУ-ЯЛИ, 1973. С. 146-155.
- РМС 1960 — Русско-монгольский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1960. 780 с.
- РТС 1980 — Русско-тувинский словарь. М.: Русский язык, 1980. 560 с.
- Сувандии 2004 — *Сувандии Н. Д.* Тувинская антропонимия: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2004. 191 с.
- Сувандии 2011 — *Сувандии Н. Д.* Тувинская антропонимия. Кызыл: ТувГУ, 2011. 207 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
- Чадамба 1965 — *Чадамба З. Б.* Тувинские имена // Справочник личных имен народов РСФСР. М.: Русский язык, 1965. С. 174–177.
- Чадамба 1993 — *Чадамба З. Б.* Способы образования тувинских личных имен // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл: Новости Тувы, 1993. С. 98–105.
- [Russian-Mongolian Dictionary]. Moscow: Foreign and National Dict. Publ., 1960. 780 p. (In Russ. and Mong.)
- [Russian-Tuvan Dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1980. 560 p. (In Russ.)
- [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1968. 646 p. (In Russ.)
- Chadamba Z. B. Tuvan personal names: word-forming patterns. In: [Questions of Tuvan Linguistics]. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1993. Pp. 98-105. (In Russ.)
- Chadamba Z. B. Tuvan names. In: [Personal Names of Soviet Peoples: a Reference Book]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1965. Pp. 174–177. (In Russ.)
- Katanov N. F. [A Research Essay on the Uriankhai Language with Indication of Its Key Essential Ties to Other Turkic Languages]. Kazan: Imper. Kazan Univ., 1903. 659 p. (In Russ.)
- Mongush D. A. Hypocoristic forms of Tuvan personal names. In: [Scholarly Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History]. Kyzyl: Tuvan Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1973. Pp. 146–155. (In Russ.)
- Suvandii N. D. [Tuvan Anthroponymy]. A Cand. Sc. thesis (philology). Kyzyl, 2004. 191 p. (In Russ.)
- Suvandii N. D. [Tuvan Anthroponymy]. Kyzyl: Tuvan State Univ., 2011. 207 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Personal names, kinship terms, and nicknames of the Tuvans. In: [Onomastics]. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 125–132. (In Russ.)

References

[A Concise Mongolian-Russian Dictionary]. A. Rinchine, G. Sanzheev (eds.). Moscow: Associated State Publ. (OGIZ), 1947. 713 p. (In Russ. and Mong.)





Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 4, pp. 669–681, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 394.2+394.4

История создания коллекции В. П. Ермолаева как части этнографического источника изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 1)*

Елена Валерьевна Айыжы¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
ORCID: 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

Марианна Маадыр-ооловна Мандан-Хорлу²

² Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
заведующий отделом учета и хранения фондов
ORCID: 0000-0002-8105-2093. E-mail: mandan-horlu@yandex.ru

Алдармаа Чулдумовна Монгуш³

³ Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
хранитель I категории, отдел учета и хранения фондов
ORCID: 0000-0002-9912-0701. E-mail: maldarmaa@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена уникальной коллекции Национального музея Республики Тыва — собранию фотодокументов его первого директора, краеведа, фотографа Владимира Петровича Ермолаева (1892–1982). *Цель работы* — исследование истории поступления коллекции, ее систематизация с учетом тематики экспонатов, а также анализ проблем атрибуции и сохранения коллекции В. П. Ермолаева. *Материалы.* В статье раскрывается история создания коллекции В. П. Ермолаева. Фототека В. П. Ермолаева складывается из двух составляющих — фотографий и негативов (стеклянных и пленочных), насчитывающих более 4 000 единиц хранения. Она уникальна тем, что в ней представлены одни из самых ранних фотографий территории Тувы, фрагменты из жизни тувинского народа. Наиболее ранние снимки датируются 1913 г. *Результаты.* Авторами статьи представлены итоги систематизации коллекции по тематическому принципу. Фотографическое наследие В. П. Ермолаева отражает жизнь, быт феодальной Тувы, гражданскую войну, становление промышленности и транспорта, развитие культуры и искусства Тувинской народной республики (ТНР), участие ТНР в Великой

* Здесь публикуется первая часть статьи, вторая выйдет в свет в следующем номере журнала, обе части сопровождаются полным списком источников и литературы, использованных авторами при написании работы.

Отечественной войне 1941–1945 гг. и т. д. Большое внимание уделено изучению истории поступления и формирования коллекции. *Выводы.* В результате исследования выявлено, что формирование огромного труда работ В. П. Ермолаева шло постепенно, в течение нескольких десятилетий. По результатам изучения музейной учетной документации и самих фотодокументов авторы пришли к выводу, что в фотодокументы В. П. Ермолаева входят не только негативы, но и альбомы с контрольными отпечатками и фотографиями, к большинству снимков автор дал собственные комментарии. Анализ проделанной работы позволяет сделать вывод, что В. П. Ермолаев был одним из первых исследователей, использовавших фотографию в качестве основного метода сбора информации и научного исследования социокультурного развития Тувы.

Ключевые слова: Владимир Петрович Ермолаев, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, музейная коллекция, фотография, стеклянные и пленочные негативы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073.

Для цитирования. Айыжы Е. В., Мандан-Хорлу М. М., Монгуш А. Ч. Коллекция В. П. Ермолаева как этнографический источник изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса. *Oriental Studies*. 2019; (4): 669–681. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681.

UDC 394.2+394.4

V. P. Yermolaev's Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 1

Elena V. Ayizhy¹

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiigy@mail.ru

Marianna M. Mandan-Khorlu²

² Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Head of Museum Collection Records Department

ORCID: 0000-0002-8105-2093. E-mail: mandan-horlu@yandex.ru

Aldarmaa Ch. Mongush³

³ Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

First-Class Custodian, Museum Collection Records Department

ORCID: 0000-0002-9912-0701. E-mail: maldarmaa@mail.ru

Annotation: *Goals.* The article deals with one of the most unique collections of Tuva's National Museum — a collection of photo documents compiled by its first director, expert in local history, photographer Vladimir P. Yermolaev (1892-1982). *Materials.* The paper describes the development of V. P. Yermolaev's collection, its subject, structure and chronological framework. The collection of photo documents by V. P. Yermolaev comprises two segments — photographs and negatives (glass and film ones) numbering over 4,000 storage items. The V. P. Yermolaev Collection is unique in that it presents somewhat earliest photographs of Tuva's territory, glimpses of Tuvan people's life. The earliest photographs date back to 1913. *Results.* The article systematizes the collection thematically. The photographic heritage of V. P. Yermolaev mirrors everyday life of the feudal Tuva, the Civil War period, formation of industry and transport, development of culture and arts in the Tuvan People's Republic (TNR), participation of the TNR in the Great Patriotic War of 1941–1945, etc. The history of receipt and formation of the collection is also paid special attention to. *Conclusion.* The study reveals that the formation of the collection was gradual and lasted over several decades. The insight into

museum records and photo documents as such concludes that V. P. Yermolaev's collection of photo documents comprises not only negatives but also albums with control prints and photographs largely supplemented with the author's own comments. The analysis allows concluding that V. P. Yermolaev was one of the first researchers to have used photography as a key method of data collection and research of Tuva's sociocultural development.

Keywords: Vladimir P. Yermolaev, Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, museum collection, photograph, glass and film negatives

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00073.

For citation: Ayizhy E. V., Mandan-Khorlu M. M., Mongush A. Ch. V. P. Yermolaev's Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. *Oriental Studies*. 2019; (4): 669–681. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681.



Введение

За относительно короткую историю своего существования, с 1839 г., фотография проникла и органично вписалась во все сферы жизни и деятельности человека. Визуальные источники как отражение социокультурных, экономических, политических процессов государства сегодня становятся все более значимы, поэтому изучение фотодокументов приобретает особую актуальность.

Фотография как музейный предмет занимает значительное место в собраниях исторических и краеведческих музеев, в том числе Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва [Бичелдей, Чыргылан, Иргит, Кадыг-оол 2019]. Собрание фотографий В. П. Ермолаева (1892–1982), краеведа и фотографа, первого директора Государственного музея Тувинской народной республики, ныне Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, представляет собой уникальную коллекцию. Будучи практически единственным фотографом в Туве, В. П. Ермолаев сумел создать фотолетопись истории Тувы в период бурных событий первой половины XX в.

В рассматриваемый период для местных жителей, тувинцев, фотографии были новшеством, и владеющих этим искусством просто не было. Работы В. П. Ермолаева до сегодняшнего дня представляют собой особую актуальность ввиду того, что автор сумел запечатлеть самые интересные факты документально, и ныне эти фотографии представляют ценность для исследователей и для подрастающего поколения. В то же время коллекция остается недостаточно исследованной: не изучена история ее фор-

мирования, не определены полностью ее состав и тематика. В. П. Ермолаев сдал свои негативы с альбомами, содержащими аннотированные контрольные отпечатки.

Целью данного исследования является история поступления, продолжение систематизации коллекции, оценка фотодокументов В. П. Ермолаева как визуальных исторических источников для изучения социально-экономической, политической и социокультурной истории Тувы, а также анализ проблем атрибуции и сохранения коллекции В. П. Ермолаева.

К фотографиям в отечественной исторической науке долгое время относились только как к иллюстративному материалу к своим исследованиям. Такая ситуация, по мнению Л. Н. Мазур, стала меняться только на рубеже XX–XXI вв. с «визуального поворота» в российской исторической науке, характеризуемого как стремление расширить круг источниковой базы за счет визуальных документов, формирование новых представлений о «визуальности» [Мазур 2014: 99].

Коллекция В. П. Ермолаева широко использовалась и используется при организации музейных экспозиций и выставок. Однако в исторических исследованиях по Туве, в таких как, например, семитомная антология «Урянхай. Тыва дептер», содержащая уникальное собрание разнообразных документов по истории Тувы с древнейших времен; книга-альбом «Тува — фронту», посвященная вкладу Тувинской Народной Республики в победу Советского Союза над немецким фашизмом; двухтомная «История Тувы» 1964 г., переработанное и дополненное трехтомное издание «Истории Тувы»

2001–2007 и 2015 гг., фотографии В. П. Ермолаева используются в основном как иллюстративный материал. Такой подход к фотодокументам был характерен в целом для всей отечественной исторической науки.

1990-е гг. для российской историографии прошли под знаком обсуждения методологических основ изучения визуальных материалов, в которых источники рассматривались как единый комплекс аудиовизуальных документов — кино-фото-фонодокументов [Магидов 1993: 4].

В 2000-е гг. фотографии, как отмечает Р. О. Абилова, стали рассматриваться в качестве самостоятельных исторических источников. Благодаря деятельности музейно-выставочного центра «Росфото» активизировалось музееведческое изучение фотографий, заметно выросло количество публикаций о составе и содержании фотографических коллекций российских музеев. Началось изучение фотографий семейных архивов, складывается в России методология исследования фотографии как инструмента познания советской повседневности, в том числе экстремальной. В первую очередь, это оказалось возможным благодаря росту доступности фотодокументов для сообщества историков и развитию источниковедческих исследований. Значительную роль в этом процессе сыграло также обращение исследователей к зарубежным разработкам в области теории и методологии фотографии [Абилова 2017: 24]. Междисциплинарные исследования, а также заимствованные методологические приемы из других смежных дисциплин дали возможность изучать визуальные источники как самостоятельные свидетельства глобальных процессов социально-экономического и историко-культурного развития.

Материалы. В Национальном музее имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, по данным на конец 2018 г., из 154 815 музейных предметов музея 32 358 составляют фотографии и негативы, из них 27 130 — из основного и 5 228 — из научно-вспомогательного фондов, что составляет 21 % всего собрания. В составе основного фонда Национального музея Республики Тыва (119 156 предметов) фотографии и негативы занимают первое место — 22,77 %. На втором месте предметы археологии — 21,40 % (25 500), на третьем — документы (22 900, или 19,22 %), а предметы прикладного искусства, быта и этнографии (12 927 ед.) за-

нимают лишь четвертую позицию, составляя 10,85 % основного фонда [НМ РТ. Статотчет 2018].

В настоящее время фотофонд Национального музея Республики Тыва представлен такими видами источников, как негативы, позитивы, диапозитивы, фотоальбомы. В фотофонде музея хранятся черно-белые и цветные фотографии, негативы В. П. Ермолаева и других фотографов, его современников и последователей.

Основная часть

История вопроса. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. в Туве в процессе осмысления исторических событий XX в. (общественность начала выявлять лучших людей XX в., внесших значительный вклад в развитие, и обратилась к историческим событиям, подводя итоги XX столетия) происходила оценка значимости и фотографий В. П. Ермолаева и его роли в истории Тувы. Национальным музеем Республики Тыва были организованы персональные выставки В. П. Ермолаева к 110- (2002 г.), 115- (2007 г.) и 120-летию (2012 г.) со дня его рождения. Статьи Н. Б. Чаш [Чаш 1992: 19–21], А. С. Хертека [Хертек 1999], М. П. Татаринцевой [Татаринцева 2001: 44–47], М. Б. Кенин-Лопсана [Кенин-Лопсан 2002], Т. Б. Будегечиевой [Будегечиева 2006: 206–207], А. А. Лачугиной [Лачугина 2006: 276–280], М. М. Кенин-Лопсан [Кенин-Лопсан 2007а; Кенин-Лопсан 2007б] и других свидетельствуют об окончательном признании общественностью вклада В. П. Ермолаева в сохранение исторической памяти Тувы, а его коллекции — как «золотого фонда» Национального музея Республики Тыва.

В небольших статьях музейных сотрудников и других авторов нашли свое отражение отдельные тематические блоки коллекции В. П. Ермолаева: участие Тувы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Ооржак 2009: 159–161], лечение на минеральных источниках (*аржаанах*) [Монгуш 2015: 232–234], развитие земледелия в Туве [Земледелие тувинцев 2017¹], мир детства и

¹ Земледелие тувинцев в фотографиях В. П. Ермолаева: Альбом в электронном виде / Национальный музей Республики Тыва / сост.: Л. К. Монгуш, М. М. Мандан-Хорлу, А. Ч. Монгуш, Р. Р. Сангы-Бадра // URL: <http://museum.tuva.ru/wp-content/uploads/2017/09/ЗЕМЛЕДЕЛИЕ-В-ФОТОГРАФИЯХ-В.П.-ЕРМОЛАЕВА.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).

пионерия [Дыртык-оол М. 2013; Дыртык-оол 2016], первая национальная школа города Кызыла [Ооржак 2013: 60–61], декоративно-прикладное искусство [Майны 2013: 45–47], город Чадаан [Балчыырак 2013: 61–65].

В сборнике материалов Первых республиканских Ермолаевских краеведческих чтений жизни и деятельности В. П. Ермолаева посвящены работы М. Б. Кенин-Лопсана [Кенин-Лопсан 2013: 7–11], А. О. Дыртык-оол [Дыртык-оол А. 2013: 11–13]. В. П. Ермолаев часть своего архива передал Государственному архиву Республики Тыва. Публикация А. М. Дугар-Сюрюн «История республики в архивных фотодокументах очевидца В. П. Ермолаева» дает информацию об этом фонде [Дугар-Сюрюн 2013: 18–21]. Его литературному творчеству посвящена работа Ч. А.-С. Монгуш, в которой рассмотрена тематика таких литературных произведений В. П. Ермолаева, как повести «Элескей», «Где золото роют в горах» и поэма «Легенда о Саине» [Монгуш Ч. 2013: 55–59]. К фотографиям В. П. Ермолаева как историческому источнику обратилась О. О. Монгуш. Объяснение столь большого интереса и любви В. П. Ермолаева к Туве она нашла в его исторической публицистике, в «Пчелке», в первом из пяти рассказов, объединенных общим названием «Давно это было», где Владимир Петрович описывает навсегда сохранившееся с детства в его памяти воспоминание о знакомстве и дружбе местных ребят с Биче-оолом, маленьким мальчиком-тувинцем, волею судьбы оказавшимся в Красноярской губернии, в селе Канско-Перевозинском, находившемся на пути главного Сибирского тракта, по которому гнали скот из Тувы на продажу в сибирские города и деревни [Монгуш О. 2013: 41–42].

История поступления коллекции В. П. Ермолаева и особенности ее учета

При создании Государственного музея в Туве, несомненно, положительным моментом считается то, что его директором стал человек, умеющий фотографировать. В своем личном листке по учету кадров и в автобиографии В. П. Ермолаев пишет, что с 1929 по 1934 гг. был директором госмузея, а впоследствии в разное время также работал фотографом, заведующим отделом природы, консультантом [НМ РТ. Ф. 1. Д. 195.

Л. 40; Ф. 1. Д. 410. Л. 27]. Очевидно то, что с момента открытия музея для посетителей в 1930 г. В. П. Ермолаев при оформлении экспозиций и выставок использовал свои фотографии. В то же время самыми ранними книгами учета фотоматериалов в Национальном музее Республики Тыва являются «Инвентарная книга негативов» 1944 г. и «Книга инвентарная фотографий» 1945 г.

Первая книга 1944 г. начинается с перечня тематических разделов (всего 24 раздела), по которым были распределены негативы Государственного музея Тувинской Народной Республики. Книга состоит из 126 пронумерованных листов, поделенных на 24 тематических «отдела», с указанием «содержания» снимка, датировки, автора, условным обозначением материала негатива и размера: «с. 9х12» (стекло 9х12) и «пл. 6х9» (пленка 6х9) [НМ РТ. Инвентарная книга, 1944]. Датировка негативов относится к 1939–1947 гг. В графе «Кем сделан снимок» достаточно много имен: Ермолаев, Данзын-оол, Богатырёв, Тока, Андреев, Секачев, Табаев, Феоктистов, Гусаков, Карл, Лопсан-Кенден. Есть снимки 1941 г., отмеченные как снимки киноэкспедиции. По методу внесения записей в книгу она более близка к рабочему научно-справочному аппарату, чем к книге учета новых поступлений. Негативы с этой книги (544 наименования из 1 382 ед.) были позже, в феврале 1960 г., зарегистрированы в три захода в Инвентарную книгу 1959–1961 гг. как «негативы музея» без указания авторства [НМ РТ. Инвентарная книга № 2, 1959–1961: 78–99, 99–103, 111–139].

Исходя из вышесказанного, авторство можно установить по инвентарной книге 1944 г. Для изучения этой части музейного фонда требуется кропотливая работа, что и предстояло авторам данной статьи. Но уже факт того, что здесь фигурирует имя В. П. Ермолаева, говорит о том, что первое поступление ермолаевских фотоматериалов стоило бы искать здесь.

Во второй книге 1945 г. записаны фотографии. В отличие от первой, где деление страницы на графы выполнено от руки самими составителями тематических списков, во второй книге графы напечатаны. Видимо, книга специально заказывалась в типографии. Здесь уже были зарегистрированы фотографии 1926–1946 гг. Среди авторов,

кроме В. П. Ермолаева, встречаются Данзын-оол, Виленский, Гусаков, В. Нижегородов, М. В. Ермолаева, Бороздин и даже указывается, что авторы неизвестны.

В этой книге особо следует выделить регистрацию двенадцати фотоальбомов под номерами 557–566. Четыре фотоальбома «Тувинская Народная Республика в дни Отечественной войны» под номерами 557а, 557б, 557в, 559 содержат фотографии В. П. Ермолаева 1941–1943 гг. общим количеством 208 единиц. Пятый альбом под номером 565 с авторством «Ермолаев и др.», содержащий 81 фотографию 1941–1943 гг., назван «Экспозиция отделов музея ТНР» [НМ РТ. Инвентарная книга, 1945: 64–65]. Альбомы и фотографии в них отмечены как музейные. Эти альбомы сохранились и хранятся под этими же номерами как альбомы В. П. Ермолаева.

Следующей группе книг учета фотоматериалов относятся семь книг, заведенных с марта 1952 г. и заканчивающихся записью № 7649 в мае 1971 г. Фотоматериалы в них включены в одну инвентарную книгу наряду с муляжами, макетами, схемами и другими подобными материалами, свидетельствующие о том, что они считались научно-вспомогательными материалами [НМ РТ. Инвентарная книга № 1, 1952–1959]. С четвертой книги идет учет поступления чисто негативов и фотографий. В 1971 г. происходит изменение отношения к фотографиям как источникам, что отражается в учетной системе: заводятся две новые книги учета, которые начинаются обе опять с первого номера «Инвентарная книга № 1 по фотографиям и фотонегативам. Основной фонд. С № 1 по № 901. Начата с 29.06.1971 г., окончена 18.01.1973 г.» и «Инвентарная книга № 1 по фотографиям и фотонегативам. Научно-вспомогательный фонд. С № 1 по № 399. Начата с 23.05.1972 г., окончена 15.04.2004 г.». Записи в книгах тоже начинаются с № 1, только теперь с дополнительным буквенным обозначением «фо» и «ф н-в» соответственно. Книга с пометкой «Основной фонд» имеет продолжение в пяти книгах и заканчивается на странице 71 книги № 6 записью № 5516/1-44 от 21 мая 2007 г. Коллекциям дается единый номер и дробью к нему записывается количество негативов в

данной коллекции, т. е. дается дробная нумерация, например: 1фо/1-4356.

Таким образом, всего книг учета поступлений фотографий и негативов — 14, из них первые семь и книга с 1972 по 2004 гг. считаются книгами учета фотоматериалов научно-вспомогательного фонда, а шесть книг с 1971 по 2007 гг. — книгами учета материалов основного фонда. Ситуации, связанные с отдельным учетом фотоматериалов, дает четкое объяснение В. Н. Цуканова, указывая, что на исторически складывающиеся музейные фонды, в частности, на состояние учета, хранения, изучения фотографий и негативов, непосредственное влияние оказали те или иные положения инструкций по учету и хранению музейных ценностей, которыми руководствовались в своей деятельности музеи. Оказывается, именно инструкция по учету, инвентаризации и хранению музейных материалов 1938 г. определяла отдельный учет негативов, диапозитивов и киноплёнок в отдельных инвентарных книгах. В следующей инструкции по учету и хранению музейных ценностей музеев системы Министерства культуры СССР (кроме художественных) 1968 г., как отмечает В. Н. Цуканова, фотографические материалы как уникальные, имеющие документальное, мемориальное значение и другие какие-либо примечательные особенности, были отнесены к самостоятельному типу источников и уже могли быть включены в основной фонд, на что обращало внимание Министерство культуры СССР специальным информационно-методическим письмом «Об учете и хранении фотодокументов» в 1975 г. [Цуканова 2001: 3–4]. Положениями инструкции 1968 г. объясняется введение с 1971 г. в тувинском музее двух книг учета новых поступлений по фотографиям и негативам — основного и научно-вспомогательного фондов. Следует отметить, что 19 июля 1971 г. была заведена Книга поступлений научно-вспомогательных материалов № 1 и для остальных видов поступающих предметов музейного значения. Основная часть поступивших фотографических материалов, как видно из книг поступлений фотографий и негативов, сотрудниками музея была причислена к основному фонду.

С 2007 г. отдельный учет фотографий и, в большей степени, негативов прекратился

в связи с признанием ведения отдельных книг поступлений фотонегативов, дублирующего номера Книги поступлений вещественных предметов основного фонда, нарушением Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в Государственных музеях СССР, утвержденной приказом Министерства культуры СССР от 17.07.1985 г. № 290². Соответствующее решение было принято комиссией Министерства культуры и духовного развития Республики Тыва в ходе проверки наличия музейных предметов и музейных коллекций Национального музея Республики Тыва, проведенной с 15 ноября 2006 г. по 20 апреля 2007 г. Все фотонегативы из вышеупомянутых книг учета поступления фотографий и негативов в соответствии с решением Экспертной фондово-закупочной комиссии от 27.05.2007 г. были заново занесены в Книгу поступлений основного фонда 27 октября 2009 г. под одним номером КП 11286 с дробной нумерацией 1-21565 как «коллекция фотонегативов XX века» [НМ РТ. Книга поступлений № 19, 2006–2012: 35]. По действующей инструкции 1985 г. фотографические материалы отнесены к изобразительным памятникам³.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что изменение подходов к ведению учета, хранению фотодокументов отражает разное отношение к фотографическим материалам на разных этапах развития отечественной исторической науки в целом и музейного дела в частности.

Изучение данных инвентарных книг по фотографиям и негативам и другой учетной документации позволило выявить важные сведения по истории формирования фото-

фонда: о способах пополнения, источниках поступления фотоматериалов и т. д.

Следует отметить, что первоначально фонды музея пополнялись фотографиями. В первых записях 1952 г. ни источник, ни авторство фотографий не указывалось. Уже с 1953 г. в инвентарных книгах в основном указаны источник поступления и авторство. В середине XX в. фотографирование в Тыве уже получило довольно широкое распространение, о чем свидетельствуют записи, фиксирующие факты закупки в фонды музея фотографий от самих фотографов — Г. П. Сиротина, Чернышева, Власова, студента Вахрушева, Нелюбина, Ф. И. Колоса, В. В. Кирьянова и др. (об этом свидетельствует и Инвентарная книга негативов 1944 г., о которой мы упоминали ранее). Негативы начали поступать с 1955 г. Кроме закупки, пополнение шло дарственными фотографическими материалами от частных лиц и организаций. Также предпринимались специальные командировки фотографа музея для документирования событий, происходивших в самых разных местах, вплоть до отдаленных *кожуунов* (районов) республики; фотографировались передовики производства и т. д.

Первая запись в Инвентарной книге № 1 1952–1959 гг. о приеме в фонды Национального музея Республики Тыва фотографий от В. П. Ермолаева датируется 27 сентября 1954 г., где под номерами № 387–395 документально зафиксирована сдача 9 фотографий тружеников колхоза им. Чкалова Кызылского р-на (созданных в 1954 г.) по цене 20 руб. за одно фото [НМ РТ. Инвентарная книга № 1, 1952–1959: 41–42]. В этом же году поступили еще 4 фотографии — внешний и внутренний вид Элегстинской электростанции в 1954 г. [НМ РТ. Инвентарная книга № 1, 1952–1959: 43], а на следующий год были сданы 13 фотографий 1922–1925 гг. [НМ РТ. Инвентарная книга № 1, 1952–1959: 52–55] и 27 снимков Тандинского, Тес-Хемского и Эрзинского районов, авторство которых принадлежало В. П. Ермолаеву и некоему Акимову: на фото были зафиксированы исторические места и Герои гражданской войны, памятники истории и природы, оросительные каналы, передовики колхоза «Пламя революции» Тандинского района, курорт «Чедер» и Балгазынская МТС [НМ РТ. Инвентарная

² Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в Государственных музеях СССР [электронный ресурс] (приказ Министерства культуры СССР от 17.07.1985 г. № 290) // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9049691> (дата обращения: 15.07.2019).

³ Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в Государственных музеях СССР [электронный ресурс] (приказ Министерства культуры СССР от 17.07.1985 г. № 290) // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9049691> (дата обращения: 15.07.2019).

книга № 1, 1952–1959: 116–120]. Далее идет поступление негативов В. П. Ермолаева. Тувинским областным краеведческим музеем (так Национальный музей Республики Тыва назывался в то время) у Владимира Петровича было закуплено 2 783 негатива с контрольными отпечатками на общую сумму 12 662,65 руб. [НМ РТ. Акт приемки-сдачи от 2 февраля 1959 г.]. В инвентарной книге фотодокументов данное поступление зафиксировано через месяц, 18 марта 1959 г., одной общей записью под номером 1436: «Коллекция негативов по Туве с 1917 по 1948 годы. Негативы очень разнообразны на стекле и пленке, разных размеров с контрольными отпечатками» [НМ РТ. Инвентарная книга № 1, 1952–1959: 232], количество не указано. Контрольные отпечатки негативов, для удобства работы с ними, В. П. Ермолаевым были оформлены в 14 фотоальбомах, названия к которым даны самим автором.

Следующая закупка 880 фотонегативов по хозяйственному и культурному строительству периода ТНР датируется маем 1965 г. [НМ РТ. Акт № 13 от мая 1965 г.]. По акту от 9 февраля 1966 г. комиссия из 6 чел., признав, что «негативы имеют большое научное и историческое значение», приняли у В. П. Ермолаева фотонегативы по теме истории и природы Тувы в количестве 137 единиц по цене 1 руб. за каждый, в том числе по теме природы — 25 ед., по «истории дореволюционного прошлого» — 42, по ТНР — 26 и по истории советского периода — 44. По такой же цене (1 руб.) за негатив принято еще 149 фотонегативов по истории и природе Тувы 4 сентября 1967 г. [НМ РТ. Акты приемки-сдачи от 4.09.1967 г.] и 146 — по истории развития Тувинской народной республики и первого периода развития Тувинской автономной области в составе СССР 17 апреля 1969 г. Последний акт также был подписан комиссией из 5 чел. [НМ РТ. Акт закупочный от 17.04.1969 г.]. Были еще два единичных поступления в 1970 г. по одному негативу: 1935 и 1944 гг. [НМ РТ. Инвентарная книга № 7, 1969–1971: 42, 44]. Итого с 1959 по 1970 г. у В. П. Ермолаева закуплено 4 097 единиц негативов. Закупленные с 1965 по 1969 г. фотонегативы в количестве 1 312 единиц не были занесены в Инвентарные книги «Фотографии и негативы» за №№ 3–6 в соответ-

ствии с годами поступления. В продолжение к коллекционной описи первого, самого крупного поступления, была составлена коллекционная опись № 2, начинающая с № 2784 и далее. Контрольные отпечатки к негативам размером 2х2 см также скомпонованы в двух небольших фотоальбомах с инвентарными номерами от 2784 до 3876 и от 3877 до 4356 соответственно, условно обозначенные авторами статьи как альбомы № 15 и № 16. Все негативы В. П. Ермолаева подверглись повторной регистрации в Инвентарной книге основного фонда 1971 г. за номером 1 фо/1-4356. То есть негативы, поступившие в 1959 г. и занесенные под номером 1436, были повторно зарегистрированы в 1971 г. вместе с более поздними поступлениями, теперь уже единым номером 1фо с дробной нумерацией на каждый негатив. Также была повторно составлена общая коллекционная опись.

Главный хранитель Национального музея Алдан-Маадыр Т. С. Нурзат в справке о работе сотрудников фонда, составленной 18 июня 1980 г., отмечает, что в 1978 г. «приобретен фотоальбом В. П. Ермолаева, в котором зафиксировано более 1 тыс. фотографий истории дореволюционной Тувы, ТНР и советского периода» [НМ РТ. Ф. 1. Д. 195. Л. 104]. В 1970-е гг. проведена систематизация коллекции, «разобраны и с описанием разложены по конвертам негативы фотоальбомов из коллекций В. П. Ермолаева и „Наводнение в г. Кызыле 1937 и 1945 гг.“, поступивших в фонды музея в 1978 г.» [НМ РТ. Ф. 1. Д. 195. Л. 103].

В 1979 г. сотрудником музея М. Б. Кенин-Лопсаном были привезены из Абакана от В. П. Ермолаева коллекция фотонегативов с контрольными отпечатками из 19 пленочных негативов, составлявших 661 кадр по теме «Город Кызыл 1914–1960 гг.» [НМ РТ. Акт приемки-сдачи от 18.06.1979 г.]. В инвентарной книге они зарегистрированы 28 августа 1979 г. под номерами 2855фо-2873фо [НМ РТ. Инвентарная книга №3, 1974–1980: 140–144].

В письме от 20 апреля 1979 г. к директору музея Н. М. Конгару Владимир Петрович пишет: «С альбомами у меня получилась трудная работа. Дело в том, что ни в Абакане, ни в Красноярске нет альбомов для наклейки фотоснимков. Пришлось искать картон и заняться самому производ-

ством двух альбомов. Спасибо, внук где-то добыл десять листов картона, из которого я смастерил два альбома по сорок листов в каждом. Пришлось самому ножницами резать картон, точно по размеру делать отверстия для брошюровки и, наконец, сшивать листы так, чтобы альбомы открывались как книги. Сегодня я как раз закончил брошюровку и на радостях решил написать это письмо. Теперь предстоит немалая, но знакомая работа по наклейке снимков на листы альбомов. Это займет недели две, может несколько и подольше. Не один раз придется перетасовывать снимки, чтобы найти для каждого соответствующее теме место. Ну, а дальше надо делать текстовую часть альбомов. Это, конечно, займет еще больше времени. Но работа эта знакомая» [НМ РТ. Ф. 1. Д. 410. Л. 16]. В коллекции В. П. Ермолаева действительно хранятся два модельных альбома по темам «Быт арата № 1» (454 фотографии) и «Природа ТНР № 2» (293 фотографии). Следует отметить, альбомы также не занесены в книгу учета поступлений фотографий и негативов, тем не менее они использовались как рабочий, справочный аппарат.

Последнее поступление датируется 2014 г. Это альбом В. П. Ермолаева «Кызыл 1935–1940 гг.», который передан музею

его внуком Владимиром Александровичем Ермолаевым в 2012 г. во время проведения первых Ермолаевских краеведческих чтений, посвященных 120-летию В. П. Ермолаева. Альбом зарегистрирован под номером КП № 11673/24. Он содержит 64 фотографии.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что к первым музейным предметам из коллекции фотодокументов В. П. Ермолаева относятся пять фотоальбомов с общим количеством фотографий 289 ед., сформированных в период его работы в музее. Далее они поступали вместе с негативами. Некоторые из них были скомпонованы сотрудниками музея, предположительно, из тех фотографий, которые сохранились в фототеке музея с 1940-х гг. Фотографии, поступавшие в 1950-е гг., в расчет не берутся, так как о сохранении их до наших дней не может быть и речи. В то время фотографии активно использовались на выставках и списывались. Чаще всего, говоря о коллекции В. П. Ермолаева исследователи в первую очередь имеют в виду коллекцию фотонегативов.

В статье, подготовленной к публикации в следующем номере, будет рассмотрен состав коллекции В. П. Ермолаева, ее хронологические рамки и вопросы ее сохранения.

Источники

НМ РТ — Национальный музей Республики Тыва.

Sources

National Museum of the Republic of Tuva.

Литература

- Абилова 2017 — Абилова Р. О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 26 с.: ил.
- Балчыырак 2013 — Балчыырак З. К. Фотограф В. П. Ермолаевтиң фоточуруктары Чадаананың төөгүзүндө болгаш оларның амгы үеде сайзыралы (= Фотографии В. П. Ермолаева в истории Чадаана и современное состояние) // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов /

сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 61–65.

- Баташев, Мартынович 2007 — Баташев М. С., Мартынович Н. В. История формирования коллекции стеклянных негативов по этнографии коренных народов Средней Сибири Красноярского краевого краеведческого музея // Енисейская провинция. Вып. 3. Красноярск: Краснояр. гос. пед.ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. С. 95–103.
- Бичелдей, Чыргалан, Иргит, Кадыг-оол 2019 — Бичелдей К. А., Чыргалан С. Ю., Иргит О. О., Кадыг-оол Х. К. Развитие музейного дела в Республике Тыва: история и современность [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019, № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/841>. DOI: 10.25178/nit.2019.2.1.
- Будегечиева 2006 — Будегечиева Т. Б. Создатель фотолетописи Тувы: [о В. П. Ермолаеве] // Сокровища культуры Тувы. М.: Научно-информационный издательский центр, 2006. С. 206–207.

- Дугар-Сюрюн 2013 — *Дугар-Сюрюн А. М.* История республики в архивных фотодокументах очевидца В. П. Ермолаева // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 18–21.
- Дыртык-оол А. 2013 — *Дыртык-оол А. О.* Владимир Петрович Ермолаев — первый директор Тувинского музея // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 11–13.
- Дыртык-оол М. 2013 — *Дыртык-оол М. О.* К вопросу о научном описании фотоматериалов В. П. Ермолаева // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 65–68.
- Дыртык-оол 2016 — *Дыртык-оол М. О.* Фотоисточники по истории пионерского движения в Туве 1920–1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3 (23). С. 172–174.
- Ермолаев 1967 — *Ермолаев В. П.* Давно это было // Улуг-Хем: альманах. 1967. № 9. С. 258–259.
- История Тувы 1964 — *История Тувы: В 2 т. Т. I.* 1-е изд. / под общ. ред. С. К. Тока, Ю. Л. Аранчына и др. М.: Наука, 1964. 456 с.
- История Тувы 2001–2007 — *История Тувы: В 2 т. Т. I.* 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.; *История Тувы: В 3 т. Т. II* / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
- История Тувы 2015 — *История Тувы: В 3 т. Т. I–II.* 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2015. Т. 1. 2015. 363 с.; Т. 2 / под общ. ред. В. А. Ламина. 2015. 427 с.
- Кенин-Лопсан 2002 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Легендарный краевед // Тувинская правда. 2002. 27 июля. С. 3
- Кенин-Лопсан 2013 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Владимир Петрович Ермолаев — знаменитый краевед Тувы // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 7–11.
- Кенин-Лопсан 2007а — *Кенин-Лопсан М. М.* Окно в минувшее: [о выставке в Нац. музее «115 мгновений истории Тувы из коллекции В. П. Ермолаева»] // Тувинская правда. 2007. 28 июля.
- Кенин-Лопсан 2007б — *Кенин-Лопсан М. М.* След на земле. Остановивший мгновения: [о выставке в Нац. музее «115 мгновений истории Тувы из коллекции В. П. Ермолаева»] // Тувинская правда. 2007. 26 июля.
- Кызыл в фотографиях 2014 — *Кызыл в фотографиях В. П. Ермолаева: Альбом* / Национальный музей Республики Тыва; сост. У. Б. Нурзат. Новосибирск: Сибирская гора, 2014. 96 с.
- Лачугина 2006 — *Лачугина А.* Кусочек сердца нам оставил: [о В. Ермолаеве, краеведе, основателе и первом директоре музея] // Люди Центра Азии: 110 очерков и интервью / под ред. Н. М. Антуфьевой. Кызыл: Редакция газеты «Центр Азии», 2006. Т. 3. С. 276–280.
- Магидов 1993 — *Магидов В. М.* Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 36 с.: ил.
- Мазур 2014 — *Мазур Л. Н.* «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 95–108.
- Майны 2013 — *Майны Ш. Б.* В. П. Ермолаев-тин фоточуруктарында каасталга шеверлел уран-чүүлү (= Украшение как часть материальной культуры в фотоколлекции В. П. Ермолаева) // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 45–47.
- Монгуш 2015 — *Монгуш Л. К.* Лечение на ар-жаангах в фотографиях В. П. Ермолаева // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредель-

- ных регионов: опыт и перспективы использования в целях профилактики заболеваний, лечения и реабилитации больных. Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Республика Тыва, озеро Дус-Холь, база отдыха «Силбир», 1–4 июля 2015 г.) / гл. ред. К. Д. Аракчаа. Абакан: Кооператив «Журналист», 2015. С. 232–234.
- Монгуш О. 2013 — *Монгуш О. О.* Фотографии В. П. Ермолаева как исторический источник // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 41–44.
- Монгуш Ч. 2013 — *Монгуш Ч. А.-С.* Тематика некоторых литературных произведений В. П. Ермолаева // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 55–59.
- Ооржак 2009 — *Ооржак А. М.* Фотоматериалы об участии Тувы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в фондах Национального музея Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Часть II. На русс., англ. и тув. яз. / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009. С. 159–161.
- Ооржак 2013 — *Ооржак Ш. Д.* Первая национальная школа города Кызыла в фотографиях В. П. Ермолаева // Первые республиканские Ермолаевские краеведческие чтения, посвященные 120-летию со дня рождения первого директора Национального музея Республики Тыва Владимира Петровича Ермолаева (г. Кызыл, 9–10 октября 2012 г.). Сб. мат-лов / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл: Типография КЦО «Аныяк», 2013. С. 60–61.
- Татаринцева 2001 — *Татаринцева М. П.* Владимир Петрович Ермолаев // Люди и события. Год 2002: Указатель-календарь по Туве на 2002 год / сост.: Л. М. Чадамба, Е. М. Аккыс, М. М. Дамба. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2001. С. 44–47.
- Тува — фронту 2015 — Тува — фронту. Вклад Тувы в борьбу с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны: научно-популяр. источниковед. изд. / под ред. С. К. Шойгу. М.: Красная звезда, 2014. 198 с.: ил.
- Урянхай. Тыва дептер 2007 — Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово/Slovo, 2007. 549 с.
- Фотография 1992 — Фотография. Энциклопедический справочник / П. И. Бояров и др. Минск: Беларуская энцыклапедыя имени Петруся Бровки, 1992. 402 с.
- Хертек 1999 — *Хертек А. С.* Первый директор: [О краеведе В. П. Ермолаеве] // Тувинская правда. 18 мая. С. 3.
- Цуканова 2001 — *Цуканова В. Н.* Фотонегативы в коллекциях музеев исторического профиля: Науч.-метод. реком. / Цуканова В. Н. М.: ГЦМСИР, 2001. 35 с.
- Чаш 1992 — *Чаш Н. Б.* В. П. Ермолаев. К 100-летию со дня рождения // Люди и события. Год 1992: Указатель-календарь по Туве на 1992 год. / сост.: Л. М. Чадамба, Т. Б. Намдак. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1991. С. 19–21.
- Черно-белая Тува 2011 — Черно-белая Тува: незаконченная история...=Black and white Tuva: Unfinished story...: Фотоальбом / авт.-сост. С. Шойгу, дизайн и произв.: А. Агафонов [и др.] М.: МобилАрт, 2011. 239 с.: ил.

References

- [A History of Tuva]. In 2 vols. Vol. 1. 1st ed. S. K. Tok et al. (eds.). Moscow: Nauka, 1964. 456 p. (In Russ.)
- [A History of Tuva]. In 2 vols. Vol. 1. 2nd ed., rev. and suppl. S. I. Vainshtein, M. Kh. Mannay-ool (eds.). Novosibirsk: Nauka, 2001. 367 p. (In Russ.)
- [A History of Tuva]. In 3 vols. Vol. 2. V. A. Lamin (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2007. 430 p. (In Russ.)
- [A History of Tuva]. In 3 vols. Vols. 1, 2. 3rd ed. V. A. Lamin (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2015. Vol. 1, 363 p.; vol. 2, 427 p. (In Russ.)
- [Kyzyl in V. P. Yermolaev's photographs: an Album]. National Museum of the Republic of Tuva. U. B. Nurzat (comp.). Novosibirsk: Sibirskaya Gornitsa, 2014. 96 p. (In Russ.)
- [Photography: an Encyclopedic Directory]. P. I. Boyarov et al. (comps.). Minsk: P. Brovka

- Belarusian Encyclopedia, 1992. 402 p. (In Russ.)
- [The Black and White Tuva: an Unfinished Story...]. A photo album. S. Shoygu (comp.). Moscow: MobilArt, 2011. 239 p. (In Russ.)
- [Tuva – to the Battle Front: Tuva's Contribution to the Struggle against Fascist Occupants during the Great Patriotic War]. A factual historiographical book. S. K. Shoygu (ed.). Moscow: Krasnaya Zvezda, 2014. 198 p. (In Russ.)
- [Uriankhai. Tyva Depter: an Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Land of Tuva and Its Heirs, about Uriankhai – Tannu-Tuva, the Uriankhai People – Tuvans, and Tuva's Antiquities]. In 7 vols. S. K. Shoygu (comp.). Moscow: Slovo/Slovo, 2007. (In Russ.)
- Abilova R. O. [Photography as Source for Everyday Life Studies: Analyzing Contemporary Russian Historiography]. A Cand. Sc. thesis (history) abstract. Kazan, 2017. 26 p. An Internet resource: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/112745/2017-009.pdf?sequence=-1&isAllowed=y> (accessed: February 12, 2019). (In Russ.)
- Balchyyrak Z. K. V. P. Yermolaev's photographs in the history of Chadana and present-day conditions. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 61–65. (In Tuv.)
- Batashev M. S., Martynovich N. V. The collection of glass negatives dealing with ethnography of mid-Siberia's native populations contained in Krasnoyarsk Local History Museum: a history of formation. *Yeniseyskaya provintsiya*. Is. 3. Krasnoyarsk: Astafiev Krasnoyarsk State Pedagog. Univ., 2007. Pp. 95–103. (In Russ.)
- Bicheldey K. A., Chyrgalan S. Yu., Irgit O. Yu. and Kadyg-ool Kh. K. Development of Museum Affairs in the Republic of Tuva: history and present time. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/841> (accessed: June 20, 2019). DOI: 10.25178/nit.2019.2.1
- Budegechieva T. B. The creator of Tuva's photographic chronicle: about V. P. Yermolaev. In: [Treasures of Tuva's Culture]. Moscow: Research and Information Publ. Center, 2006. Pp. 206–207. (In Russ.)
- Chash N. B. V. P. Yermolaev: celebrating the 100th anniversary of birth. In: [Personalities and Events: the Year 1992]. Tuva's 1992 reminder calendar. Pushkin National Library of the Tyva Republic. L. M. Chadamba, T. B. Namdak (comps.). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1991. Pp. 19–21. (In Russ.)
- Dugar-Syuryun A. M. History of the republic mirrored in eyewitness photo documents of V. P. Yermolaev. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 18–21. (In Russ.)
- Dyrtk-ool A. O. Vladimir P. Yermolaev — first director of the Tuvan Museum. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 11–13. (In Russ.)
- Dyrtk-ool M. O. Academic descriptions of V. P. Yermolaev's photo materials revisited. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 65–68. (In Russ.)
- Dyrtk-ool M. O. Pioneers as a sociocultural phenomenon in the Tuvan society (from the funds of the National Museum of the Republic of Tuva). *Tomsk State University Journal*. 2016. No. 3 (23). Pp. 172–174. An Internet resource: <https://cyberleninka.ru/article/v/fotoistochniki-po-istorii-pionerskogo-dvizheniya-v-tuve-1920-1940-h-gg-methods> (accessed: February 10, 2019). (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. The legendary local history expert. *Tuvinskaya pravda*. 2002, July 27. P. 3. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. Vladimir P. Ermolaev — the famous chronographer of Tuva. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 7–11. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. M. A trace on the Earth: he who seized the moment: about the exhibition '115 Glimpses of Tuva's History from

- V. P. Yermolaev's Collection'. *Tuvinskaya pravda*. 2007, July 26. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. M. A window to the past: about the exhibition '115 Glimpses of Tuva's History from V. P. Yermolaev's Collection'. *Tuvinskaya pravda*. 2007, July 28. (In Russ.)
- Khertek A. S. The first director: about the local history expert V. P. Yermolaev. *Tuvinskaya pravda*. 1999, May 18. P. 3. (In Russ.)
- Lachugina A. 'He who left us a piece of his heart': about V. Yermolaev, the local history expert, founder and first director of the museum. In: [People from the Center of Asia: 110 Essays and Interviews]. N. M. Antufieva (ed.). Kyzyl: Tsentr Azii, 2006. Vol. 3. Pp. 276–280. (In Russ.)
- Magidov V. M. [Film and Photo Documents: Problems of Historiography, Archivistics and Source Studies]. A Dr. Sc. thesis (history) abstract. Moscow, 1993. 36 p. An Internet resource: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/kinofotofonodokumenty-problemy-istoriografii-arhivovedeniya-i-istchnikovedeniya.html> (accessed: February 10, 2019). (In Russ.)
- Mayny Sh. B. Revisiting V. P. Yermolaev's photo materials. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 45–47. (In Russ.)
- Mazur L. N. 'The visual turn' in historical science at the turn of the 21st century: seeking for new research methods. *Dialog so vremenem*. 2014. Is. 46. Pp. 95–108. An Internet resource: http://roii.ru/publications/dialogue/article/46_10/mazur_l.n./the-visual-turn-in-historical-sciences-at-the-late-20th-early-21st-cc-the-search-of-new-research-methods (accessed: February 13, 2019). (In Russ.)
- Mongush Ch. A.-S. V. P. Yermolaev's literary compositions: some topics revisited. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 55–59. (In Russ.)
- Mongush L. K. Arzhaan curing practices in V. P. Yermolaev's photographs. In: [Health Resorts, Health-and-Recreation Areas of Tuva and Adjacent Regions: Experience and Prospects of Use for Disease Prevention, Medical Treatment and Rehabilitation]. Conf. proc. (Republic of Tuva, Lake Dus-Khol, Silbir Resort; July 1–4, 2015). K. D. Arakchaa (ed.). Abakan: Zhurnalst, 2015. Pp. 232–234. (In Russ.)
- Mongush O. O. V. P. Yermolaev's photographs as a historical source. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 41–44. (In Russ.)
- Oorzhak A. M. Photo materials about Tuva's participation in the Great Patriotic War of 1941–1945: collections of the National Museum of the Republic of Tuva. In: [The Heritage of Central Asian and Neighboring Peoples: Investigation, Preservation and Use]. Conf. proc. (Kyzyl; September 9–10, 2009). In 2 parts. Part II. U. B. Nurzat (comp.). Kyzyl: Anyyak, 2009. Pp. 159–161. (In Russ., Eng. and Tuv.)
- Oorzhak Sh. D. The first national school of Kyzyl in V. P. Yermolaev's photographs. In: [First Republican Yermolaev Local History Readings Celebrating the 120th Anniversary of V. P. Yermolaev's Birth]. Coll. papers. (Kyzyl; October 9–10, 2012). Nurzat U. B. (comp.). Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Kyzyl: Anyyak, 2013. Pp. 60–61. (In Russ.)
- Tatarintseva M. P. Vladimir P. Yermolaev. In: [Personalities and Events: the Year 2002]. Tuva's 2002 reminder calendar. Pushkin National Library of the Tyva Republic. L. M. Chadamba et al. (comps.). Kyzyl, 2001. Pp. 44–47. (In Russ.)
- Tsukanova V. N. [Photo Negatives in Collections of Historical Museums: Recommended Practices]. Moscow: State Central Museum of Contemporary History, 2001. 35 p. (In Russ.)
- Yermolaev V. P. 'That was long ago'. *Ulug-Khem: almanac*. 1967. No. 9. Pp. 258–259. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 682–690, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-682-690
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3+811.512.31

Квасисинонимические уступительные конструкции в бурятском языке

Надежда Баировна Даржаева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047
 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-1701-2329. E-mail: dnadezhda@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Синтаксис сложного предложения в языках алтайской языковой общности характеризуется наличием большого количества синонимических конструкций, которые на определенном этапе их изучения следует дифференцировать с целью, во-первых, выявления системообразующих оппозиций, во-вторых, определения вектора развития конкретной конструкции. Гипотеза исследования состоит в признании таких конструкций квазисинонимическими, т. е. не полными синонимами, различающимися теми или иными оттенками значения или стиля. В статье впервые в монголоведении предпринимается попытка дифференциации квазисинонимических полипредикативных конструкций со значением уступки. В современном бурятском языке уступительно-противительные отношения выражаются четырьмя разноструктурными конструкциями: с деепричастием на *-башье*, с частицами *haa* и *-шье*, с уступительно-противительной скрепой *aad*, бифинитной конструкцией со скрепами на базе служебного глагола говорения *гэ-*. *Материалы и методы.* Материалом исследования послужили примеры из бурятских художественных произведений, размещенных в Электронном корпусе бурятского языка. Использование методов контекстного анализа, интроспекции и лингвистического эксперимента позволило вскрыть ранее не описанные дифференциальные признаки. *Результаты.* Нам удалось выявить разного рода семантические оттенки: принципиальная монотематичность, расширенный временной интервал между событиями, осложнение модальным компонентом. Таким образом, дифференциация квазисинонимических конструкций способствует уточнению и нормированию отношений между ними.

Ключевые слова: уступительные конструкции, стилистическая и семантическая дифференциация, квазисинонимические полипредикативные конструкции, синтаксис монгольских языков

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации № ААА-А-А17-117021310266-8).

Для цитирования: Даржаева Н. Б. Квасисинонимические уступительные конструкции в бурятском языке. Oriental Studies. 2019;(4):682-690. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-682-690.

Quasi-Synonymous Concessive Constructions in the Buryat Language

Nadezhda B. Darzhaeva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 677047, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0002-1701-2329. E-mail: dnadezhda@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The syntax of the complex sentence in Altaic languages is characterized by a large number of synonymous constructions. *Goals.* The paper seeks to differentiate the synonymous constructions, firstly, to systemically identify important oppositions and, secondly, to determine development vectors of certain constructions. The study hypothesizes such constructions as actually quasi-synonymous, i.e. those are not complete synonyms and differ in shades of meaning or style. For the first time in Mongolian studies, the paper attempts to differentiate quasi-synonymous poly-predicative constructions with concessive meanings. In modern Buryat, concessive-adversative relations are expressed by four structurally different constructions, namely: ones containing adverbial participles ending with *-bashye* (*-башье*), ones with the particles *yaa* and *-shye* (*haa*, *-шье*), ones with the concessive-adversative particle *aad* (*аад*), and ones containing the bifinite construction with particles on the basis of the service verb of saying *-ge* (*гэ-*). The study investigates examples from Buryat imaginative literature placed in the online Buryat corpus. *Methods and results.* The use of methods of contextual analysis, introspection and linguistic experiment makes it possible to identify various semantic shades, such as principal mono-subjectivity, an extended time interval between events, and a complication with the modus component. Thus, the differentiation of quasi-synonymous constructions contributes to the refinement and rationing of relations between them.

Keywords: concessive constructions, stylistic and semantic differentiation, quasi-synonymous poly-predicative constructions, syntax of Mongolic languages

Acknowledgements: The research was conducted within the state assignment of FASO of Russia (project XII.193.1.5. 'Mentality of Mongolic Peoples in the Mirror of Language'. State Reg. No. AAAA-A17-117021310266-8).

For citation: Darzhaeva N. B. Quasi-Synonymous Concessive Constructions in the Buryat Language. *Oriental Studies*. 2019;(4): 682-690. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-682-690.



Введение. В современном языкознании есть немало работ, посвященных уступительному смыслу. В. Ю. Апресян в своей статье «Уступительность как системообразующий смысл» [Апресян 2006: 87] выделяет два важнейших подхода в исследовании этого смысла: семантический (реализован в работах: [König 1991; Ляпон 1986; Теремова 1986; Храковский 1998; Урысон 2002]) и риторический (реализован в работах [Wierzbicka 1987; Арутюнова 1988; Паршин 1988; Булыгина, Шмелев 1997]). Первые анализируют прежде всего семантику отдельных уступительных единиц, вторые — их роль в построении диалога и полемики.

Уступительными называются сложные отношения, сочетающие компоненты причинного, условного и противительного значений (несоответствие ожиданиям) и отображающие неестественное, конфликтное сосуществование или следование ситуаций [Типология уступительных ... 2004: 10] — 'хотя..., но'. Подобное определение находим и у Л. Г. Валиевой: «Уступительные отношения строятся на противопоставлении двух ситуаций, формируются на базе условных, причинно-следственных, противительных значений» [Валиева 2014: 103].

Уступительные предложения традиционно включаются в группу предложений

обусловленности, но при этом они противопоставляются причинно-следственным, целевым и условным, основанным на идее порождения ситуации-2 ситуацией-1. Некоторые исследователи не согласны с тем, что уступительные отношения входят в круг значений обусловленности, считая, что «уступительное значение на эту идею не опирается, а скорее отталкивается от нее, поскольку ситуация-2 возникает в этом случае вопреки существованию ситуации-1, которая является не порождающей ситуацию-2, а так или иначе препятствующей ее реализации. По существу, уступительные отношения есть отношения „антиобусловленности“» [Шувалова 1990: 55].

В ситуации уступки естественно ожидаемое следствие опускается, и по какой-то превосходящей причине происходит иное событие-следствие. Другими словами, обязательным компонентом уступительности признается смысл «вопреки ожидаемому» [Русская грамматика 1980: 586; Ляпон 1986: 137]. В пресуппозиции говорящего существует некая ожидаемая связь (априорная истина по определению М. В. Ляпон [Ляпон 1986: 137]), которая не находит выражения в высказывании, а постулируется совершенно противоположная истина — актуальная.

Как пишут авторы монографии «Типология уступительных конструкций», «концепт ‘уступительное значение’ является родовым и реализуется в виде концептов ‘причинно-уступительное значение’ и ‘условно-уступительное значение’, причем последний концепт представлен двумя разновидностями: ‘реальное (выполнимое) условно-уступительное значение’ и ‘ирреальное (невыполнимое) условно-уступительное значение’» [Типология уступительных... 2004: 14].

Отметим еще, что в русской грамматике отдельно рассматриваются уступительные конструкции (подчинительные) и противительные (сочинительные). Для бурятского языка противопоставление сочинения и подчинения структурно нерелевантно; серьезных семантических оснований за этим противопоставлением нет, только прагматические (большее логическое ударение на первой части — уступка — или на второй части, противительность). Поэтому мы рассматриваем такие конструкции вместе. Материалом для исследования послужили при-

меры из бурятских художественных произведений, размещенных в Электронном корпусе бурятского языка (ЭКБЯ).

Основная часть

В современном бурятском языке уступительно-противительные отношения выражаются следующими конструкциями:

1. С уступительным деепричастием на *-бАшье*:

(МФ) [...V-*бАшье* (ГПЕ)] ‘хотя’

(РСФ) [(N-NOM/GEN↔ V-*бАшье*) (ГПЕ)] ‘хотя’.

2. С условной частицей *haa* и уступительной частицей *-шье*:

[(N-GEN↔) V-PC-*шье*-(NEG) *haa*-a-POSS) (ГПЕ)] ‘хотя (не)’.

3. С уступительно-противительной скрепой *aad*:

[(N-NOM↔) V-PC-(NEG) *aad*) (ГПЕ)] ‘хотя (сначала), но (потом)’.

4. Бифинитной конструкцией со скрепами на базе служебного глагола говорения *гэ*- в уступительных формах, чаще всего — с показателем уступительного деепричастия:

(ПЕ) *гэбэшье* ~ *гэһэн aad*~ *гээшье haа* (ПЕ).

Отметим, что все уступительные конструкции однозначно специализированы — в первую очередь за счет присутствия уступительной частицы *-шье*.

Все четыре конструкции являются устойчивыми квазисинонимическими единицами. Две первые конструкции в современном бурятском языке являются чрезвычайно частотными и конкурентными между собой (около 800 примеров в ЭКБЯ на каждую). Однако Н. Н. Поппе в 1938 г. в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» писал о принадлежности уступительной формы на *-бАшье* баргузинскому, цонгольскому, сартульскому, боханскому и эхиритскому говорам, а формы *-шье haа* — литературному языку, агинскому и западным говорам [Поппе 1938: 226].

Скрепка *aad* рассматривается в числе причинных (причина с несоответствием ожиданиям); но причинное значение у нее вторично, а противительное — первично, поэтому ее нельзя считать неспециализированной. Это естественное следствие того, что уступительное значение является исторически поздним, сложным и комбинированным.

Итак, конструкция с деепричастием на *-баашье* обычно передает действие, произошедшее и завершившееся незадолго до наступления главного, но еще актуальное на

момент его наступления. Отличительными чертами этой конструкции являются книжное употребление и выражение подлежащим только 3-го лица:

- (1) *Дунд-аа* *тэдэ-нэй* *хэлсэ-һэн* *үг-ые* *хоёр*
 середина-refl они-gen говорить-рс.pst слово-асс два
шэх-ээр-ээ *дуула-баашье,* *Нина* *этигэ-бэ-гүй.*
 ухо-ins-refl слышать-cvb Нина верить-pst-neg [3sg/pl]
 ‘Хоть и слышала своими ушами слово, сказанное ими между собой, Нина не поверила’² [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. *Түрэл нютагһаа холо*. 1958].

С формами длительности в зависимой части события ЗПЕ и ГПЕ происходят одновременно:

- (2) *Катер* *онгосо* *холошог* *тамар-жа* *яба-баашье,*
 катер лодка далеко плавать-cvb аух-cvb
тэрэ-нэй *мотоор-ынь* *уһан* *дээгүүр* *холуур*
 он-gen мотор-poss3 вода pstp далеко
сууряата-ха *юм.*
 раздаваться-рс.fut pcl
 ‘Хотя катер плывет далеко от берега, звук его мотора далеко раздается над водой’ [ЭКБЯ. Ц.-Ж. Жимбиев. *Урасхал*. 1973].

В конструкции с причастиями в сопровождении сочетания *-шье һаа* самой частотной является форма *-АА-шье һаа* (напомним, что Д. Д. Амоголонов и Т. А. Бертагаев уже предлагали считать ее уступительным деепричастием [Амоголонов 1958: 213; Бертагаев 1968: 27]. Ранее диалектная разговорная форма переходит в литературный язык в связи с выбором хоринского диалекта в качестве его основы. У этой конструкции самая широкая сфера употребления: она встречается со всеми тремя типами значений (причинно-уступительное,

условно-уступительное реальное и ирреальное). Это не случайно — морфологически она производна от условной конструкции за счет введения уступительной частицы *-шье*. Условия появления этих трех вариантов значения близки тем, что были описаны для тюркских языков [Типология уступительных... 2004: 425–452]: здесь важна форма сказуемого главной части. Так, формы не-будущего времени (прошедшего, настоящего, настоящего расширенного) однозначно задают причинно-уступительное значение:

- (3) *Дабаа-Жалсан* *табан* *кило* *табан* *зуун* *грамм*
 Дабаа-Жалсан пять кило пять сто грамм
нооһо *хайшал-аа-шье* *һаа,* *мүрүсөөн-дэ* *адагай*
 шерсть состригать-рс.prs-pcl pcl соревнование-dat последний
һуури *эзэл-нэ* *ха* *юм.*
 место занимать-prgs pcl pcl [3sg/pl]
 ‘Дабаа-Жалсан хотя и состригает пять килограммов пятьсот граммов шерсти, а в соревновании занимает последнее место’ [ЭКБЯ. Б. Мунгонов. *Баян зүрхэн*. 1979].

Кроме того, в отличие от деепричастной конструкции, подлежащее здесь может выражать 1 и 2-е лицо.

Однако намного чаще встречаются при-

меры с отрицанием в зависимой предикативной единице (ЗПЕ) — в них, как нам представляется, выражается более жесткая связь между событиями, близкая к ‘несмотря на’:

¹ Здесь и далее перевод мой. — Д. Н.

- (4) *тэдэ-нэр* *үшөө* *нэгэ* *хон-оод* *лэ,* *эсэгэ-тэ-еэ*
они-pl еще один ночевать-cvb pcl отец-com-refl
уулз-аа-гүй-шье *haa,* *буса-ха* *гэжэ*
встречаться-рс.prs-neg-pcl pcl возвращаться-рс.fut comp
ишидэ-бэ-д
решать-pst-pl
‘Они переночевали еще одну ночь и, хотя и не встретились со своим отцом, решили вернуться’ [ЭКБЯ. Ц.-Ж. Жимбиев. *Урасхал*. 1973] — решение далось нелегко.

- (5) *Арга* *хээ-гүй-шье* *haa,* *үбшэн-ише-нь*
лечение делать:рс.prs-neg-pcl pcl болезнь-acc-poss3
хүнгэн *болг-оо-т*
легкий делать-рс.prs-2pl
‘Хотя Вы и не лечили, но облегчили ему болезнь’ [ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. *Түрэл ню-тагхаа холо*. 1958] — даже без лечения облегчил состояние.

Формы будущего времени и императива в главной части задают условно-уступительное реальное прочтение конструкции:

- (6) *Энэ* *ороолон шүдхэр-эй* *эхэнэр* *шэнги* *хоолой-гоор*
Этот упырь-gen женщина pstp голос-ins
хашихар-аа-шье *haa-нь,* *таанад* *бү* *ер-ээрэй-гты!*
кричать-рс.prs-pcl pcl-poss3 вы neg приходить-imp-2pl
‘Даже если этот упырь закричит женским голосом, вы не приходите!’ [ЭКБЯ. Шадаев А. *Алтан үндэгэн*. 1967].

Как видим, в отличие от предыдущей группы примеров, здесь в зависимой части задается не единственная «антипричина», а альтернативная пара возможностей — упырь может закричать, а может и не закричать, но в любом случае приходить нельзя. Еще пример с 1-м лицом подлежащего:

- (7) *Бидэ* *хурдан* *морин-ой* *хойнохоо* *гүй-гөө-шье* *haa,*
мы быстрый конь-gen pstp бежать-рс.prs-pcl pcl
хээзэ-шье *түрүүл-хэ-бди*
когда-pcl обгонять-рс.fut-1pl
‘Даже если мы побежим за быстрым конем, в любой момент обгоним’ [ЭКБЯ. Шадаев А. *Алтан үндэгэн*. 1967].

Значение акцентированного утверждения выражается, как и в русском языке, контекстно: «... ситуация, представленная в придаточной части, имеет гиперболический характер и часто вообще отвергается. Тем самым усиливается убедительность утверждаемого в главной части» [Русская грамматика 1980: 589]. Пример:

- (8) *Намайе* *мянга-шье* *дахин* *ур-яа* *haa-и*
меня тысяча-pcl раз приглашать-рс.prs pcl-2sg
ошо-хо-гүй-б
идти-рс.fut-neg-1sg
‘Даже если хоть тысячу раз ты меня пригласишь, я не пойду’ [ЭКБЯ. Ц. Шагжин. *Эй даа, Базар, Базар*. 1966].

Наконец, формы сослагательного наклонения в главной части задают ирреальное условно-уступительное значение:

- (9) ...*Эсэг-ые-шни* *үдэшэ-жэ* *ошо-хо* *hanaa-тай-шье*
отец-acc-poss2sg провожать-cvb идти-pc.fut желание-prop-pcl
- haa-мни,* *бархир-даг,* *муу ёртой* *ухибүү-е-мни*
pcl-poss1sg плакать-pc.hab вредный ребенок-acc-poss1sg
- хэн* *хахи-жа* *үлэ-хэ* *бай-гаа-б* *даа*
кто присматривать-cvb оставаться-pc.fut aux-pc.prs-pcl pcl
- ‘Даже если бы я хотела сопровождать твоего отца, кто остался бы присматривать за моим пласивым, вредным ребенком?’ [ЭКБЯ. Тулаев В. *Алтан хараасгай*. 1979].

Полисемантическая скрепа *aad*, традиционно называемая противительным союзом, способна, как описано выше, передавать также причинные и условные отношения. В определенном контексте она выражает уступительно-противительное значение ‘*хотя...*, *но*’: в обеих ПЕ описываются противоположные события, в главной части происходит событие вопреки ожиданиям. В этой конструкции обязательно наличие одного под-

лежащего (моносубъектность), ср. сочетание *хотя* с союзом *но* в уступительных структурах русского языка [Николаева, Фужерон 1999: 23]. Условно-уступительное здесь невозможно ни в реальном, ни, тем более, в ирреальном варианте; действие зависимой части всегда фактивно. Поэтому временная форма главного глагола не имеет значения, уступительно-противительное прочтение сохраняется в любом случае. Сравним:

- (10) *Зүүн* *дала-нь* *аймшагтай* *ехээр* *холо-һон*
левый лопатка-poss3 страшный много натереть-pc.pst
- aad,* *эдэг-ээ*
pcl выздороветь-pc.prs[3sg/pl]
- ‘Хотя его левая лопатка чрезвычайно сильно была натерта, но зажила’
[ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. *Хүлэг инсагаална*. 1974].
- (11) *Уншалга-яа* *үни* *дүүргэ-һэн* *aad,* *манжал-хаяа*
молебен-refl давно закончить-pc.pst pcl пить чай-pc.fut:acc
- яара-на-гүй*
торопиться-prs-neg[3sg/pl]
- ‘Хотя (он) давно закончил свой молебен, но не торопится пить чай’
[ЭКБЯ. Б. Санжин, Б. Дандарон. *Заяанай зам*. 1966].

Фактивность подчеркивается еще и тем, что появление форм сослагательного наклонения у главного глагола с зависимой частью этой структуры невозможно:

**Доржо мунгөө абаа-шье-гүй aad, ухибүүдтээ заал хаа бэлэг асар-ха һэн* —

‘Даже если бы Доржо не получил денег, он бы обязательно купил детям подарок’.

По мнению информантов, такая зависимая часть обязательно получает следующее продолжение:

- (12) *Доржо* *мунг-өө* *аб-аа-шье-гүй* *aad,*
Доржо деньги-refl брать-pc.prs-pcl-neg pcl
- ухибүү-д-т-ээ* *бэлэг* *асар-аа* *һэн*
ребенок-pl-dat-refl подарок приносить-pc.prs pcl
- ‘Доржо хоть и не получил деньги, но подарок детям принес’.

Также в отличие от других уступительных конструкций, в конструкции с *aad* временной интервал между событиями обычно

растянут (10), поэтому следующие примеры выглядят несколько странными:

*Зүүн дала-нь	аймшагтай	ехээр	холо-бошье,	эдэг-ээ
*Зүүн дала-нь	аймшагтай	ехээр	холоо-шье хаа,	эдэг-ээ

Более естественно для них продолжение типа *хордо-но-гүй* ‘не щиплет’, *үбдэ-нэ-гүй* ‘не болит’.

Уступительно-противительные конструкции со скрепами на базе служебных глаголов, образованные от дицендиального глагола *гэ-*, соединяют либо части собственно сложных предложений (бифинитные конструкции), либо текстовые отрезки. В бифинитных конструкциях чаще всего

встречается скрепа *гэбэшье*, имеющая два типа дистрибуции. Во-первых, она может располагаться в конце линейно первой части: здесь еще можно соотнести ее с уступительной деепричастной формой от глагола *гэ-* ‘говорить, сказать’:

(13)	Энэ англи	хэлэн-шинь	хүн-эй	хэлэ	ама-яа
	этот английский	язык-poss3	человек-gen	язык	рот-refl
	эбдэ-жэрхи-хээр	гэ-бэшье,	бүхы	хурагша-д-ынь	багша-яа
	ломать-intens-prs.pot	pcl	все	ученик-pl-poss3	учитель-refl
	дабта-н	дарья-на-д			
	повторять-cvb	галдеть-prs-pl			

‘Хотя (можно сказать, что) на этом их английском (языке) можно язык сломать, все ее ученики галдят, повторяя за учителем’ [ЭКБЯ. Ц.-Ж. Жимбиев. *Урасхал*. 1973].

В этом случае, как представляется, основа глагола говорения *гэ-* привносит дополнительный модусный компонент — подчеркивание индивидуальной интерпретации событий со стороны самого говорящего, автора текста.

Однако гораздо чаще (в соотношении 1:16) скрепа *гэбэшье* употребляется в начале линейно второй части, либо следующего отрезка текста, выражая значение ‘тем не менее, несмотря на’ (по мнению М. В. Ляпон, в русском языке уступительное зна-

чение в чистом виде выражается союзом *несмотря на то, что* и его семантически эквивалентами [Ляпон 1986: 139]). Такое употребление сходно с употреблением скрепы *тийгэбэшье* от местоименного глагола *тийгэ-*, т. е. можно предполагать лексикализацию данной формы в качестве уступительно-противительного связующего средства. Противительного — поскольку перенос скрепы в линейно вторую часть связан также с переносом логического выделения:

(14)	Тэнгэри-ин зүүн	хаяа	сай-жа	эхилэ-нхэй.	Гэ-бэшье
	небо-gen	восточный край	белеть-cvb	начинать-prs.res	conj
	холо	хара-х-ын	аргагүй	үшөө-л	
	далеко	видеть-prs.fut-gen	невозможно	еще-pcl	

бүрэнхы зандаа
темный pstp

‘Восточный край неба уже начал светать. Но, тем не менее, невозможно видеть далеко, все еще темно’ [ЭКБЯ. Г.-Д. Дамбаев. *Эжын хоер*. 1982].

Скрепы *гээ-шье хаа*, *гэ-һэн аад*, в которых прослеживается связь с глаголом речи *гэ-*, встречаются гораздо реже, форма *гэ-һэн аад* с причастием будущего времени грамматизируется в качестве противительного союзного слова.

Таким образом, в первом типе конструкций скрепа *гэбэшье* сигнализирует о присутствии субъективной интерпретации

событий, во втором — представляет собой грамматизировавшееся союзное средство выражения уступительно-противительных отношений уже на уровне текста.

Заключение. Из четырех квазисинонимических конструкций уступки деепричастная конструкция на *-башье* ограничена книжным стилем употребления и преимущественно выражает причинно-у-

ступительные отношения, а также подлежащее в ней выражает только 3-е лицо. Принципиально моносубъектная конструкция с *aad* акцентирована на выражении уступительно-противительных отношений с расширенным временным интервалом между событиями. Скрепка *гэбэшье* в линейно первой части конструкции, передавая уступительное значение, сохраняет модальный компонент значения 'хотя можно

сказать, что...'. К продуктивному ядру относится конструкция со скрепой *-АА-шье haa*, способная выражать как причинно-уступительные, так и условно-уступительные реальные и ирреальные значения (в зависимости от формы глагола-сказуемого в главной части). Таким образом, дифференциация квазисинонимических конструкций способствует уточнению и нормированию отношений между ними.

Сокращения

МСФ — моносубъектная фраза
РСФ — разносубъектная фраза
ГПЕ — главная предикативная единица
ЗПЕ — зависимая предикативная единица

Глоссы

V — глагол, глагольная основа
N — имя
A — прилагательное
L — лексема
NOM — неопределенный падеж
GEN — родительный падеж
ACC — винительный падеж
DAT — дательный-местный падеж
ABL — исходный падеж
INS — орудный падеж
COM — совместный падеж
SG — единственное число
PL — множественное число
PASS — страдательный залог, пассив
INTENS — интенсивное действие
SOC — совместное действие
PST — прошедшее время
PRS — настоящее время
FUT — будущее время
PCL — частица
PSTP — послелог
REFL — притяжание
POSS — личное притяжание
CVB — деепричастие
PC — причастие

Источники

ЭКБЯ — Электронный корпус бурятского языка [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 20.06.2016–24.09.2016).

Sources

[Online Corpus of the Buryat Language ('The Buryat Corpus')]. An Internet resource: [http://](http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru)

web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru (accessed: June 20, 2016 – September 24, 2019). (In Bur.)

Литература

- Амоголонов 1958 — Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. 336 с.
- Апресян 2006 — Апресян В. Ю. Уступительность как системообразующий смысл // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 85–111.
- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Бертагаев 1968 — Бертагаев Т. А. Бурятский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л.: Наука, ЛО, 1968. С. 13–33.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
- Валиева 2014 — Валиева Л. Г. Кондициональные и уступительные отношения в тюркских языках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 100–104.
- Ляпон 1986 — Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
- Николаева, Фужерон 1999 — Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 17–37.
- Паршин 1988 — Паршин П. Б. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функциональное лексемы *хоть*) // Референция и проблемы текстообразования. Логический анализ языка. М.: Наука, 1988. С. 146–168.

- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Грамматика бурят-монгольского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика.* М.: Наука, 1980. 709 с.
- Теремова 1986 — *Теремова Р. М.* Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л.: Ленингр. пединститут им. А. И. Герцена. 1986. 75 с.
- Типология уступительных... 2004 — *Типология уступительных конструкций.* СПб.: Наука, 2004. 625 с.
- Урысон 2002 — *Урысон Е. В.* Союз *хотя* сквозь призму семантических примитивов // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 35–54.
- Храковский 1998 — *Храковский В. С.* Теоретический анализ условных конструкций // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.
- Шувалова 1990 — *Шувалова С. А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М.: Изд-во МГУ, 1990. 159 с.
- König 1991 — *König Ekkehard.* Concessive relations as the dual of causal relations // Semantic universals and universal semantics / D. Zafferer (ed.), Dordrecht: Foris, 1991. Pp. 190–209.
- Wierzbicka 1987 — *Wierzbicka A.* English speech act verbs: a semantic dictionary. Sydney: Academic press, 1987. 397 p.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Language Conceptualization of the World: a Case Study of Russian Grammar]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury, 1997. 576 p. (In Russ.)
- Khrakovsky V. S. Theoretical analysis of conditional structures. In: [Typology of Conditional Constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1998. Pp. 7–96. (In Russ.)
- König Ekkehard. Concessive relations as the dual of causal relations. In: Semantic Universals and Universal Semantics. D. Zafferer (ed.). Dordrecht: Foris, 1991. Pp. 190–209. (In Eng.)
- Lyapon M. V. [The Semantic Structure of Complex Sentences and Text: Typology of Intertextual Relations Revisited]. Moscow: Nauka, 1986. 200 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M., Fuzheron I. Some observations on the semantics and status of complex sentences with concessive conjunctions. *Voprosy Jazykoznanija*. 1999. No 1. Pp. 17–37. (In Russ.)
- Parshin P. B. Concession and anti-concession in the deontic dialogue (functioning of the lexeme *хоть* 'though'). In: [Referencing and Text Production Issues. Logical Analysis of Language]. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 146–168. (In Russ.)
- Poppe N. N. [Buryat-Mongolian Grammar]. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1938. 268 p. (In Russ.)
- Shuvalova S. A. [Semantic Relations in Complex Sentences and Their Expression] Moscow: Moscow State Univ., 1990. 159 p. (In Russ.)
- Teremova R. M. [Semantics of Concessiveness and Its Expression in Modern Russian]. Leningrad: Herzen Leningrad Pedagogical Inst., 1986. 75 p. (In Russ.)
- Uryson E. V. The conjunction *хоть* 'though' through the prism of semantic primitives. *Voprosy Jazykoznanija*. 2002. No. 6. Pp. 35–54. (In Russ.)
- Valieva L. G. Conditional and concessive relations in Turkic languages. *Proceedings of Voronezh State University. Ser. 'Linguistics and Cross-Cultural Communication'*. 2014. No. 2. Pp. 100–104. (In Russ.)
- Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: a Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 397 p. (In Eng.)

References

- [Russian Grammar]. Moscow: Nauka, 1980. 709 p. (In Russ.)
- [Typology of Concessive Constructions]. St. Petersburg: Nauka, 2004. 625 p. (In Russ.)
- Amogolonov D. D. [The Modern Buryat language]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1958. 336 p. (In Russ.)
- Apresyan V. Yu. Concessiveness as a meaning to create the system. *Voprosy Jazykoznanija*. 2006. No. 2. Pp. 85–111. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. [Types of Linguistic Meanings: Assessment, Event, Fact]. Moscow: Nauka, 1988. 341 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. The Buryat language. In: [Languages of the Soviet Peoples]. Vol. 5. Leningrad. 1968. Pp. 13–33. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 691–707, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 881.512.156

Числительные в топонимах Тувы

Кара-оол Любовь Салчаковна¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

ORCID: 0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Как для топонимов любого региона, географическая среда является первичной основой, на которой развились топонимы Тувы, но в данной статье автор изучает топонимы с иной семантикой, поэтому основной *целью* данного исследования является анализ топонимов с числительными, с уточнением лексического значения и этимологии его компонентов, вторичности или первичности возникновения топонимических метонимий, ареала распространения некоторых странствующих тюркских географических названий среди топонимов Тувы. *Материалом* для статьи послужили полевые материалы автора, собранные во время комплексных и диалектологических экспедиций с 1999 по 2018 годы, а также примеры, извлеченные из «Топонимического словаря Тувы» Б. К. Ондар. *Результаты.* На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что топонимах с числительными количественный показатель а) точно определяет число географических объектов, б) передает значение 'несколько', в) передает значение 'много', д) с неясным количественным показателем. В качестве первого компонента сложных топонимов выступают общетюркские числительные, за исключением *сая* 'миллион', который заимствован из тибетского посредством монгольского языка, а вторыми компонентами являются общетюркские названия географических объектов, деревьев, а также незначительное число монголизмов или тюрко-монгольских слов, относящиеся к другим лексическим группам слов. Среди топонимов Тувы с числительными зафиксированы несколько странствующих тюркских географических названий, ареалом распространения которых являются Горный Алтай, Казахстан, Киргизия, Хакасия и Кавказские Минеральные Воды.

Ключевые слова: топонимы, числительные, значение, компоненты, тувинский язык, общетюркские лексемы, тюрко-монгольские лексемы, монголизмы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073 («Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии»).

Для цитирования. Кара-оол Л. С. Числительные в топонимах Тувы. Oriental Studies. 2019; (4): 691-706. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706.

Numerals in Toponyms of Tuva

Liubov S. Kara-ool¹

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: 0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61@mail.ru

Abstract. *Introduction.* When it comes to Tuvan toponymy it is, as usual, the geographical environment that served as the primary basis for its development, but this article studies place-names with different semantics. *Goals.* The paper basically aims to analyze place-names containing numerals, clarify lexical meanings and etymologies of their components, identify some secondary or primary nature of the emerged toponymic metonymies, delineate the distribution area of some ‘wandering’ Turkic geographical names among Tuva’s toponyms, and ascertain the history of their emergence. *Materials.* The article examines the author’s field data collected during comprehensive research expeditions undertaken between 1999 and 2018, as well as examples extracted from *The Toponymic Dictionary of Tuva* by B. K. Ondar. *Results.* The study concludes that in numerals-containing toponyms the quantitative element — a) accurately specifies the number of geographical objects; b) expresses the meaning ‘several’; c) expresses the meaning ‘a lot’; e) and acts as an unclear quantitative indicator. First components of complex toponyms are usually common Turkic numerals, the exception to this being *saya* ‘million’ borrowed from Tibetan through Mongolian, while latter components are common Turkic names of geographical objects, trees, including a small number of Mongolisms or Turko-Mongolisms related to other lexical clusters. Tuva’s numerals-containing place-names comprise a number of ‘wandering’ Turkic geographical names to be traced throughout the Altai, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Khakassia, and the Caucasian Mineral Waters.

Keywords: place names, numerals, meaning, components, Tuvan language, common Turkic lexemes, Turko-Mongolic lexemes, Mongolisms

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00073 (‘Transformation Processes in Onomastics of the Peoples of Central Asia: History and Modernity (on the Example of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia)’).

For citation: Kara-ool L. Numerals in Toponyms of Tuva. *Oriental Studies*. 2019; (4): 691–706. DOI: 10.22162/2619-0990-44-4-691-706.



Введение

Топонимы в тувинском языке, как и в других языках, относятся к древним пластам лексики тувинского языка и отражают географические и биологические особенности Тувы, богатую историю, материальную и духовную культуру тувинского народа, а также лексические особенности языка.

Из истории изучения топонимии в тувинском языке. Топонимы Тувы впервые зафиксированы в орхоно-енисейских памятниках [Кормушин 1997; Кормушин 2008]; многие географические объекты отмечены в картах русских путешественников Л. Э. Шварца [Шварц 1864],

Н. Ф. Веселкова [Веселков 1871] и др.; зафиксированы в неоценимых материалах экспедиций Г. Н. Потанина [Потанин 2007], А. В. Потаниной [Потанина 2003], Е. К. Яковлева [Яковлев 1900], Н. Ф. Катанова [Катанов 1903], Вс. Родевича [Родевич 2003], Д. Каррутерса [Каррутерс 2007], Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 2007], Ф. Кона [Кон 1934], а также в отчетах археологических исследований М. Х. Маннай-оола [Маннай-оол 1961], А. Д. Грача [Грач 1980]. Эти ценные материалы, имеющие научное значение и в наше время, связаны с подлинно научным изучением Тувы как региона и языка, куль-

туры, истории, этнографии ее народа в XX в., начало которому было положено в последние десятилетия XIX в.

Топонимия тувинского языка исследовалась учёными-тувиноведами: Ш. Ч. Сатом [Сат 1969], Б. И. Татаринцевым [Татаринцев 1973; Татаринцев 1977а; Татаринцев 1977б; Татаринцев 1993], М. В. Бавуу-Сюрюн [Бавуу-Сюрюн 2005; Бавуу-Сюрюн 2018], Н. Д. Сувандии [Сувандии 2013; Сувандии 2015], Л. С. Кара-оол [Кара-оол 2018; Кара-оол 2019]; и др.

Ведущее место в этом направлении занимают труды Б. К. Ондар, осветившей историю исследования топонимов Тувы и посвятившей данной проблеме ряд статей, две монографии [Ондар 2008а; Ондар 2008б], а также ею был составлен «Топонимический словарь Тувы», выдержавший два издания [Ондар 2004; Ондар 2007; Сувандии 2018].

Основной целью данной статьи является исследование топонимов, образованных с помощью числительных, которые специально не изучались, тогда как накоплены материалы, которые требуют систематизации и корректировки. Данные топонимы интересны тем, что на первый взгляд кажутся простыми, но при анализе вызывают сомнения, так как количественные показатели, заложенные в терминах, не всегда оправдываются географическими реалиями. И для выполнения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

- уточнить значения числительных в составе топонимов, осуществить их систематизацию;
- уточнить первичность или вторичность возникновения топонимических метонимий [Олейникова 2016: 135–137];
- определить ареал распространения некоторых странствующих тюркских географических названий среди топонимов Тувы;
- определить происхождение компонентов сложных по составу топонимов с числительными.

Источниковую базу исследования составили полевые материалы автора, собранные во время комплексных или диалектологических экспедиций, также привлекались к анализу примеры, извлеченные из «Топонимического словаря Тувы» Б. К. Ондар [Ондар 2007].

Основная часть

Структурные и лексико-семантические особенности топонимов с числительными в тувинском языке

Топонимы с числительными, как и имена собственные из других групп ономастики, по своему составу могут быть производными и непроизводными. На материале нашего исследования мы выявили примеры только производных топонимов, образованных следующими способами:

1) конверсия: переход имен числительных в собственные существительные (субстантивация), например, *чаңгыс* 'один' → река *Чаңгыс*, *муң* 'тысяча' → река *Муң*, правый приток реки Пий-Хема;

2) синтаксический способ. Значительная часть топонимов с числительными представлены сложными словами из двух и более основ; в качестве вторых компонентов выступают имена существительные и прилагательные и очень редко имена числительные, например, числ. + сущ.: *Беш-Даг* букв. 'пять гор', *Тос-Терек* букв. 'девять тополей'; числ. + прил.: *Тос-Шанчыг* букв. 'девять с выступами'; числ. + произв. прил.: *Чеди-Баитыг* букв. 'семь с вершинами (головами)'; числ. + прил. + сущ.: *Беш-Кара-Дыт* букв. 'пять черных лиственниц'; числ. + числ.: *Тозан* (*тос он*) букв. 'девятьсот (девять десять)' и т. д. [Мурзаев 1996: 80–92; Кара-оол 2019: 368–369].

Количественные показатели в топонимах с числительными не всегда оправдываются географическими реалиями, поэтому мы сравнивали пояснения Б. К. Ондар в ее словаре с нашими данными (т. е. с тем, что нам говорили наши информанты или мы видели сами во время комплексных экспедиций), прежде чем сгруппировать топонимы по значению числительных в их составе. Если топоним оказывался странствующим тюркским географическим названием, зафиксированным на территории другого тюркоязычного региона, то для сравнения уточняли, какое пояснение дается авторами числительным [Койчубаев 1974; Молчанова 1979; Мурзаев 1996]. Таким образом, мы выделили следующие виды топонимов с числительными:

- топонимы, в которых количественный показатель точно определяет число географических объектов;
- топонимы, в которых количественный показатель передает значение

‘несколько’;

- топонимы, в которых количественный показатель передает значение ‘много’;
- топонимы с неясным количественным показателем.

В качестве вторых компонентов топонимов с числительными часто выступают названия географических объектов *даг* ‘гора’, *тей* ‘холм, сопка’, а также деревьев — *дыт* ‘лиственница’, *хадың* ‘береза’, поэтому в ходе исследования мы сократили примеры с данными формантами.

1. Топонимы, в которых количественный показатель точно определяет число географических объектов

Э. М. Мурзаев отметил, что «малое количество географических объектов (гор, рек, близко текущих друг от друга, холмов, курганов и т. д.) легко обозримо и может быть четко охарактеризовано в самом названии» [Мурзаев 1996: 98]. Такие топонимы с числительными, действительно, не вызывают сомнения, так как в них количественные показатели совпадают с географическими реалиями, т. е. прямой характеристикой называемого объекта, что подтверждается следующими примерами:

Чаңгыс букв. ‘один’ — *река* в Эрзинском кожууне (районе) Республики Тыва. На территории с. Эрзин *Чаңгыс* является единственной рекой [Ондар 2007: 159], собственно тувинское название: *чаңгыс* ‘один’ [ТРС 1968: 516].

Бир-Даг букв. ‘одна гора’ — *гора* в Бай-Тайгинском кожууне. Посреди равнины стоит единственная гора [Ондар 2007: 159], собственно тувинское название: *бир* ‘один’ [ТРС 1968: 104], *даг* ‘гора’ [ТРС 1968: 140].

Ийи-Мөгенниг-Даг букв. ‘гора с двумя горбами’ — топонимическая метонимия — это и *гора*, и *урочище*, и *стоянка* на территории населенного пункта Баян-Кол в Кызылском кожууне. У горы две вершины, напоминающие горб верблюда [Ондар 2007: 215], собственно тувинское название: *ийи* ‘два’ [ТРС 1968: 203], *мөген* + *ниг* [мөгенниг] ‘изобилующий горбами’, дериват *мөген* ‘горб’ (у верблюда) [ТРС 1968: 300]. Первичным является название горы.

Ийи-Ортулук букв. ‘два острова’ — топонимическая метонимия — это *местность*

и *система реки* Улуг-Хем в Улуг-Хемском кожууне [Ондар 2007: 215] собственно тувинское название: *ийи* ‘два’, *ортулук* [оьртулук] ‘остров’ [ТРС 1968: 327], дериват *орту-* ‘середина’ [Севортян 1974: 474], название местности вторично. В системе реки Енисей (Улуг-Хем) на территории Улуг-Хемского района РТ есть два острова, и вся местность вокруг них называется *Ийи-Ортулук* [ПМА 1999–2018].

Кош-Арга букв. ‘парный лес’ — *местность* в Тоджинском и Кызылском кожуунах. Название мотивировано тем, что леса, находящиеся на приграничной территории указанных кожуунов, как бы присоединились в горной местности [Ондар 2007: 254]: *кош* ‘парный, двойной’, ‘сдвоенный’ [ТРС 1968: 254], *арга* ‘горный лес’, ‘бор’ [ТРС 1968: 66]. Странствующее тюркское географическое название, зафиксированное в Горном Алтае (как *урочище* и *населенный пункт Кош-Арка* букв. ‘небольшая гора с густым лесом’ [Молчанова 1979: 228]; а также в форме *Кош-Агач* — как *река* и *населенный пункт* — Кош-Агачский район и одноименное село в Республике Алтай) и в Казахстане (как *населенный пункт Кош-Агач* ‘пара деревьев’ [Мурзаев 1996: 95]).

Кош-Даг букв. ‘пара гор’ — *гора* в Тоджинском кожууне. В местности есть две соединенные горы [Ондар 2007: 254]: *кош* ‘парный, двойной’, ‘сдвоенный’ и *даг* ‘гора’ [ТувРС 1968: 140]. Странствующее тюркское географическое название, зафиксированное в Горном Алтае: *река Кош-Туу (Кошта)* букв. ‘пара гор, возможно, сдвоенная, спаренная, соединенная гора или гора с двумя вершинами’ [Молчанова 1979: 228].

Кош-Ой букв. ‘парная низина’ — *река, левый приток реки Чаа-Хол* в Чаа-Холском кожууне РТ. Река бежит по соединенной низине [Ондар 2007: 255; ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *кош* ‘парный, двойной’, *ой* ‘низина’, ‘лощина’ [ТРС 1968: 315].

Үш-Белдир букв. ‘три перекрестка’ — топонимическая метонимия — *курорт и минеральный источник* в Каа-Хемском кожууне. Сероводородный минеральный источник появился на месте слияния трех рек — Шишхид-Гол, Бусин-Гол и Белин [Ондар 2007: 433], собственно тувинское название: *үш* ‘три’ и *белдир* ‘слияние’, ‘пе-

рекресток, стык, распутье' [ТРС 1968: 98], первично название минерального источника.

Үш-Даш букв. 'три камня' — *местность* в Тоджинском кожууне. На местности лежат три больших камня [Ондар 2007: 433], собственно тувинское название: *үш* 'три' и *даш* 'камень' [ТРС 1968: 149].

Үш-Дөргүн букв. 'три речки (берущие начало в степи и окруженные лесом)' — *местность* в Монгун-Тайгинском кожууне. Местность названа по трем небольшим родникам, берущим начало в степи, окруженной лесом [Ондар 2007: 433; ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *үш* 'три' и *дөргүн* 'речка, берущая начало в степи, и окружающий ее лес' [ТРС 1968: 179].

Үш-Каът букв. 'три пласта' — *гора* в Пий-Хемском кожууне. Это безлесная трехскладчатая гора [Ондар 2007: 433; ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *үш* 'три' и *каът* 'ряд', 'слой, пласт', 'этаж', 'солнечная сторона отрога горного хребта (не покрытая лесом)' [ТРС 1968: 233].

Үш-Көжээ букв. 'три стелы' — *местность* в Пий-Хемском кожууне [ПМА 1999–2018]. У реки *Биче-Баян-Кол* есть местность *Үш-Көжээ*: на холме стоят три каменные стелы, высотой около полутора метров. Согласно народной легенде, они были указателями дороги для воинов Чингис-хана. Эта местность — малая родина матери всемирно известной художницы Нади Рушевой [ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *үш* 'три' [ТРС 1968: 454], *көжээ* 'стела', 'балбал' [ТРС 1968: 257].

Үш-Мөөрүк букв. 'три куполообразные вершины горного хребта' — *гора* в Улуг-Хемском кожууне. Гора является одной из достопримечательностей Улуг-Хемского района: имеет три необычные вершины, похожие на купола [ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *үш* 'три' и *мөөрүк* 'куполообразная вершина горного хребта' [ТРС 1968: 302].

Үш-Өөш букв. 'три истока' — *река, левый приток реки Бурен* в Каа-Хемском кожууне. Три речки берут начало из одного места [Ондар 2007: 434], собственно тувинское название: *үш* 'три' и *өөш* 'исток' [ТРС 1968: 338].

Үш-Хая букв. 'три скалы' — *гора* близ поселка Саглы в Овюрском кожууне. У пос. Саглы есть гора с тремя большими скалами

[Ондар 2007: 434], собственно тувинское название: *үш* 'три' и *хая* 'скала' [ТРС 1968: 471].

Дөрт-Хөл букв. 'четыре озера' — *озеро* в Монгун-Тайгинском кожууне [Ондар 2007: 203]. На небольшой территории близко друг от друга находятся четыре озера [ПМА 1999–2018]: *дөрт* 'четыре' [ТРС 1968: 179] и *хөл* 'озеро' [ТРС 1968: 488]. Странствующее тюркское географическое название, зафиксированное в Ошской (Киргизия) и Карагандинской (Казахстан) областях как *Торткол* и в горах Тянь-Шаня — как *Törtkol* и *Törtkül* 'четыре озера' [Мурзаев 1996: 96].

Беи-Даг букв. 'пять гор' — топонимическая метонимия — *гора* и *местность* вблизи с. Сесерлиг в Пий-Хемском кожууне. На местности горная гряда, количественный показатель которой точно определил число объектов — гор [ПМА 1999–2018]: *беш* 'пять' [ТРС 1968: 100], *даг* 'гора' [ТРС 1968: 140]. Первично название горы. Странствующее тюркское географическое название, зафиксированное в Хакасии *Пес таг* и в Пятигорске *Бештау* [Успенский 1969].

Беи-Кожгагар букв. 'пять пиков (высокие горы с острой вершиной)' — *гора* вблизи урочища Кулузун в Улуг-Хемском кожууне. Вереницей стоят пять гор с острыми вершинами [Ондар 2007: 156], собственно тувинское название: *беш* 'пять' и *кожагар* 'пик, высокая гора с острой вершиной', 'торчащий, высовывающийся' [ТРС 1968: 245].

Топонимы Тувы, в которых количественный показатель точно определяет число географических объектов, связаны с числительными от одного до пяти.

2. Топонимы, в которых количественный показатель передает значение 'несколько'

Относительность количественных показателей в тюркской топонимии подтверждается многими примерами из топонимических исследований [Молчанова 1979: 227–228; Мурзаев 1996: 92–98]. Прежде всего, это связано с тем, что при больших количествах объектов зрительное их восприятие затрудняется и появляется представление о порядке величин: некоторое количество, много, очень много, необозримо много [Мурзаев 1996: 98].

В Пий-Хемском и Барун-Хемчикском районах Тувы есть река и местность *Чаңгыс-Дыт* букв. 'одна лиственница'. Но со временем, по данным наших информантов [ПМА 1999–2018], рядом выросли другие лиственницы, и количество деревьев увеличилось, а название сохранилось, как это часто бывает. И *Чаңгыс-Дыт* превратился в количественный топоним, семантика которого не соответствует денотату, а связано с другой формулировкой — *несколько, какое-то малое число*.

В топонимах Тувы с данным значением числительных в качестве второго компонента выступают названия деревьев. И, как видно из примеров, семантика числительных в данных топонимах, может быть, когда-то соответствовала слову, т. е. араты-кочевники, прибывшие в местность, называли ее по отличительному признаку, но со временем деревьев стало больше, или вообще они высохли, а название сохранилось, т. е. в этих топонимах произошел смысловой сдвиг.

Ийи-Тал букв. 'две ивы (тальника)' — топонимическая метонимия — это *местность, гора и населенный пункт* в Улуг-Хемском кожууне, в местности растут кустарниковые тальники [Ондар 2007: 215], собственно тувинское название: *ийи* 'два' и *тал* 'ива', 'тальник', 'лоза' [ТРС 1968: 404]. Первично название местности.

Уш-Дыттыг букв. 'с тремя лиственницами' — *минеральный источник* вблизи с. Сесерлиг в Пий-Хемском, Барун-Хемчикском кожуунах [Ондар 2007: 433]. У источника растут приметные лиственницы [ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *уш* 'три' [ТРС 1968: 454], *дыттыг* 'лиственничный' [ТРС 1968: 195].

Дөрт-Хадың букв. 'четыре березы' — *местность* близ пос. Кызыл-Даг в Бай-Тайгинском кожууне. Местность получила название по приметным березам [Ондар 2007: 203], собственно тувинское название: *дөрт* 'четыре' [ТРС 1968: 179] и *хадың* 'береза'.

Беи-Кара-Дыт букв. 'пять черных лиственниц' — топонимическая метонимия — *местность, урочище и стоянка* в Эрзинском кожууне. Местность получила название благодаря большим приметным лиственницам [Ондар 2007: 156], собственно тувинское название: *беи* 'пять' [ТРС 1968: 100], *кара* 'черный' [ТРС 1968: 226], *дыт* 'лиственница' [ТРС 1968: 195]. Пер-

вично название местности. В Алтае есть гора и населенный пункт *Беи-Тыт* 'пять лиственниц' [Молчанова 1979: 157].

3. Топонимы, в которых количественный показатель передает значение 'много'

Значительная часть тувинских топонимов с относительным количественным показателем 'много, множество' выражена числительными, имеющими особое (в некоторых случаях сакральное) значение в тувинской культуре — *чеди* 'семь', *тос* 'девять', исключительное значение этих чисел подтверждается фразеологизмами и поговорками: *чеди өкпези туруп кээр* букв. 'семь легких [его, ее] встанут', т. е. сильно рассердится; *чеди эртин* 'семь драгоценностей'; *чеди дер* 'семь потов'; *чеди адыр* 'семь ветвей'; *чеди кезектиг мөргүл* 'молебен из семи частей'; *чеди чүзүн мал* 'скот из девяти мастей'; *Алды арга, чеди мегелиг* '[У него] шесть хитростей и семь обманов'; *тос башка* букв. 'на все девять сторон', ср.: рус. 'на все четыре стороны'; *тос каыт довурак алдынга кирзин* букв. 'пусть попадет под девять слоев земли'; *тос тостуң соогу* 'мороз девяти девять', т. е. лютый мороз; *тос ура* букв. 'девять хитростей', т. е. очень хитрый; *тос эртин* 'девять драгоценностей'; *дорттааш, тос хонар* 'захотел напрямиком, потерял девять дней' и т. д.

Тюркологи ведут дискуссию о числительных «семь» и «девять». Например, С. К. Кенесбаев писал: «Значительное количество устойчивых сочетаний слов (идиомы, пословицы, поговорки и др.) группируются вокруг некоторых числительных: семь, три, девять, сорок — как вокруг своего рода „стержневых“ слов, что связано с древними верованиями и обрядами. В идиомах и других фразеологизмах они не имеют точного числового значения» [Кенесбаев 1954: 23]. Е. Койчубаев также считает стержневыми в тюркской топонимии числительные «семь», «девять», «сорок», «сто», «тысяча», которые указывают на неопределенное большое количество, на понятие «много» [Койчубаев 1974: 9]. Э. Мурзаев отметил, что в большинстве случаев такие количественные топонимы указывают на порядок величин: великое множество, обилие, некоторое число... [Мурзаев 1996: 93]. Такое значение имеет ряд топонимов Тувы:

Чеди-Баитыг букв. 'семиголовый' — гора в Сут-Хольском и Тандинском кожуунах, гора со множеством вершин [Ондар 2007: 484], собственно тувинское название: *chedi* 'семь' [ТРС 1968: 524], *баиш* + *тыг* 'изобилующее вершинами (головами), 'с головой' [ТРС 1968: 96].

Чеди-Паиш букв. 'семь котлов' — *местность* в степи по дороге на озеро Чедер. По легенде войска хана в степи оставили котлы [Ондар 2007: 484]; собственно тувинское название: *chedi* 'семь' [ТРС 1968: 524], *паиш* 'чугунная чаша' [ТРС 1968: 345].

Чеди-Саң букв. 'семь обрядов окуривания (сжигая можжевельник)' — гора на хребте Чээнек в Улуг-Хемском кожууне. Священная гора, на которой постоянно совершают обряд окуривания, сжигая туркестанский можжевельник [Ондар 2007: 485; ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *chedi* 'семь' [ТРС 1968: 524], *саң* 'обряд окуривания' [ТРС 1968: 368].

Чеди-Тей букв. 'семь холмов' — река, впадающая в озеро Ак-Хол в Монгун-Тайгинском и Бай-Тайгинском кожуунах. В местности много сопков [Ондар 2007: 485; ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *chedi* 'семь' [ТРС 1968: 524], *тей* 'холм, сопка' [ТРС 1968: 410]. Первично название местности. В Казахстане зафиксирован топоним *Жетикара* букв. 'семь холмов' в значении 'много' и используется как название холма, населенного пункта и этнонима [Койчубаев 1974: 101].

Чеди-Хөл букв. 'семь озер' — наименование Чеди-Хольского района [Ондар 2007: 485]. На территории кожууна немало пресных и соленых озер [ПМА 1999–2018]. Странствующее тюркское географическое название, зафиксированное в Горном Алтае, как название *реки, озера, горы* *Летти-Кёл* 'семь озер' [Молчанова 1979: 182], в Казахстане озеро *Жетиколь* букв. 'семь озер' в значении 'много озер' [Койчубаев 1974: 101].

Тос-Арт букв. 'девять перевалов' — *перевал* на левом берегу Улуг-Хема [Ондар 2007: 393]. Между селами Баян-Кол Кызылского и Хадын Пий-Хемского районов немало перевалов, поэтому в данном топониме *тос* имеет значение 'много' [ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *тос* 'девять' [ТРС 1968: 417], *арт* 'перевал' [ТРС 1968: 69]. В Горном Алтае располо-

жен *перевал* и *населенный пункт* *Тогус-Ажус* 'девять перевалов' [Молчанова 1979: 310].

Тос-Булак букв. 'девять источников' — *река, правый приток реки Бий-Хем* в Тоджинском кожууне [Ондар 2007: 394]. Название указывает на множество родников в данной местности [ПМА 1999–2018]: *тос* 'девять' и *булак* 'исток', 'ручей' (в степи), 'родник' [ТувРС 1968: 121]. *Тос-Булак*, находящийся на территории Пий-Хемского района переименован в *Кундустуг* 'выдровый', но, как вспоминают старожилы, в этой местности никогда не водились выдры, как и сейчас [ПМА 1999–2018]. Странствующее тюркское географическое название, зафиксированное в Казахстане, как название *ур. Токузбулак*, слово *токуз* использовано в значении 'много' [Койчубаев 1974: 219].

Тос-Тейек букв. 'девять холмиков' — топонимическая метонимия — *речка и сопка* вблизи Эйлиг-Хема. По многочисленным сопкам бегут ручейки [Ондар 2007: 394], собственно тувинское название: *тос* 'девять' и *тей* + *ек* 'холмик, сопочка' [ТРС 1968: 410]. Первичным является название сопки.

Тос-Терек букв. 'девять тополей' — *местность* вблизи села Аянгаты в Барун-Хемчикском кожууне. Местность названа по группе тополей, выросших на одном месте [Ондар 2007: 394], собственно тувинское название: *тос* 'девять' и *терек* 'тополь' [ТРС 1968: 412].

Он-Кум букв. 'десять песков' — *местность* на склоне горы Хайыракан в Улуг-Хемском кожууне. Песчаная холмистая местность [Ондар 2007: 315], собственно тувинское название: *он* 'десять' [ТРС 1968: 319] *кум* 'песок' [ТРС 1968: 264].

Он-Чылан букв. 'десять змей' — гора в Эрзинском кожууне РТ. На горе много змеиных гнезд и змей [Ондар 2007: 315], собственно тувинское название: *он* 'десять', *чылан* 'змея' [ТРС 1968: 555].

Он-Кажжаа букв. 'десять оград (дворов)' — *река, левый приток реки Элегест, урочище и стоянка* в Тандинском кожууне. Название топонима связано с тем, что на берегу реки много загонов [Ондар 2007: 315], собственно тувинское название: *он* 'десять' [ТРС 1968: 319], *кажжаа* 'двор, хлев', 'ограда, забор' [ТРС 1968: 217]. Первично название стоянки.

Дөртөн-Адыр букв. 'сорок развилок' — топонимическая метонимия — это *местность* и *урочище* в Тоджинском кожууне. Местность названа так, скорее всего, из-за множества развилин [Ондар 2007: 203], собственно тувинское название: *дөртөн* 'сорок' [ТРС 1968: 179], *адыр* 'развилина', 'ответвление', 'приток (реки)' [ТРС 1968: 38]. В Тофаларии есть гора *Аьлты-Адыр* 'шесть развилок' [Рассадин 2016: 599].

Алдан-Маадыр букв. 'шестьдесят героев' — топонимическая метонимия — *местность* и *населенный пункт* в Сут-Хольском кожууне. Название связано с крупным протестом аратов против феодалов в 1889 г., который вошел в историю и как «Восстание 60 беглецов»; в период Тувинской Народной Республики стал известен как 'Восстание 60 богатырей' [Ондар 2007: 104]. На самом деле участников мятежа было намного больше, собственно тувинское название: *алдан* 'шестьдесят' [ТРС 1968: 54], *маадыр* 'герой / героический', 'богатырь, витязь, батыр' [ТРС 1968: 284]. Первично название местности, где произошло восстание аратов.

Тозан букв. 'девятиноста' — *река, левый приток реки Сыстыг-Хем* в Тоджинском кожууне. Предположительно, река названа так из-за многочисленных притоков и разветвлений [Ондар 2007: 391], собственно тувинское название: *тозан* 'девятиноста' [ТРС 1968: 414].

Муң букв. 'тысяча' — *река, правый приток реки Пий-Хем* в Тоджинском кожууне. Река получила название из-за многочисленных притоков [Ондар 2007: 305; ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *муң* 'тысяча' [ТРС 1968: 303].

Сая-Нур букв. 'миллион озер' — топонимическая метонимия — *местность* и *система реки Шамбалыг* в Кызылском кожууне [Ондар 2007: 354], монгольское название: *сая* 'миллион' [ТРС 1968: 370], заимствование из тибетского посредством монгольского языка [Сухбаатар 1997: 168; БАМРС III: 101], *нуур* 'озеро', монголизм [БАМРС II: 429]. Разве можно посчитать миллион озер, поэтому в данном случае, несомненно, указывают на порядок величин — великое множество.

4. Топонимы с неясным количественным показателем

В отдельных случаях неясно значение числительных в топонимах. Данные примеры могут вызвать дискуссию среди топонимистов, поэтому они требуют уточнения и более глубокого исследования.

Кош-Дыт букв. 'парная лиственница' — *река, левый приток реки Кижиги-Хем* в Тоджинском кожууне [Ондар 2007: 254], собственно тувинское название: *кош* 'парный, двойной', *дыт* 'лиственница' [ТРС 1968: 195]. У истока реки стоят две лиственницы с одним корнем [ПМА 1999–2018], а в словаре Б. К. Ондар дается пояснение — река названа по двум лиственницам в истоках [Ондар 2007: 254].

Кош-Пөш букв. 'парный кедр' — топонимическая метонимия — *местность, река и система хребта Одуген* в Тоджинском кожууне [Ондар 2007: 255], собственно тувинское название: *кош* 'парный, двойной', *пөш* 'кедр' [ТРС 1968: 350]. У реки растут два кедра с одним корнем [ПМА 1999–2018], в словаре Б. К. Ондар дается пояснение, что название дано по двум большим кедром со спутанными ветвями в истоках [Ондар 2007: 255].

Беш-Белдир букв. 'пять перекрестков' — *местность* на территории пос. Торгалыг в Овюрском кожууне. Один информант дал сведения, что на местности много перекрестков дорог [ПМА 1999–2018], а другой информант сказал, что на местности пять перекрестков дорог [ПМА 1999–2018]: *беш* 'пять' [ТРС 1968: 100], *белдир* 'слияние', 'перекресток, стык, распутье' [ТувРС 1968: 98]. Странствующее тюркское географическое название, зафиксированное в Горном Алтае, как название *реки* и *населенного пункта* *Беш-Белтир* 'пять устьев' [Молчанова 1979: 156].

Сес-Чүс букв. 'восемь суставов' или 'восемь сотен' — *гора* вблизи пос. Шамбалыг Кызылского кожууна. Название связывают с обилием зверья и богатой растительностью высокой горы [Ондар 2007: 358], наш информант данный топоним связывает с числительным *сес чүс* 'восемьсот' [ПМА 1999–2018], собственно тувинское название: *сес* 'восемь' [ТРС 1968: 374], *чүс* 'сустав' или *чүс* 'сто' [ТРС 1968: 552].

Тос-Шанчыг букв. 'девять выступов (гор)' — *гора* в Тес-Хемском кожууне. Гора имеет много выступов [Ондар 2007: 394], а наш информант пояснил, что гора имеет девять выступов [ПМА 1999–2018], собственнотувинское название: *тос* 'девять' и *шанчыг* 'с выступами' (горы) [ТРС 1968: 567].

Этимологические особенности компонентов топонимов с числительными

Как видно из рассмотренных выше топонимов, в качестве первого компонента выступают общетюркские числительные: *бир* 'один' [Севортян 1978: 146], *чаңгыс* 'один / одинокий' см. *јаһус* 'один, единственный' [ДТС 1969: 235], *ийи* 'два', см. *ики* 'два' [Севортян 1974: 337–339], *үш* 'три', см. *үч* 'три' [Севортян 1974: 641], *дөрт* 'четыре', см. *дө:рт* 'четыре' [Севортян 1980: 284], *беш* 'пять', см. *бәш* 'пять' [Севортян 1978: 126], *алды* 'шесть', см. *алты* 'шесть' [Севортян 1974: 141], *chedi* 'семь', см. *йеди* 'семь' [ЭСТЯ 1989: 167] *сес* 'восемь', см. *секиз* 'восемь' [ЭСТЯ 2003: 225] *тос* 'девять', *доқуз* 'девять' [Севортян 1980: 255], *он* 'десять', см. *о:н* 'десять' [Севортян 1974: 455], *дөртөн* 'сорок', *алдан* 'шестьдесят', *тозан* 'девяносто', *сес чүс* 'восемьсот' [Серебренников, Гаджиева 1979: 128], *муң* 'тысяча' см. *миң* 'тысяча' [ЭСТЯ 2003: 67], за исключением *сая* 'миллион', заимствованного из тибетского языка посредством монгольского [Сухбаатар 1997: 168; БАМРС III: 101].

Вторыми компонентами топонимов с числительными являются следующие названия:

1) общетюркские названия географических объектов: *арт* 'горный перевал' [Севортян 1974: 179], *ортулук* [оьртулук] 'остров', дериват *орту-* см. общетюрк. *орта* 'середина' [Севортян 1974: 474; Татаринцев 2008: 341]; *адыр* 'развилка', 'ответвление' см. *айыр* [Севортян 1974: 114–116; Татаринцев 2000: 61]; *арга* [аьрга] 'горный лес, бор', см. *арка* / *арга* 'север' [Севортян 1974: 174; Татаринцев 2000: 130]; *орук* 'дорога, путь', зафиксирован в тюркских языках Сибири [Татаринцев 2008: 342]; *белдир* [пэьлдир] 'слияние', 'перекресток', др.-тюрк. *белтир* 'скрещение дорог, перекресток', 'место слияния рек' [ДТС 1969: 94] зафиксирован в тюркских языках Сибири, связывают с общетюрк. *бел-* 'талия', 'середина' [Татаринцев 2000: 210–211; Севортян 1978: 135]; *бу-*

лак 'исток', 'ручей' (в степи), 'родник', см. *булақ* 'родник' [Севортян 1978: 257; Татаринцев 2000: 290]; *даг* 'гора', см. *да:г* 'гора' [Севортян 1980: 117–118]; *дөргүн* [төьргүн] 'речка, берущая начало в степи, и окружающий ее лес', общетюркское слово с узким ареалом распространения [Татаринцев 2002: 246–247]; *каът* 'ряд', 'слой, пласт', 'этаж' [ЭСТЯ 1997: 335; Татаринцев 2004: 128]; *хая* 'скала', слово представлено ещё в древнетюркских памятниках *гаја* 'скала' [ДТС 1969: 406]; *хөл* 'озеро' см. *köl* 'озеро' [ДТС 1969: 313], *мөөрүк* 'куполообразная вершина горного хребта' [Татаринцев 2008: 165];

2) общетюркские названия деревьев: *дыт* 'лиственница', отмечено ещё в древнетюркском (Махмуд Кашгари) *tīt* — 'лиственница' [ДТС 1969: 569], распространено в тюркских языках Саяно-Алтая: см. алт., хак., шор., тоф. *тыт* 'лиственница' [Татаринцев 2002: 322–325]; *тал* 'ива', 'тальник', 'лоза', см. *тал/дал* 'ветвь, ветка' [Севортян 1980: 131]; *терек* 'тополь' общетюркское слово [ДТС 1969: 553; СИГТЯ 2001: 105, 134]; *хадың* 'береза', см. *qajun* 'береза' [СИГТЯ 2001: 122; ЭСТЯ 1997: 213], *пөш* 'кедр', см. тоф. *бөш* 'кедр', алт. *мөш* 'кедр' [Рассадин 1971: 165];

3) общетюркские названия других слов: *кум* 'песок', см. *қум* 'песок' [ЭСТЯ 2000: 133; Татаринцев 2004: 293]; *өдек* [оьдэк] слово зафиксировано и в других тюркских языках, тув. *өдек* 'навоз', 'окрестности жилья', скорее считается общетюркским [Татаринцев 2008: 359], имеются также монгольские соответствия, см. *өтөг* 'коровий, овечий навоз' и подобное [БАМРС III: 47]; *паш* [п'аш] 'чугунная чаша', зафиксировано в тюркских языках Сибири [Татаринцев 2008: 431]; *чылан* 'змея', см. *йала:н* 'змея' [ЭСТЯ 1989: 277];

4) монголизмы: *кажаа* [каъжа:] 'двор, хлев', 'ограда, забор', монголизм, см. *хаша-а(н)* 'забор', 'двор' и подобное [БАМРС IV: 73], слово зафиксировано в ряде тюркских языков [ЭСТЯ 1997: 346; Татаринцев 2004: 52]; *көжээ* [көъжэ:] 'каменная стела', монголизм [Татаринцев 2004: 234], см. монг. *хөшөө(н)* 'памятник' [БАМРС IV: 151]; монг. *нуур* 'озеро' [БАМРС II: 429]; *саң* 'обряд окуивания', монголизм, см. *сан(г)* 'ладан', 'воскурение фимиама' [БАМРС III: 84];

5) тюрко-монгольские слова: *мөген-ниг*, *дериват мөген* [мөьгэн] 'горб' тюрко-монгольское слово, зафиксированное в тюркских языках Сибири [Татаринцев 2008: 153–154], имеет соответствие и в монгольском, см. *бөх(өн)* 'горб (у верблюда)' [БАМРС I: 277].

Таким образом, в географических названиях Тувы присутствуют следующие числительные: *бир* 'один', *чаңгыс* 'один / одинокий', *ийи* 'два', *үш* 'три', *дөрт* 'четыре', *беш* 'пять', *чеди* 'семь', *сес* 'восемь', *тос* 'девять', *он* 'десять', *дөртөн* 'сорок', *алдан* 'шестьдесят', *тозан* 'девяносто', *муң* 'тысяча', *сая* 'миллион', а также прил. *кош* 'парный' с количественным значением. Особо продуктивными являются топонимы с числительным *үш* 'три', *чеди* 'семь', *тос* 'девять'. Интересен тот факт, что в тувинском языке не зафиксирован ни один топоним с числительным *алды* 'шесть'.

Роль числительных в топонимах неоднозначна, так как не всегда можно их понимать буквально, на первый взгляд такие прозрачные имена, как, например, *Ийи-Дыт* 'две лиственницы', *Дөрт-Хадың* 'четыре березы', *Чеди-Паиш* 'семь котлов', *Тос-Арт* 'девять перевалов', *Он-Чылан* 'десять змей' и т. д., иногда имеют косвенное значение. Количественные показатели в топонимах могут определять точное число географических объектов или передавать значения 'несколько', 'много'.

В качестве первого компонента производных топонимов выступают в основном общетюркские числительные, а вторыми компонентами — общетюркские названия географических объектов, деревьев, а также незначительное число монголизмов или тюрко-монгольских слов, относящихся к другим лексическим группам слов, см. выше.

По топонимической метонимии можно заключить, что многие топонимы с числительными являются вторичными, т. е. населенные пункты, местности или стоянки именуются названиями рек, гор, урочищ, на которых находятся, или наоборот, как, например, названия *местностей* *Чаңгыс-Дыт*, *Чеди-Тей* или *Кош-Пөш* стали названиями рек *Чаңгыс-Дыт*, *Чеди-Тей*, *Кош-Пөш* и т. д.

Выводы. В структурном и этимологическом отношении значительную часть топонимов с числительными составляют собственно тувинские сложные слова. В качестве первого компонента сложных топонимов выступают общетюркские числительные, за исключением числительного *сая* 'миллион', которое заимствовано из тибетского посредством монгольского языка [Сухбаатар 1997: 168; БАМРС III: 101], а вторыми компонентами являются общетюркские названия географических объектов, деревьев, а также незначительное число монголизмов или тюрко-монгольских слов, относящихся к другим лексическим группам слов.

В топонимах с числительными количественный показатель может а) точно определить число географических объектов, б) передать значение 'несколько', в) передать значение 'много', но встречаются д) топонимы с неясным количественным показателем.

Среди топонимов Тувы с числительными зафиксировано несколько странствующих тюркских географических названий, ареалом распространения которых являются Горный Алтай, Казахстан, Киргизия, Хакасия и Кавказские Минеральные Воды: *Кош-Арга* — алт. *Кош-Арка*, каз. *Кош-Агач*, *Кош-Даг* — алт. *Кош-Туу*, *Дөрт-Хөл* — кир., каз. *Торткол*, *Төрткол* и *Төрткул*, *Беш-Даг* — хак. *Пес таг*, *Бештау* (Кавказские Минеральные Воды), *Беш-Кара-Дыт* — алт. *Беш-Тыт*, *Чеди-Хөл* — алт. *Жети-Көл*, каз. *Жетиколь*, *Тос-Арт* — алт. *Тогус-Ажу*, *Тос-Булак* — каз. *Токузбулак*, *Беш-Белдир* — алт. *Беш-Белтир*.

Наличие в составе топонимов с числительными следующих формантов: гидронимических (хөл 'озеро'); фитонимических (*дыт* 'лиственница', *хадың* 'береза', *терек* 'тополь', *тал* 'ива'); оронимических (*даг* 'гора', *тей* 'холм, сопка', *арт* 'перевал', *каът* 'солнечная сторона отрога горного хребта'), а также дримонимических (*арга* 'лес') и т. д. указывают на природно-географические особенности Тувы.

Анализ показывает, что специфические особенности топонимов Тувы свойственны не только для данной территории, но и для топонимов тюркоязычных регионов Центральной и Средней Азии, Европей-

ской части России, поэтому надеемся, что материал данной статьи будет полезен при изучении географических, этнокультурных и историко-культурных апеллятивов

в топонимии, а также будут использованы при исследовании ареала распространения странствующих тюркских географических названий.

Полевой материал автора

ПМА 1999–2018 — Полевые материалы автора с 1999 по 2018 гг.

Author's Field Data

Author's field data: 1999 to 2018. (In Tuv.)

Литература

- Бавуу-Сюрюн 2005 — *Бавуу-Сюрюн М. В.* Структура топонимов монгольского происхождения на территории Тувы // Тыва дылдың лексиказынга факультативтер / научн. ред. Е. Б. Салзынмаа. Кызыл: Аныяк, 2005. С. 111–115.
- Бавуу-Сюрюн 2018 — *Бавуу-Сюрюн М. В.* Топонимы как маркеры диалектов и говоров тувинского языка [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/786> DOI: 10.25178/nit.2018.3.2 (дата обращения: 19.07.2019).
- БАМРС I — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. I. А – Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 488 с.
- БАМРС II — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. II. Д – О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 514 с.
- БАМРС III — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. III. Θ – Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БАМРС IV — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. IV. X – Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 510 с.
- Веселков 1871 — *Веселков Н. Ф.* Урянхи и географические сведения о южной границе Минусинского округа // Известия ИРГО. 1871. Т. VII. Вып. 2. С. 113–118.
- Грач 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грумм-Гржимайло 2007 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населенниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). С. 496–638.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Кара-оол 2018 — *Кара-оол Л. С.* Лексические особенности топонимов Овюрского района Тувы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/795> (дата обращения: 15.05.2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.11224
- Кара-оол 2019 — *Кара-оол Л. С.* Лексика родильных обрядов в топонимах Тувы // Мир науки, культуры, образования. 2019. Вып. 3 (76). С. 368–369.
- Каррутерс 2007 — *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Урянхайский край. Т. 1. / пер. с англ. Н. В. Турчанинова. Петроград // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населенниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX вв.). М.: Слово, 2007. С. 10–260.
- Катанов 1903 — *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка, съ указаниѣмъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань: Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета, 1903. 1600 с.
- Кенесбаев 1954 — *Кенесбаев А. Е.* О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке // Известия АН КазССР. 1954. № 135. Серия филологии и искусствоведения. Вып. 1 – 2. С. 6–27.
- Койчубаев 1974 — *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. 275 с.
- Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Экспедиция в

- Сойотию. М.: изд-во Всесоюз. о-ва политка-торжан и ссыльно-поселенцев; тип. Профиздата, 1934. 293 с.
- Кормушин 1997 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпиграфии. Тексты и исследования / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Кормушин 2008 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпиграфии. Грамматика, текстология / отв. ред. Д. М. Насилов. М.: Наука, 2008. 342 с.
- Маннай-оол 1961 — *Маннай-оол М.* Археологические исследования в Овюрском районе в 1960 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. IX. / ред. коллегия: Сердобов Н. А. и др. Кызыл: Тип-я Управления культуры, 1961. С. 222–229.
- Молчанова 1979 — *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алтайск. кн. изд-во, 1979. 378 с.
- Мурзаев 1996 — *Мурзаев Э. М.* Тюркские географические названия. М.: Вост. лит., 1996. 254 с.
- Олейникова 2016 — *Олейникова С. Д.* Метонимические переносы в топонимии (на материале ойконимов Тамбовской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 135–137.
- Ондар 2004 — *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. 254 с.
- Ондар 2007 — *Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2007. 550 с.
- Ондар 2008а — *Ондар Б. К.* Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 2008. 304 с.
- Ондар 2008б — *Ондар Б. К.* Тувинская топонимика: проблемы, поиски, решения. Проблемы преподавания русского языка в вузе и в школе. Кызыл: РИО ТувГУ, 2008. 233 с.
- Потанин 2007 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. Выпуск II. Материалы этнографические. СПб. // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тове, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). М.: Слово, 2007. С. 374–495.
- Потанина 2003 — *Потанина А. В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. Из странствий по Урянхайской земле // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX вв.) / подгот. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2003. С. 29–38.
- Рассадин 1971 — *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1971. 252 с.
- Рассадин 2016 — *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский словарь. М.: ИД «ЯСК», 2016. 608 с.
- Родевич 2003 — *Родевич Вс.* Урянхайский край и его обитатели. Санкт-Петербург // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX вв.) / подгот. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: Тувинск. кн. изд-во, 2003. С. 136–141.
- Сат 1969 — *Сат Ш. Ч.* Заметки по топонимии Тувы // Мат-лы конф. «Этногенез народов Северной Азии» / отв. ред. Е. И. Убрятова. Вып. 1. Новосибирск, 1969. С. 232–234.
- Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Севортян 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Б». М.: Наука, 1978. 352 с.
- Севортян 1980 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М.: Наука, 1980. 396 с.
- Серебренников, Гаджиева 1979 — *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку: МААРИФ, 1979. 304 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сувандии 2013 — *Сувандии Н. Д.* Современное состояние изучения ономастики тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. Вып. 6 (43). 2013. С. 362–364.
- Сувандии 2015 — *Сувандии Н. Д.* Становление фамилий и отчеств в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54). Ч. I. 2015. С. 171–173.

- Сувандии 2018 — *Сувандии Н. Д.* Вклад Бичен Кыргысовны Ондар в развитие топонимики Тувы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/785> DOI: 10.25178/nit.2018.3.1 (дата обращения: 19.07.2019).
- Сухбаатар 1997 — *Сухбаатар О.* Монгол хэлний харь угийн толь (=перевод на рус.яз.) Улаанбаатар: Адмон пресс, 1997. 234 с.
- Татаринцев 1973 — *Татаринцев Б. И.* Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Мат-лы всесоюз. конф. 14–16 июня 1973 г. / ред. коллегия: Э. Г. Беккер [и др.]. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. С. 142–144.
- Татаринцев 1977а — *Татаринцев Б. И.* Местные географические термины Северо-Восточной Тувы // Советская тюркология / гл. ред. М. Ш. Ширалиев. Баку: Тип-я им. 26 бакинских комиссаров, 1977. Вып. 5. С. 18–26.
- Татаринцев 1977б — *Татаринцев Б. И.* О топонимии бассейна р. Каа-Хем // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период / ред. коллегия: Д. А. Монгуш (отв. ред.) [и др.]. Кызыл: Тип-я управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тув. АССР, 1977. С. 88–98.
- Татаринцев 1993 — *Татаринцев Б. И.* О некоторых древних топонимах тюркского происхождения на территории Тувы // Вопросы тувинского языкознания / ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев. Кызыл: Новости Тувы, 1993. С. 105–113.
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. А – Б. 341 с.
- Татаринцев 2002 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. II. Д – Ы. 388с.
- Татаринцев 2004 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III. К – Л. 440 с.
- Татаринцев 2008 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. IV. М – П. 442 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Тенишев Э. Р. М.: Сов. энц., 1968. 648с.
- Успенский 1969 — *Успенский Л. В.* Загадки топонимики. М.: Молодая гвардия. 1969. 267 с.
- Шварц 1864 — Амур, река (бассейн). Карта речных областей Амура, южной части Лены и Енисея, и острова Сахалин ... [Карты] / сост. на основании изысканий Сибирской экспедиции ... Рус. Геогр. общества Глав. астрономом экспедиции Людвигом Шварцом. СПб.: Ильин, 1864. (7 л.: цв., раскраска от руки).
- ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж,” “Ж,” “Й” / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 293 с.
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “К”, “К”. Вып. 1 / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “К”. Вып. 2 / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. 265 с.
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.
- Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородного населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Выпуск 4. Минусинск: Типография В. И. Корнакова, 1900. 214 с.

References

- [A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary]. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 2001. 824 p. (In Russ.)
- [A Dictionary of Old Turkic]. V. M. Nadelyaev et al. (eds.). Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ.)
- [An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems with the Initial Letters ‘Ж,’ ‘Ж,’ ‘Й’]. L. S. Levitskaya (ed.). Moscow: Nauka, 1989. 293 p. (In Russ.)
- [An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems with the Initial Letters ‘К,’ ‘К’]. Is. 1. G. F. Blagova (ed.). Moscow: Yazyki Russkoy Kul’tury, 1997. 368 p. (In Russ.)
- [An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems with the Initial Letter ‘К’]. Is. 2. G. F. Blagova (ed.). Moscow: Indrik, 2000. 265 p. (In Russ.)

- [An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems with the Initial Letters 'J', 'M', 'H', 'P', 'C']. A. V. Dybo (ed.). Moscow: Vost. Lit., 2003. 448 p. (In Russ.)
- [The Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. I: A – Г. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 488 p. (In Russ. and Mong.)
- [The Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. II: Д – О. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 514 p. (In Russ. and Mong.)
- [The Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. III: Θ – Φ. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Russ. and Mong.)
- [The Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. IV: X – Я. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2002. 510 p. (In Russ. and Mong.)
- [Tuvan-Russian Dictionary: 20 000 Entries]. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 648 p. (In Tuv. and Russ.)
- [The Amur River (Basin): a Map of River Areas of the Amur, Southern Part of the Lena and Yenisei, and Sakhalin Island ...]. Maps by Ludwig Schwartz summarizing the investigations of the Siberian Expedition of the Russian Geographical Society. St. Petersburg: Ilyin, 1864. 7 p. (In Russ.)
- Bavuu-Surun M. V. Place names as markers of the dialects and sub-dialects of Tuvan language. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 3. An Internet resource: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/786> DOI: 10.25178/nit.2018.3.2 (accessed: July 19, 2019). (In Russ.)
- Bavuu-Syuryun M. V. Toponyms of Mongolian origin in the territory of Tuva: lexical structures revisited. In: [Optional Courses: Tuvan Vocabulary]. E. B. Salzynmaa (ed.). Kyzyl: Anyyak, 2005. Pp. 111–115. (In Russ.)
- Carruthers D. Unknown Mongolia. The Uriankhai Country. Vol. 1. (transl. by N. V. Turchaninov, St. Petersburg). In: [Uriankhai. Tyva Depter: an Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Land of Tuva and Its Heirs, about Uriankhai – Tannu-Tuva, the Uriankhai People – Tuvans, and Tuva's Antiquities]. In 7 vols. S. K. Shoygu (comp.). Moscow: Slovo, 2007. Vol. 4: The Uriankhai Country – a Crossroads of Opinions (late 19th to early 20th cc.). Pp. 10–260. (In Russ.)
- Grach A. D. [Ancient Nomads in the Center of Asia]. Moscow: Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.)
- Grumm-Grzhimailo G. E. Western Mongolia and the Uriankhai Country: an anthropological and ethnographic essay of the lands. In: [Uriankhai. Tyva Depter: an Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Land of Tuva and Its Heirs, about Uriankhai – Tannu-Tuva, the Uriankhai People – Tuvans, and Tuva's Antiquities]. In 7 vols. S. K. Shoygu (comp.). Moscow: Slovo, 2007. Vol. 2: Tribes of the Sayan Altai. The Uriankhais (4th to early 20th cc.). Pp. 496–638. (In Russ.)
- Kara-ool L. S. Lexical features of the microtoponyms of Ovyur Rayon of Tuva. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 3. An Internet resource: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/795> (accessed: May 15, 2019). DOI: 10.25178/nit.2018.3.11 224 (In Russ.)
- Kara-ool L. S. Lexicon of maternity-related rites in toponyms of Tuva. *The World of Science, Culture and Education*. 2019. Vol. 3 (76). Pp. 368–369. (In Russ.)
- Katanov N. F. [A Research Essay on the Uriankhai Language with Indication of Its Key Essential Ties to Other Turkic Languages]. Kazan: Imper. Kazan Univ., 1903. 1600 p. (In Russ.)
- Kenesbaev A. E. Kazakh phraseological units: some peculiarities revisited. *Izvestiya AN KazSSR*. 1954. No. 135. Ser. 'Philology and Art Studies'. Is. 1 – 2. Pp. 6–27. (In Russ.)
- Koichubaev E. [Toponyms of Kazakhstan: a Concise Dictionary]. Alma-Ata: Nauka, 1974. 275 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. [Over the Fifty Years: Collected Works]. In 3 vols. Moscow: All-Russia Society of Pre-Revolutionary Political Convicts and Deportees (Profizdat), 1934. 293 p. Vol. 3: The Expedition to Soyotia. (In Russ.)
- Kormushin I. V. [Turkic Epitaphs of the Yenisei: Grammar and Textology]. by D. M. Nasilov (ed.). Moscow: Nauka, 2008. 342 p. (In Russ.)
- Kormushin I. V. [Turkic Epitaphs of the Yenisei: Texts and Studies]. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 1997. 303 p. (In Russ.)
- Mannai-ool M. Kh. Archaeological surveys in Ovyursky District: 1960. In: [Scholarly Notes of the Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. Is. IX]. N. A. Serdobov et al. (eds.). Kyzyl: Dept. of Culture, 1961. Pp. 222–229. (In Russ.)
- Molchanova O. T. [The Altai Mountains: a Toponymic Dictionary]. Gorno-Altaysk: Altaian Book Publ., 1979. 378 p. (In Russ.)

- Murzaev E. M. [Turkic Geographical Names]. Moscow: Vost. Lit., 1996. 254 p. (In Russ.)
- Oleinikova S. D. Metonymic tropes in toponymy (by the material of place names of Tambov Region). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov: Gramota, 2016. No. 6 (60): in 3 parts. Part 2. Pp. 135–137. (In Russ.)
- Ondar B. K. [The Toponymic Dictionary of Tuva]. 2nd ed. Kyzyl: Tuv. Book Publ., 2007. 550 p. (In Russ.)
- Ondar B. K. [The Toponymic Dictionary of Tuva]. Abakan: Khakas State Univ., 2004. 254 p. (In Russ.)
- Ondar B. K. [Tuvan Toponymy. Toponymy of Tuva, Southern Siberia and Other Turkic-Inhabited Territories: a Comparative Analysis]. Kyzyl: Tuv. Book Publ., 2007. 304 p. (In Russ.)
- Ondar B. K. [Tuvan Toponymy: Problems, Investigations, Solutions. Russian Language Teaching Problems: University and School Levels]. Kyzyl: Tuv. State Univ., 2008. 233 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Summarizing Results of the 1876–1877 Journey Undertaken on Instructions from the Imperial Russian Geographical Society. Vol. II: Ethnographic Materials. (St. Petersburg). In: [Uriankhai. Tyva Depter: an Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Land of Tuva and Its Heirs, about Uriankhai – Tannu-Tuva, the Uriankhai People – Tuvans, and Tuva's Antiquities]. In 7 vols. S. K. Shoygu (comp.). Moscow: Slovo, 2007. Vol. 2: Tribes of the Sayan Altai. The Uriankhais (4th to early 20th cc.). Pp. 374–495. (In Russ.)
- Potanina A. V. Glimpses of travels across Eastern Siberia, Mongolia, Tibet and China. Episodes describing wanderings in the Uriankhai lands. In: [Tuvan Traditional Culture in the Eyes of Foreigners (Late 19th — Early 20th cc.)]. A. K. Kuzhuget (comp.). Kyzyl: Tuv. Book Publ., 2003. Pp. 29–38. (In Russ.)
- Rassadin V. I. [The Tofalar Language: Phonetics and Vocabulary]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1971. 252 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. [Tofalar-Russian Dictionary]. Moscow: YaSK, 2016. 608 p. (In Russ. and Tof.)
- Rodevich V. The Uriankhai Country and its inhabitants. In: [Tuvan Traditional Culture in the Eyes of Foreigners (Late 19th — Early 20th cc.)]. A. K. Kuzhuget (comp.). Kyzyl: Tuv. Book Publ., 2003. Pp. 136–141. (In Russ.)
- Sat Sh. Ch. Notes on the toponymy of Tuva. In: [Ethnogenesis of North Eurasian Peoples]. Conf. proc. E. I. Ubryatova (ed.). Novosibirsk, 1969. Pp. 232–234. (In Russ.)
- Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. Z. [A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages]. Baku: MAARIF, 1979. 304 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. [An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems with the Initial Letter 'B']. N. Z. Gadzhieva (ed.). Moscow: Nauka, 1978. 352 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. [An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Vowel Stems]. R. M. Zaleskovskaya (ed.). Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. [An Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems with the Initial Letters 'V', 'G', 'D']. N. Z. Gadzhieva (ed.). Moscow: Nauka, 1980. 396 p. (In Russ.)
- Sukhbaatar O. [A Dictionary of Loanwords in Mongolian]. Ulaanbaatar: Admon Press, 1997. 234 p. (In Mong.)
- Suvandii N. D. Bichen Kyrgyzovna Ondar and her contribution to the study of the toponymy of Tuva. *The New Research of Tuva*. No. 3. An Internet resource: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/785> DOI: 10.25178/nit.2018.3.1 (accessed: July 19, 2019). (In Russ.)
- Suvandii N. D. The formation of surnames and patronymic names in the Tuvanian language. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015. No. 12 (54). Part I. Pp. 171–173. (In Russ.)
- Suvandii N. D. Tuvan onomastics: the current stage of research. *The World of Culture, Science and Education*. 2013. Vol. 6 (43). Pp. 362–364. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [An Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. I: A–Б. Novosibirsk: Nauka, 2000. 341 p. (In Russ. and Tuv.)
- Tatarintsev B. I. [An Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. II: Д–Ў. Novosibirsk: Nauka, 2002. 388 p. (In Russ. and Tuv.)
- Tatarintsev B. I. [An Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. III: К–Л. Novosibirsk: Nauka, 2004. 440 p. (In Russ. and Tuv.)
- Tatarintsev B. I. [An Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. IV: М–Н. Novosibirsk: Nauka, 2004. 442 p. (In Russ. and Tuv.)

- Tatarintsev B. I. Local geographical terms of the Northeastern Tuva. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1977. No. 5. Pp. 18–26. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Northeastern Tuva: peculiarities of toponymy revisited. In: [Origins of Siberia's Native Populations and Their Languages]. Conf. proc. (June 14-16, 1973). E. G. Becker et al. (ed.). Tomsk: Tomsk State Univ., 1973. Pp. 142–144. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Revisiting some old toponyms of Turkic origin in the territory of Tuva. In: [Questions of Tuvan Linguistics]. D. A. Mongush, B. I. Tatarintsev (eds.). Kyzyl: Novosti Tuvy, 1993. Pp. 105–113. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. The toponymy of the Kaa-Khem River basin revisited. In: [The Tuvan Language and Literature in the Post-October Era]. Kyzyl: Publ. and Book Retail Dept. (Council of Ministers of the Tuvan ASSR), 1977. Pp. 88–98. (In Russ.)
- Uspensky L. V. [Riddles of Toponymy]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1969. 267 p. (In Russ.)
- Veselkov N. F. The Uriankhais and geographical information about the southern boundary of Minusinsky Okrug. *Izvestiya IRGO*. 1871. Vol. VII. Is. 2. Pp. 113–118. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. [An Ethnographic Review of the Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley, Supplemented with an Explanatory Catalog of the Museum's Ethnographic Department]. Vol. 4. Minusinsk: V. I. Kornakov, 1900. 214 p. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 707–715, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-707-715
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК (398.22)

Матримониальные коллизии в калмыцком эпосе «Джангар» и сказаниях тюрко-монгольских народов Сибири

Данара Владимировна Убушиева¹, Бальджин Дамринжав²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

² Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)
 профессор
 ORCID: 0000-0002-7338-1030. E-mail: damrinjab@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Эпос «Джангар» относится к героическому типу эпоса, представленного пятью циклами и двумя отдельными песнями. *Цель* — анализ песен Багацохуровского цикла «Джангара» как раннего цикла, основанного на архаическом эпосе, ядерным образованием которого является сватовство героя. *Методы.* Выявленные мотивы матримониальных коллизий в сравнительно-типологическом анализе со сказаниями о сватовстве алтайцев, бурят и тувинцев, позволили определить инвариантные мотивы архаического эпоса, восходящие к мифологии и предшествующим эпическим традициям. *Результаты.* При исследовании выявлена роль тестя, который является хозяином водной стихии, чей образ восходит к «охотничьему» эпосу. Описание инвариантной роли тестя стало возможно с привлечением эпосов тюрко-монгольских народов Сибири, так как в калмыцкой эпической традиции данный образ представлен рудиментарно. Также выявлено, что в рассмотренных сказаниях, и тексты Багацохуровского цикла не исключение, суженой героя выступает представительница Водного мира, а соперниками, претендующими на суженую богатыря, выступают представители небесного происхождения. Мотивы поиска суженой в другом мире, передвижение Джангар-хана по другим мирам также демонстрирует архаичность цикла. *Выводы.* Песни Багацохуровского цикла основаны на инвариантном ядерном мотивном фонде архаического эпоса, как и эпос тюрко-монгольских народов Сибири, сравнение с которым проливает свет на многочисленные древние мотивы или же их рудименты, которые иначе объяснить и описать не представляется возможным. Возможное развитие данного цикла раскрывается в свете теории «первоначального ядра». Путем нарастания и «разбухания» ядерных тем и мотивов архаического эпоса стало возможно образование Багацохуровского цикла героического эпоса «Джангар». Трансформация архаических песен «Джангара» в классический героический эпос происходила в русле общих закономерностей развития эпического творчества.

Ключевые слова: тип, архаический эпос, Багацохуровский цикл эпоса «Джангар», алтайский эпос, бурятский эпос, тувинские сказания, богатырское сватовство, тема, мотив

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ государственной регистрации АААА–А19–119011490036–1).
Для цитирования: Убушиева Д. В. Матримониальные коллизии в калмыцком эпосе «Джангар» и сказаниях тюрко-монгольских народов Сибири. *Oriental Studies*. 2019;(4):707-715. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-707-715.

UDC (398.22)

Matrimonial Collisions in the Kalmyk Epic of *Jangar* and Legends of Siberia's Turko-Mongols

Danara V. Ubushieva¹, Baljin Damrinjab²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

ORCID: 0000-0002-5547-4006. E-mail: bib.danara@yandex.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (FL-11, West Wing, 5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People's Republic of China)

Professor

ORCID: 0000-0002-7338-1030. E-mail: damrinjab@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The *Jangar* epic is an essentially heroic composition represented by five cycles and one separate song. *Goals.* The paper aims to consider songs of the early Baya Tsokhor Cycle of the *Jangar* based on archaic epic patterns nuclear elements to which being those dealing with the hero's matchmaking. *Methods.* The revealed nuclear motifs of matrimonial collisions – within a comparative and typological analysis involving matchmaking-related legends of the Altaians, Buryats and Tuvans – allows defining somewhat invariant motifs of the archaic epos that trace their origins back to mythology and previous epic traditions. *Results.* The research reveals the role of the father-in-law who acts as a master of waters and whose image goes back to 'hunting' epic patterns. The description of the father-in-law's invariant role became possible due to the use of epic compositions of Siberian Turko-Mongols since the Kalmyk epic tradition contains only rudimentary elements of this image. The paper also shows that in the legends examined – texts of the Baya Tsokhor Cycle being no exception – it is a representative of the water world who acts as the hero's betrothed, the hero here being rivaled by creatures of heavenly origin. Motifs of search of the betrothed in the other world, Khan Jangar's travels through alien worlds also attest to archaic nature of the cycle. *Conclusions.* Songs of the Baya Tsokhor Cycle are based on the invariant nuclear motif cluster of the archaic epos, as well as epics of Siberian Turko-Mongols, and it is comparison with the latter that sheds light on numerous ancient motifs or their rudiments that cannot be described or explained in any way. A possible development of the cycle gets clearer when viewed through the prism of the 'initial nucleus' theory. So, the Baya Tsokhor Cycle formed as a result of growth and 'volume swell' of nuclear topics and motifs of the archaic epos. The *Jangar*'s archaic songs developed into a classical heroic epic in accordance with general epic development patterns.

Keywords: type, archaic epic, *Jangar* epic, Baya Tsokhor Cycle, Altaian epic, Buryat epic, Tuvan tales, a hero's matchmaking, theme, motif

Acknowledgements. The research was conducted within a government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (State Reg. No. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Ubushieva D. V., Damrinjab B. Matrimonial Collisions in the Kalmyk Epic of *Jangar* and Legends of Siberia's Turko-Mongols. *Oriental Studies*. 2019;(4): 707-715. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-707-715.



Введение

Калмыцкий эпос «Джангар» относится к героическому типу эпоса, где циклизация заключается в «относительно небольших, как правило, „одноходовых“ песен, не связанных сквозным сюжетом» [Неклюдов 2015: 9]. Эпическая традиция калмыков состоит из пяти локальных циклов: Багацохуровского и Малодербетовского, циклов сказителей Овла Эляева, Мукубена Басангова, Давы Шавалиева. Они в свою очередь определяются по времени фиксации — как ранние и поздние. К ранним относят Багацохуровский (1853 г.) и Малодербетовский (1862 г.) циклы эпоса «Джангар».

В данном исследовании предлагаем рассмотреть песни раннего Багацохуровского цикла¹ как цикла, основанного на архаическом типе эпоса. Ядерное образование архаического эпоса — «богатырское сватовство», сохранившееся в этих песнях, до настоящего время мало изучено. Цикл не содержит отдельных песен о сватовстве, но в прологах к песням «О Хара Кинесе» и «О Замбал хане», в описании предназначенной суженой Джангар-хана, Герензел-хатун, содержится полный набор мотивов, характерных для темы «героическое сватовство». Для выявления архаических корней темы «богатырское сватовство» в песнях одного из ранних циклов «Джангара» в сравнительно-типологическом аспекте привлечены эпические сказания тюрко-монгольских народов Сибири: алтайцев, бурят, тувинцев.

¹ Багацохуровский цикл состоит из трех песен: «О Хара Кинесе», «О Шара Мангасе» и «О Замбал хане». Рукописи двух песен «О Хара Кинесе» и «О Шара Мангасе» на ойратском «ясном письме» хранятся в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета [РО БВФ СПбГУ. Сalm. С. 17. Ед. хр. 1770. Л. 1–28. Строки 30–31]. Рукопись третьей песни «О Замбал хане» также зафиксирована на «ясном письме» и хранится в Научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге под названием «Песни и сказки калмыцкого народа Астраханской губернии Багацохуровского улуса» [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15].

Основная часть

В. Я. Пропп обозначает русские былины о сватовстве как «догосударственный» эпос [Пропп 1958: 88]. Сватовство Садко к дочери морского царя определено «древнейшим стержнем песни» [Пропп 1958: 87].

В. М. Жирмунским изучено сказание об Алпамыше в сравнительно-историческом разрезе с тюрко-монгольскими эпосами [Жирмунский 1960]. Исследователь заключает, что в эпической биографии героя, сватовство занимает одно из важнейших мест [Жирмунский 1960: 218].

Б. Н. Путилов в сравнительно-типологическом аспекте исследовал песни русского и южнославянского героических эпосов [Путилов 1971], в которых также рассмотрено героическое сватовство. По мнению Б. Н. Путилова, в архаических памятниках «...важное место занимают мотивы поисков героем невесты-суженой и борьбы за нее» [Путилов 1971:126].

Е. М. Мелетинский, исследовав архаический эпос тюрко-монгольских народов Сибири, называет героическое сватовство универсальной темой древнейших эпосов [Мелетинский 2004:257].

А. Ш. Кичиков, изучив песни калмыцкого эпоса «Джангар» в сравнительно-типологической характеристике с архаическими сказаниями тюрко-монгольской эпической традиции, заключает, что «...тема сватовства, заимствованная у предшествующей, тууль-улигерной, эпической традиции, как и тема борьбы с чудовищами, занимает подчиненное, периферийное положение (всего в двух главах из 26), претерпев крайнюю степень трансформации» [Кичиков 1997: 205].

В исследовании Е. Э. Хабуновой отдельная глава посвящена женитьбе богатыря, которая рассматривается в трех версиях эпоса «Джангар» (калмыцкой, синьцзян-ойратской и монгольской). Автор предполагает, что частота константы «„kuu'k avh“ (взять невесту) дает основание говорить о том, что „история добычи невесты“, <...> могла составить центральное ядро архаического эпоса, предшествовавшего калмыцкому героическому эпосу „Джангар“» [Хабунова 2006: 65–66].

Б. Б. Манджиевой исследован репертуар сказителя Давы Шавалиева [Манджиева 2018], изучены композиционное строение, мотивы, общие места и поэтические формулы эпических песен. В работе проведен сравнительно-сопоставительный анализ песни «Хонһрин гер авлһна бөлг» (‘Песнь о женитьбе Хонгора’) Д. Шавалиева и О. Эляева, основанные на теме «богатырского сватовства» [Манджиева 2018: 34–38].

Сюжеты о героическом сватовстве в синьцзян-ойратском «Джангаре» рассмотрены Ц. Б. Селеевой. Автором, наряду с сюжетообразующими общими элементами, выявлены особенности структуры сюжета героического сватовства в национальной эпике ойратов Синьцзяна [Селеева 2019].

Алтайский героический эпос, по мнению С. С. Суразакова, условно делится на три цикла: 1) борьба с чудовищами, 2) борьба с обитателями подземного мира и 3) о сватовстве [Суразаков 1985]. Тема же «богатырского сватовства» присутствует во всех эпических циклах, включая и «охотничий» эпос [Суразаков 1985: 54].

Бурятские эпические сказания, скрупулезно исследованные учеными, также относятся к архаическим. М. И. Тулохонов отмечает, что «Сюжетную основу улигеров составляют две ведущие темы: 1) борьба богатыря с чудовищами и врагами; 2) сватовство и женитьба героя и связанные с ними богатырская поездка и испытания женихов» [Тулохонов 1991: 19].

Изучение тувинского эпоса также имеет свою историю, архаичность сказаний подтверждена многочисленными исследованиями. Л. В. Гребнев выделяет три группы в тувинских сказаниях. Сюжеты первой группы сказаний основаны на подвигах, совершаемых в борьбе за суженую [Гребнев 1960].

С. М. Орус-оол подробно изучены параллели калмыцкого эпоса «Джангар» с эпическими сказаниями тувинцев, алтайцев, хакасов, шорцев и бурят. Параллели обнаружены как в мотивах и персонажах сказочно-мифологического пласта эпоса, так и в поэтике. Эти сходства исследователь объясняет «... древними, не прерывающимися культурно-историческими контактами, общностью исторических судеб. Духовная жизнь этих народов развивалась на базе сходных поверий, общих религиозных воз-

зрений: шаманизма и ламаизма (тувинцы, буряты, калмыки), что и предопределило общность традиций и обычаев, морально-этических норм» [Орус-оол 2011: 43–44].

Тема богатырского сватовства в Багацохуровском цикле «Джангара» ранее не исследовалась. Проведенная нами реконструкция архаического эпоса [Убушиева 2019] по системе А. Ш. Кичикова [Кичиков 1997] выявила в песнях Багацохуровского цикла тему богатырского сватовства как ядерное образование архаического эпоса. Это позволяет нам провести более подробное исследование инвариантных мотивов, связанных с матримониальными коллизиями. Для расшифровки скрытых, рудиментарных эпических кодов привлечены архаические эпические сказания алтайцев, бурят и тувинцев.

Отправным моментом матримониальных коллизий в эпосе является поездка героя в поисках предназначенной суженой. Таким же образом поступает и Джангар-хан: I песня Багацохуровского цикла (далее — Б. Ц.) — 5 (16)² *törin dörbön xāni kūke yolji* (17) *tübšin zamba xāni kūkü yolji: enggīn döčin xoyor noyoni kūke* (18) *yolji: abxu zöbtei kūke olji yadād* [РО БВФ СПб-ГУ. Сalm. С. 17. Л. 5] ‘Отвергнув дочерей четырех державных ханов, / Отвергнув дочь Тюбшин Замба хана, / Отвергнув дочерей местных сорока двух нойонов/ Не найдя предназначенную ему девушку’³; III песня Б. Ц. — 15 (10) *aliki* (11) *oronāsa abči hatn keqsenbi geküni* (12) *törin dörbön xāni kūke yolji enggīn* (13) *enggīn döčin xoyor noyoni kūke yolji* [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 15] ‘Если говорить о том, из какой страны взял, / Отвергнув дочерей четырех державных ханов, / Отвергнув дочерей местных сорока двух нойонов’.

Цикл не демонстрирует мотивировки предназначенности суженой. Б. Н. Путиловым отмечено, что предназначенность в архаическом эпосе не мотивируется, но может быть предписана волею свыше, или может быть записана в Книге судеб [Путилов 1971: 126]. В алтайском эпосе о суженой сообщают родители богатыря, в бурятском и тувинском эпосе начертано в Книге судеб.

² Первая цифра обозначает страницу рукописи, вторая цифра в скобках — номер строки.

³ Здесь и далее перевод автора данной статьи.

Следующий мотив — *Поиски жены*. «В архаическом эпосе герой едет к невесте долго и трудно, преодолевая на своем пути многочисленные препятствия, в том числе фантастического и мифологического характера, различные магические рубежи ...» [Пропп 1958: 136]. Этот архаичный мотив в цикле показан через описание препятствий и сложностей на пути Джангар-хана к суженой: III песня Б. Ц. — 15 (19) *yurban jilın yučin zurγān sarduer* (20) *gēd olji yadād: aranzala zērdēn* (21) *ečēgēd: utu zandan armān ūryal* (22) *ji čirēd: urγuqsan arban tabuni* (23) *sara metü dūrüng ulān čirēni ünüsün* (24) *önggötei bolji zobād* ‘В течение трёх лет / Тридцать шесть месяцев / Кружился, не мог отыскать, / Аранзала Зерде измучив, / Длинное сандаловое копье / Таща, словно укрюк, / Словно луна пятнадцатой ночи, / Красивое лицо его / Исстрадалось и посерело, как пепел’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 15].

К примеру, в тувинском сказании «Хунан Кара» расстояние до места обитания суженой описано следующим образом: «[Дочь] Узун-Сарыг-хана с [берега моря] Ус, / [Живущего] прямо в северной стороне / Возле моря Ус, / В далекой земле, / Какую и предкам отца / Вспомнить — и не вспомнить, / [Куда] холощенный верблюд / Пойдет — не дойдет, / Докуда и булатно-стальные копыта / Аранчулы [не выдержат-] / Расплавятся, [либо] сотрутся-износятся» [Тувинские героические сказания 1997: 97].

Далее следует мотив «*Получение вести о суженой*», имеющий в цикле ёмкое описание. Золотой воробей, исполняющий роль чудесного помощника и представляющий иное царство, приносит Джангар-хану весть о суженой: III песня Б. Ц. — 15 (24) *öndör sayān* (25) *ūlain oroī dēre γarči xarūl xar-* (26) *ji baiba: baitulani mönggön jibirtei* (27) *altān ödötei boqšoryoi dēre teng-* (28) *gerēr niseji irēd: šobūni kelēr* (29) *kelbe: yazādaki γalab šartū tenggesin* 16 (1) *tere tala nutuqluqsan: očirtu altan* (2) *ūlutai: oron-du ügei yurban jinda-* (3) *manitai: güši zambai xāni kūkīgi:* (4) *tenggerin köbün burxan sayān gedeq* (5) *künkü čārabn geji bainei: abaxu* (6) *zöbtei gergen čini tere gebe* ‘Взобравшись на вершину Белой горы, / Стал осматривать. / Когда осматривал, с серебряными крыльями / С золотым опереньем воробей / Прилетел сверху, с небес, / Раскрыв клюв, / Сказал на птичьем языке: / Внешнего моря Шарту / На той сто-

роне расположившегося, / Владеющего драгоценной горой Алтан, / И чиндамани, которого больше нет во всем мире / Дочь Гюши Замба хана / Сын тенгрия, зовущийся Бурхан Цаган, / Хочет насильно взять в жёны, / Тебе предназначенная супруга она, — сказал’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 15–16].

Такая отмеченная В. Я. Проппом функция птицы, как перенос героя в иное царство [Пропп 2004: 140], трансформирована в настоящем цикле в эпическом ключе, маркером перехода в иное царство является пограничная гора: I песня Б. Ц. — 5 (21) *erkülügün mönggön sayān ulān dēreni γarči genē* ‘Эркулюкской серебряной Белой горы / На вершину взобрался’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 5]; III песня Б. Ц. — 15 (24) *öndör sayān* (25) *ūlain oroī dēre γarči* ‘На вершину высокой Белой горой взобрался; и Внешнее море’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 15]; I песня Б. Ц. — 5 (23) *cāda biyidēn xalēxani nain tabun sarai* (24) *örgön kītün xara tengges öröu söröu xoyor urusxaltei: urusxulduni* (25) *üküriyin dungge xara čilün biye biyen gübdelden: ulān γal badarād: ulān* (26) *dungge sayān doligēn undū sundū cokād: nāda biyen ergeni dolōn mingγan* (27) *alda γalın ulān enge: utuγān ire iremeqtei: tere tenggesin ter* (28) *talani* ‘По ту сторону посмотрел / В восемьдесят месяцев / Широкое холодное чёрное море / С противоположным течением. / В этом течении чёрные камни величиной с корову / Бились друг об друга, / Иссекая красный огонь. / Белые волны величиной с гору / Бились туда-сюда. / Берег этой стороны / Семь тысяч саженей / Огненно-красный берег / С краями как лезвие / Расположившийся на той стороне того моря’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 5]; III песня Б. Ц. — 15 (29) *γazādaki γalab šartū tenggesin* 16 (1) *tere tala nutuqluqsan* ‘Внешнего моря Шарту, / На той стороне расположившегося’ [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 15–16].

Знаменательно, что суженой Джангар-хана является дочь хозяина Водного мира, как и суженые Гэсэр-хана, Хунан-Кара: I песня Б. Ц. — 5 (29) *naiman mingγan lübsarayān ezen güši zamba xāni kūken* ‘Хозяина восьми тысяч лубсурга⁴, Гюши Замба хана дочь’ [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 5].

⁴ Лубсурга (калм. *лувсрһ*) — в монгольской мифологии: дракон, владыка водной стихии и громовержец.

Поиски предназначенной суженой в ином мире, передвижение Джангар-хана по вертикальной оси мира указывают на сохранившийся древнейший пласт мотивов, отражающий дошаманские верования калмыков.

Е. М. Мелетинским отмечено: «Согласно первобытному миропониманию различные „миры“, в частности Верхний и Нижний, качественно однородны, и люди при жизни могут переходить из одного в другой» [Мелетинский 2004: 315].

В бурятском улигере «Абай Гэсэр» [Абай Гэсэр 1960: 70], Гэсэр три года живет в подводном царстве тестя, владыки вод Лосона. А. И. Уланов, описывая «оборотничество» в улигерах, пишет: «Универсальность „оборотнического“ взгляда дает возможность легко и непринужденно рисовать картины морской жизни и жизни небожителей как „вид“ земной жизни и становится почвой анимизма — одушевления всех вещей и явлений» [Уланов 1963: 219].

Роль отца суженой, тестя Джангар-хана, в теме «богатырского сватовства» настоящего цикла сохранена в рудиментарном виде, более того закодирована, но не утрачена: указано его имя, отмечено, что он является хозяином лубсурга и что он обладатель трех драгоценностей, но далее сюжет не развивает данный образ. Если провести параллель с алтайским сказанием «Кан-Шюлюти», отмеченным С. С. Суразаковым как «... образец архаического произведения о добыче героем жены с выполнением трудных поручений» [Суразаков 1985: 59], то можно расшифровать сохранившиеся рудиментарные представления об отце суженой в теме сватовства рассматриваемого цикла. С. С. Суразаковым отмечено, что «Трудные поручения, даваемые жениху, обличают в отце девушки (будущем тесте героя) человека, стремящегося к владению всеми силами природы, всеми „хозяевами“ ...» [Суразаков 1985: 59].

Приложение данного тезиса к материалам песен Багацохуровского цикла выявило следующее: слово *ээн* ('хозяин') применяется непосредственно к Джангар-хану, и только единожды, а в песне «О Хара Кинесе», употреблено еще и к его тестю — хозяину лубсурга, т. е. хозяину водной стихии, что отражает синкретизм первобытного сознания. Как замечено С. С. Суразаковым,

«... „хозяева стихий“ (они-то и называются *ээзи*) чаще всего выступают друзьями и помощниками героев, борьба с ними носит временный характер и всегда заканчивается братанием» [Суразаков 1985: 25]. Инвариантное ядро образов «хозяев» обнаруживается в «охотничьем» эпосе. По мнению С. С. Суразакова, «... сюжеты о встречах, борьбе и братании героев с подобного рода „хозяевами“ <...> в дошедшем до нас эпосе не выступают самостоятельно, а входят обычно как один из постоянных компонентов в состав сказаний о героическом сватовстве» [Суразаков 1985: 28].

Отталкиваясь от данного объяснения, можно предположить, что древний сказитель, исполнявший песни Багацохуровского цикла, недостаточно четко представил образ и роль отца суженой, но инвариантные ядерные компоненты все же сохранил, и при сравнительном анализе архаических эпосов можно выявить семантическую роль данного персонажа.

Другая ипостась тестя — это устроитель состязаний за суженую. Мотив *Участия героя в состязаниях за суженую* в цикле не обнаружен, повествование сохранило более древний мотив. Данный мотив является ядерным образованием архаического эпоса, это богоборческий мотив сражения и победы Джангар-хана над сыном Тенгрия: I песня Б. Ц. — 5 (30) *tenggerin köbün burхан сауān gedeq 6 (1) bātur: abn geji baqseni alji orkōd: naiman mingyan bāturini köldēn mürgūlēd* 'Сына Тенгрия, / Богатыря, именуемого Бурхан Цаган, / Который чуть было не взял в жёны [Герензел-хатун], убил, / Восемь тысяч его богатырей / К ногам преклонил' [РО БВФ СПбГУ. *Calm. C. 17. Л. 5–6*]; III песня Б. Ц. — 16 (13) *tenggerin (14) köbün burхан сауānigi dolōn mingyan (15) bātartaigini alji orkōd* 'Сына Тенгрия Бурхан Цагана / Вместе с его семьёю тысячами богатырями убив' [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 16].

Примечательно, что в рассмотренных архаических сказаниях, соперниками, претендующими на суженую богатыря, выступают представители небесного происхождения, к примеру, в тувинском Небесный Демир-Могё, в калмыцком — Сын Тенгрия, Бурхан Цаган.

В сюжете цикла отсутствует описание состязаний за суженую, но следует отметить сохранение двух их видов — скачки

и стрельба из лука. Оба состязания претерпели трансформацию относительно своего места в сюжете и выведены за пределы богатырского сватовства.

О скачках как о состязании за суженую можно понять из слов богатыря Алтана Чеджи: I песня Б. Ц. — 28 (2) *erte uridu ezen ĵanyar: ene gerenĵilēn abaxu caqtan: erkelūgīn* (3) *mōnggōn cayan ūlār bai kēd uruldaĵi: erebelzeqsen zērdēsu mini: arayam-(4)ĵi turši ĵarba gēd: kōkō daraxani kūdū xara alaxār külūq ulanīnin mini ōmnō xo-(5)yor belbencegani balbalūlalai gēd amīni tatad yabani* 'В давние, начальные [времена], когда хозяин Джангар / Эту свою Герензел брал в жёны, / Эркюлюкской серебристой белой горой / Мету сделав, скачки устроил. / «Стремительно-го Зерде моего / На аркан опередил!» — [Джангар-хан] говоря, / Кузнеца Кёке тяжёлым чёрным молотом / Скауну Улану моему передних ног щиколотки / Разбить заставил, — так вспоминая, придерживает [коня]' [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 28].

Эпизод стрельбы из лука в I песне Б. Ц. — 27 (12) *ūden engtei kōkō* (13) *ĵilenggīgi onolād: oqtoryuidu küren aldād* (14) *būqsuraĵaqsan urĵā zandan moduni oroī dēre* (15) *uyād unĵilsan: kibing šara torĵan utusig-giga* (16) *endel ūgei xarbād* 'С дверной косяк толщиной синюю стрелу выпустив, / Стремительно выросшего / Дерева сандал, с верхушки свисающую / Желтую шелковую нить / Без промаха прострелив...' [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 27] можно сравнить со стрельбой из лука в состязаниях за невесту в тувинском сказании «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»: Богатырь, чья стрела завтра утром сквозь [отверстие в] верблюжьей подвздошной кости пройдет, / [Отверстие в] лисьей подвздошной кости расширит, / Ушко у серебряной иглы обломит, / В ставовых возах дрова подожжет, / Железное [изваяние-] хожэ прострелит, / В победители выйдет, / Золотую дангыну Хюн-Хана возьмет [Тувинские героические сказания 1997: 341]. На наш взгляд, представленный эпизод стрельбы из лука в песне «О Хара Кинесе» — рудимент мотива состязаний за суженую. Аналогичных примеров стрельбы из лука в столь изощренную цель в других текстах не обнаружено. Более того, место данного эпизода в сюжете песни имеет явно вставной характер. Древний сказитель сохранил в своей памяти лишь рудименты о

героическом сватовстве, отдельные части которого становились составными частями других тем и сюжетов.

Свадебный пир в теме сватовства отсутствует, сам акт бракосочетания сформулирован сверхлаконично: I песня Б. Ц. — 6 (2) *mingyan eketü* (3) *xūbilyāyār xūbilēd abĉi* 'Тысячу раз перевоплощаясь, взял её в жёны' [РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 17. Л. 6]; III песня Б. Ц. — 16 (15) *gūši* (16) *zambain kūken arban dolōn nastani abaxi* (17) *gerenzele xatān abĉi* 'Дочь Гюши Замба / Которую семнадцатилетней должен взять / Ава Герензел хатун свою взял' [НА РГО. Оп. 1. Р. 53. Д. 15. Л. 16].

Выводы

Матримониальные коллизии, зафиксированные в песнях Багацохуровского цикла, демонстрируют ядерные инвариантные мотивы архаического эпоса, восходящие к мифологии и предшествующим эпическим традициям. Более того, сравнительно-типологический анализ песен цикла и сказаний о сватовстве алтайцев, бурят и тувинцев, также указывает на архаичные корни цикла. При исследовании выявлена роль тестя, который является хозяином водной стихии, чей образ восходит к «охотничьему» эпосу. Описание инвариантной роли тестя стало возможно с привлечением эпосов тюрко-монгольских народов Сибири. Также выявлено, что в рассмотренных сказаниях, и тексты Багацохуровского цикла не исключение, суженой героя выступает представительница Водного мира, а соперниками, претендующими на суженую богатыря, выступают представители небесного происхождения. Мотивы поиска суженой в другом мире, передвижение Джангар-хана по другим мирам также демонстрирует архаичность цикла. Отсюда следует вывод, что песни Багацохуровского цикла основаны на инвариантном ядерном мотивном фонде архаического эпоса, как и эпос тюрко-монгольских народов Сибири, сравнение с которым проливает свет на многочисленные древние мотивы или же их рудименты, которые иначе объяснить и описать не представляется возможным.

Как отмечалось нами ранее, возможное развитие данного цикла раскрывается в свете теории «первоначального ядра» [Убушиева 2019: 67]. Путем нарастания и «разбухания» ядерных тем и мотивов архаиче-

ского эпоса стало возможно образование Багацохуровского цикла калмыцкого эпоса «Джангар». Трансформация предшествующей архаической традиции в классический

героический эпос «Джангар» происходила в русле общих закономерностей развития эпического творчества.

Источники

- Абай Гэсэр 1960 — Абай Гэсэр /сост. А. И. Уланов. Улан-Удэ: Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, 1960. 315 с.
- РО БВФ СПбГУ — Рукописный отдел Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Olon bum burхан üde dumduni üdelegsen... (= Сотни тысяч бурханов в полдень пребывают в покое...) (Рукопись на ойратском языке).
- НА РГО — Научный архив Русского географического общества. Песни и сказки Калмыцкого народа Астраханской Губернии Багацохуровского улуса // Оп. 1. Разряд 53. Д. 15. (Рукопись на ойратском языке).
- Тувинские героические сказания 1997 — Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.

Sources

- [Abai Geser]. A. I. Ulanov (comp.). Ulan-Ude: Buryat Inst. for Compr. Studies, 1960. 315 p. (In Russ.)
- [Hundreds of Thousands of Burkhans Rest in Peace at Noon ...]. In: Manuscript Department, Library of Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University. Calm. C. 17. File 1770. Pp. 1–28. Lines 30–31. (In Oirat)
- [The Kalmyks of Bagatsokhorovsky Ulus, Astrakhan Governorate: Songs and Fairy Tales]. In: Scientific Archive of the Russian Geographical Society. Ser. 1. Cat. 53. File 15. (In Oir.).
- [Tuvan Heroic Legends]. S. M. Orus-ool (comp.). Novosibirsk: Nauka, 1997. 584 p.

Литература

- Гребнев 1960 — Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос (Опыт историко-этнографического анализа). М.: Вост. лит., 1960. 147 с.
- Жирмунский 1960 — Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Восточная литература, 1960. 335 с.
- Кичиков 1997 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологи-

ческое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.

- Манджиева 2018 — Манджиева Б. Б. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 264 с.
- Мелетинский 2004 — Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Неклюдов 2015 — Неклюдов С. Ю. Эпос в мировой литературе // Шаги-steps. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015. С. 7–22.
- Орус-оол 2011 — Орус-оол С. М. «Джангар» и эпос тюрко-монгольских народов // Избранные научные труды. Научное издание. Абакан: ООО «Журналист», 2011. С. 35–44.
- Пропп 1958 — Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1958. 603 с.
- Пропп 2004 — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2004. 332 с.
- Путилов 1971 — Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
- Селеева 2019 — Селеева Ц. Б. «Героическое сватовство» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. 2019. № 2. С. 65–78.
- Суразаков 1985 — Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.
- Тулохонов 1991 — Тулохонов М. И. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» // Бурятский героический эпос / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 1991. С. 10–37.
- Убушиева 2019 — Убушиева Д. В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 57–69.

- Уланов 1963 — Уланов А. И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ: Бурятск. кн.изд-во, 1963. 220 с.
- Хабунова 2006 — Хабунтова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.

References

- Grebnev L. V. [The Tuvan Heroic Epic: an Attempted Historical and Ethnographic Analysis]. Moscow: Vost. Lit., 1960. 147 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. [The Heroic Epic of *Jangar*: Poetic Constants of the Hero's Life Circle (a Comparative Insight into National Versions)]. Rostov-on-Don: North Caucasus Scient. Cent., 2006. 256 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. [The Heroic Epic of *Jangar*: a Comparative and Typological Study of the Monument]. Moscow: Vost. Lit., 1997. 320 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. [The Kalmyk Heroic Epic of *Jangar*: a Study Suppl. with Texts from Dava Shavaliyev's Epic Repertory]. Elista: Kalm. Sc. Cent. of RAS, 2018. 264 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. [Origins of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments]. Moscow: Vost. Lit., 2004. 462 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The epic in world literature. *Shagi/Steps*. 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 7–22. (In Russ.)
- Orus-ool S. M. The *Jangar* and epic of the Turko-Mongol. In: [Selected Scholarly Works: an Academic Edition]. Abakan: Zhurnalists, 2011. Pp. 35–44. (In Russ.)
- Propp V. Ya. [Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. Moscow: Labirint, 2004. 332 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. [The Russian Heroic Epic]. 2nd ed., rev. Moscow: Goslitizdat, 1958. 603 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. [The Russian and South Slavic Heroic Epic: a Comparative and Typological Study]. Moscow: Nauka, 1971. 315 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. 'Heroic matchmaking' in Xinjiang-Oirat version of 'Dzhangar': story construction and compositional structure. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 2. Pp. 65–78. (In Russ.)
- Surazakov S. S. [The Altaian Heroic Epic]. Moscow: Nauka, 1985. 256 p. (In Russ.)
- Tulokhonov M. I. The Buryat heroic epic of *Alamzhi Mergen*. In: [The Buryat Heroic Epic]. M. I. Tulokhonov (comp.). Novosibirsk: Nauka, 1991. Pp. 10–37. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Motives of 'tuul-uliger' (the archaic epos) in the heroic epos 'Dzhangar'. *The New Philological Bulletin*. 2019. No. 1 (48). Pp. 57–69. (In Russ.)
- Ulanov A. I. [The Buryat Heroic Epic]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1963. 220 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. [The Tale of Alpamysh and the Heroic Tale]. Moscow: Vost. Lit., 1960. 335 p. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 4, pp. 716-727, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-716-727
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37

Монголоязычные версии «Сутры о восьми светоносных» (монг. *Найман гэгээн*, калм. *Нэамн гегэн*): об истории изучения и списках в фондохранилищах России

Саглар Викторвна Мирзаева¹, Бямбажав Тувшинтугс²

¹ Калмыцкий научный центр Российской академии наук (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo@list.ru

² Монгольский государственный университет (п/я 377, 1, проспект Молодежный, район
 Сухбаатар, 210646 Улан-Батор, Монголия)
 заведующий кафедрой монгольского языка и языкознания
 ORCID: 0000-0002-1447-8924. E-mail: btuvshintugs@num.edu.mn

Аннотация. *Введение.* Важной частью письменного наследия тибето-монгольского буддизма являются переводные сочинения, которые вошли в канонические своды — Ганджур и Дан-джур — и ритуальные сборники, а также распространялись как самостоятельные тексты. Одно из таких сочинений, широко представленных в монголоязычной литературной традиции, — «Сутра о восьми светоносных» (монг. *Найман гэгээн*, калм. *Нэамн гегэн*). Китайский оригинальный текст носит название «Сутра о восьми светоносных (букв. 'солнечных'), проповеданная Буддой», или «Баянь-цзин» (кит. *fó shuō tiāndì bā yáng shén zhòu jīng*, сокращ. *bāyáng jīng*). Сутра относится к поджанру дхарани-сутр, имевших в буддизме Ваджраяны в первую очередь ритуальное предназначение, поскольку их начитывание сулило различные блага и устранение препятствий. Как правило, в тибетской традиции дхарани-сутры относились к слову Будды, однако на раннем этапе формирования буддийского канона на тибетском языке компиляторы, очевидно, следовали китайской традиции, в которой эта сутра считается апокрифической, поскольку в ней прослеживаются элементы даосизма и традиционных китайских верований. Несмотря на то, что она не вошла в каталог «Дэнкарма» и ранние рукописные издания Кагьюра ветви Тхемпангма, впоследствии сутра была включена в его ксилографические издания, а также в различные собрания канонических текстов. В книжной традиции монгольских народов аутентичность сутры не подвергалась сомнению, что подтверждают ее многочисленные рукописные и ксилографические списки, самые ранние из которых датируются периодом династии Юань (XIV в.). Также сутра входит в круг основных буддийских текстов, переведенных Зая-пандитой Намкай Джамцо с тибетского на ойратское «ясное письмо». *Цель статьи* — введение в научный оборот информации о публикации и истории изучения тибетских, уйгурских, монгольских и ойратских версий сочинения, а также об основных списках на монгольском, ойратском и тибетском языках в российских фондохранилищах. Привлечение тибетских и уйгурских переводов представляется необходимым, поскольку они использовались монгольски-

ми переводчиками в ходе работы над текстом сутры. *Задачи* — поиск и выявление списков «Сутры о восьми светоносных» согласно данным каталогов. *Основные методы исследования* — метод источниковедческого анализа и поисковый. *Выводы*. Текст сутры, переведенный с оригинального китайского текста, представлен в тибето-монгольской литературной традиции, а также среди уйгурских переводов, двумя основными версиями, соотносимыми с ранним и поздним переводами. Кроме того, можно говорить об отличающейся от китайского оригинала тибетской редакции сутры, которая получила распространение и среди монгольских народов как ритуальный текст. Анализ данных каталогов монгольских и ойратских рукописей российских фондов показывает, что «Сутра о восьми светоносных» представлена большим количеством ксилографических и рукописных образцов на монгольском, ойратском и тибетском языках.

Ключевые слова: «Сутра о восьми светоносных», Найман гэгээн, Баянь-цзин, тибетские переводы, уйгурские переводы, монголоязычные переводы, дхарани-сутра, апокриф, списки сутры

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Автор выражает искреннюю признательность Любове Кенденовне Хертек (Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований) и Мире Викторовне Бавуу-Сюрюн (Тувинский государственный университет) за предоставление возможности ознакомиться с текстом «*Qutuytu naiman gegegen orošiba*».

Для цитирования: Мирзаева С. В. Монголоязычные версии «Сутры о восьми светоносных» (монг. *Найман гэгээн*, калм. *Нээмн гегэн*): об истории изучения и списках в фондохранилищах России. *Oriental Studies*. 2019 (4): 716-727. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-716-727.

UDC 821.512.37

Mongolian-Language Versions of *The Sutra of the Eight Luminous* (Mong. *Найман гэгээн*, Kalm. *Нээмн гегэн*): a History of Studies and Copies in Russian Repositories

*Saglara V. Mirzaeva*¹, *Byambajavyn Tuvshintugs*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate

ORCID: 0000-0002-8542-0260. E-mail: kundgabo@list.ru.

² National University of Mongolia (postbox 377, 1, Zaluuchudyn Ave., Sukhbaatar District, 210646 Ulaanbaatar, Mongolia)

Head of Department for Mongolian Language and Linguistics

ORCID: 0000-0002-1447-8924. E-mail: btuvshintugs@num.edu.mn

Abstract. Introduction. A significant part of the written heritage of Tibetan and Mongolian Buddhism is formed by translated literature included in compilations of the Tibetan Buddhist canon — *Kangyur* (*Kanjur*) and *Tengyur* (*Tanjur*) — and compendiums of ritual texts, and, moreover, distributed as independent texts. One of such texts widely represented in the Mongolian literary tradition is *The Sutra of the Eight Luminous* (Mong. *Naiman gegeen*, Kalm. *Näämн gegän*). The Chinese original text of the sutra is called *The Sutra of the Eight Luminous* (lit. ‘solar’) (*Ones*) *Preached by the Buddha*, or *Bayang Jing* (Chin. *fó shuō tiāndì bā yáng shén zhòu jīng*, abbreviated — *Bāyáng Jīng*). The sutra belongs to the subgenre of dharani-sutras which had been primarily connected with ritual in Vajrayana Buddhism since the texts are said to bestow various benefits and eliminate obstacles. Usually, in the Tibetan tradition dharani-sutras are viewed as ‘the word of Buddha’. However, at early stages of the formation of the Tibetan Buddhist canon its compilers obviously followed the Chinese tradition which

considers this sutra to be apocryphal since the text includes certain elements of Taoism and traditional Chinese beliefs. Despite the fact the sutra was absent in the ‘*Ldankarma*’ catalogue and the early handwritten Kangyur editions of the Thempangma branch, it was later included in the xylographic editions, as well as various collections of canonical texts. In the literary tradition of Mongolic peoples the authenticity of the sutra was never questioned. This is evidenced by the numerous handwritten and xylographic samples of the text, the earliest of which date to the Yuan dynasty (14th c. AD). Besides, the sutra is a major Buddhist texts translated by Zaya Pandita Namkhai Jamtso from Tibetan into Oirat using his developed Clear Script. *Goals*. The article seeks to provide information on the publication and history of studies related to the Tibetan, Uighur, Mongolian and Oirat versions of the sutra, as well as to give a list of the Mongolian, Oirat and Tibetan copies of the sutra contained in Russian repositories. *The main methods* include the source analysis and searching ones. *Conclusions*. The text of the sutra translated from the original Chinese text is represented in the Tibetan and Mongolian literary traditions, as well as among the Uyghur translations in the form of two main versions to be correlated to both early and late translations. Besides, the paper concludes there is a later Tibetan version of the sutra which differs from the Chinese original, and it is the former that was actually spread among the Mongolic populations as a ritual text. The analysis of the Mongolian and Oirat manuscript catalogues shows that *The Sutra of the Eight Luminous* has quite a number of xylographic and handwritten copies in Mongolian, Oirat and Tibetan scripts.

Keywords: *The Sutra of the Eight Luminous*, *Naiman gegegen*, *Bayang Jing*, Tibetan translations, Uighur translations, Mongolian-language translations, dhāraṇī-sūtra, apocrypha, sūtra copies

Acknowledgments: The reported study was conducted within a government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of the Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

The author expresses sincere gratitude to Lyubov K. Khertek (Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research) and Mira V. Bavuu-Syuryun (Tuvan State University) for the provided opportunity to examine the text titled ‘*Qutuytu naiman gegegen oroṣiba*’.

For citation: Mirzaeva S. V. Mongolian-Language Versions of *The Sutra of the Eight Luminous* (Mong. *Найман гэгээн*, Kalm. *Нээмн гэгэн*): a History of Studies and Copies in Russian Repositories. *Oriental Studies*. 2019 (4): 716-727. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-716-727.



Введение

«Сутра о восьми светоносных неба и земли» (тиб. *‘phags pa gnam sa snang ba brgyad ces bya ba’i theg pa chen po’i mdo / sangs rgyas kyi chos gsal zhing yangs pa snang brgyad ces bya ba’i mdo, snang brgyad kyi mdo*, классич. монг. *qutuy-tu (oytarui yaṣar-un) naiman gegen neretü yeke kölgen sudur / qarsi ḡasaqu naiman gegegen neretü sudur*, ойр. *xutuqtu ogtoryui yazariyin nayiman gegēn neretü yeke kölgen sudur / xarsi zasaxu naiman gegēn neretü sudur*, совр. монг. *Найман гэгээн, калм. Нээмн гегэн*, сокр. «Сутра о восьми светоносных») — одна из сутр буддизма Махаяны, получивших широкое распространение среди монгольских народов.

Она относится к поджанру дхарани-сутр, небольших повествований, в которых Будда Шакьямуни в ответ на чью-либо просьбу дает и объясняет сакральную фор-

мулу *дхарани*, избавляющую от несчастий и дарующую различные блага, как правило, мирского характера, однако встречаются и *дхарани*, произнесение которых позволяет двигаться по пути к Пробуждению и достигать конечной цели [Davidson 2009: 142]. Дхарани-сутры, входящие в корпус текстов сутр, относятся к слову Будды — *буддхавачане*, и по этой причине в тибетской литературной традиции многие из них были включены в своды буддийского канона Кангюр (тиб. *bka’ ‘gyur* ‘перевод слова [Будды]’) и Тэнгюр (тиб. *bstan ‘gyur* ‘перевод комментариев [к слову Будды]’), а также ввиду своей ритуальной направленности — в известные сборники обрядовых текстов «Сундуй» (тиб. *gzungs bsdus* ‘собрание *дхарани*’) и «Доманг» (тиб. *mdo mangs* ‘собрание сутр’). Сказанное относится и к «Сутре о восьми светоносных», однако стоит от-

метить, что в китайской традиции эта сутра считается апокрифической, поскольку в ней прослеживаются элементы даосизма, концепций инь-янь, пяти великих элементов, восьми будд / бодхисаттв и др., характерных именно для китайского буддизма. Эта точка зрения, очевидно, была принята и компиляторами ранних версий Кагьюра ветви Тхемпангма (тиб. *them spangs ma*) и каталога «Дэнкарма» (тиб. *ldan dkar ma*), поскольку в них она отсутствует. Факт ее включения в каталог «Пантангма» (тиб. *'phang thang ma*) и более поздние, ксилографические, издания Кагьюра ветви Цэлпа (тиб. *tshal pa*) — чонэское, дергеское, пекинское, литанское, рагьяское, ургинское, а также в бутанские издания канона — Додедрак и Пхаджодинг — и западно-тибетскую каноническую коллекцию Рерук, свидетельствует о том, что со временем «Сутра о восьми светоносных» была признана истинным словом Будды. В книжной традиции монгольских народов аутентичность сутры не подвергалась сомнению: первые переводы на монгольский язык, напечатанные в ксилографическом виде, были выполнены в начальный период распространения буддизма при династии Юань и впоследствии, вероятно, после процесса редактирования были включены в рукописное (XVII в.) и ксилографическое (XVIII в.) издания Ганджура. Кроме того, известно, что текст сутры печатался отдельным ксилографом в Пекине в XVIII в. «Сутра о восьми светоносных» входит в число текстов, переведенных известным ойратским просветителем Зая-пандитой Намкаем Дзамцо (1599–1662) с тибетского на ойратский язык, что также свидетельствует о ее значимости как буддийского сочинения в традиции монгольских народов.

Данная статья носит обзорный характер и посвящена истории изучения и публикации тибетских, уйгурских и монгольских переводов сутры и описанию монгольских, ойратских и тибетских списков сочинения в основных российских фондохранилищах. Включение в объекты исследования тибетских и уйгурских версий представляется необходимым, поскольку именно к ним обращались монгольские переводчики при работе над текстом того или иного буддийского сочинения. Несмотря на значительное количество списков «Сутры о восьми светоносных» в коллекциях мон-

голяязычных рукописей и ксилографов и ее активное функционирование в буддийском ритуале вплоть до современности, в научной литературе рассматривались лишь монгольские переводы (В. Хайссиг [Heissig 1976], Л. Лигети [Ligeti 1971], А. Шаркози [Sárközi 1969], О. Сербба [Срба 2017]), ойратские прежде не выступали предметом научного исследования.

Оригинал сутры

В исследовательской литературе общепринята точка зрения о том, что оригиналом этой сутры является китайский текст «Сутра о восьми светоносных (букв. 'солнечных'), проповеданная Буддой», или «Баянь-цзин» (кит. *fó shuō tiāndì bā yáng shén zhòu jīng*, сокращ. *bāyáng jīng*). Ю. Ода, занимающийся уйгурскими версиями памятника, предполагает, что текст был составлен в конце VIII в. — первой половине IX в., в период династии Тан (предположительно, в столице династии — г. Чанган), после чего был переведен на тибетский, тангутский, хотанский, уйгурский и монгольские языки [Oda 2015: 30].

Как указано выше, в китайской традиции эта сутра считается апокрифом и поэтому не была включена в канон, за исключением Трипитаки издания Тайшо, однако даже в нем она помещена под № 2897 в том 85 вместе с текстами, подлинность которых вызывает сомнение. Всего в Тайшо-Трипитаке встречается шесть версий сутры, которые, согласно колофонам, представляют собой разные переводы с санскрита, выполненные Чжицзяном (220–280), Гаутамои Праджняручи (перв. полов. VI в.), Сангхапалой, Джнянагуптой (523–600), И-цзином (635–713).

Отсылки к индийским переводчикам, а также к таким известным личностям китайского буддизма, как Чжицзян¹ и И-цзин, можно рассматривать как попытки легитимизировать сутру как аутентичное писание. Интересно отметить, что подобные стремления отмечаются и в тибетской традиции: в руководстве по исполнению ритуала *видху*² по «Сутре о восьми светоносных», во-

¹ Он известен как первый переводчик текстов Махаяны на китайский язык.

² *Видху* (санскр. *vidhi*, тиб. *cho ga*) — функциональный жанр буддийской ритуальной литературы, включающий в себя руководства по исполнению ритуала по тому или иному тексту.

шедшем в собрание сочинений Карма Чагмэ Ринпоче, говорится, что оно было составлено известным махаянским философом Нагарджуной (II–III вв.) [Rin chen...].

Ю. Ода пишет о том, что первое упоминание о сутре встречается в китайском каталоге «*Zhenyuan xinding shijiao mulu*» (800 г.), однако, согласно данным К. Кийотакэ, впервые название сутры упоминается в дополнительном томе сочинения «*Kaiyuan lu*» (730 г.) (цит. по: [Oda 2015: 30–31]). По мнению Ю. Оды, главным свидетельством апокрифического характера сутры является то, что она включает фрагменты других сочинений китайского происхождения (например, «*Zhoutu jing*») и *дхарани* имен божеств, упоминаемых в апокрифической сутре «*Guanding jing*» [Oda 2015: 30–31].

Китайский оригинальный текст содержит фрагменты из «Сутры сердца» и «Лotosовой сутры», что может свидетельствовать о том, что он был составлен в период активного распространения этих сутр в китайской культуре. Анализ упоминаний сутры «Баянь-цзин» в официальных документах Китая показывает, что ее текст печатался и использовался в ритуалах наряду с текстами вышеупомянутых сутр, а также сутр культа Будды Амидабхи. Д. М. Морман упоминает сутру «Баянь-цзин» в контексте древнего японского ритуала «погребения сутр» (англ. *sutra burial*), когда спонсоры подносили тексты тех или иных сутр³ для захоронения с целью достижения Освобождения для себя и своих близких [Moerman 2010: 85]. Кроме того, текст сутры был включен в ксилографическое издание буддийского канона на корейском языке, а также распространен в настоящее время среди вьетнамских буддистов.

Тибетские переводы

Тибетские переводы сутры рассматривались исследователями А. Спаниэн и И. Ёширо, С. Нисиокой (цит. по: [Oda 2015: 35]), Р. Стейна [Stein 2010: 1–91], Ю. Оды [Oda 2015: 35]. Исследователи выделяют три версии: две из них соотносятся с китайским текстом «Баянь-цзин» и представляют собой ранний («старый») и поздний («но-

вый»)⁴ переводы, основное различие между которыми заключается в способах перевода буддийской терминологии; третья же версия, представленная в сборниках «Сундуй» и «Доманг», отличается по содержанию от китайского оригинала и, вероятно, является более поздней редакцией сутры. Первые тибетские переводы сутры С. Нисиока датирует периодом владычества Тибета в Дуньхуане — 824–841 гг. (цит. по: [Oda 2015: 64]). Основываясь на том, что сутра отсутствует в каталоге «Дэнкарма» (824 г.), но упоминается в каталоге «Пантангма» (842 г.), мы придерживаемся такой же датировки. В разделе *Gzungs* 'дхарани' каталога «Пантангма» о ней сообщается следующее: «*Дхарани* благородного тысячерукого и тысячеокого Авалокитешвары, видья-мантра, сутра и *дхарани* под названием „Восемь светоносных“ были переведены с китайского и хотанского языков⁵» (тиб. *'phags pa spyan ras gzigs phyag stong spyan stong gi gzungs / snang brgyad ces bya ba'i rig sngags / mdo dang gzungs 'di rnams rgya dang li las bsgyur*) [Dkar chag...]. Р. Стейн предполагает, что перевод все же был осуществлен с китайского, и приводит отрывки из других текстов, в которых тибетским *li* 'Хотан' переводится китайское *Tangchao* 'династия Тан' [Stein 2010: 12].

В коллекции текстов Дуньхуана сохранились многочисленные китайские, тибетские и уйгурские варианты сутры, что лишний раз свидетельствует о ее популярности в регионе Шелкового пути. Об этом также говорит присутствие в коллекции китайского текста сутры, транскрибированного тибетскими буквами. Возможно, он был составлен для начитывания его как магического текста, своего рода *дхарани* [Stein 2010: 12]. В колофонах двух тибетских рукописей сутры указаны имена переписчиков (возможно, переводчиков) — монахов Пэлгьи Дордже (тиб. *dge slong Dpal gyi rdo rje*) и Шераб Ода (тиб. *dge slong Shes rab 'od*) [Stein 2010: 91]. Среди тибетских версий Дуньхуана представлены и ранний, и

³ Наиболее популярными текстами для подобных подношений были «Лotosовая сутра», «Сутра золотого блеска», Сукхавативьюха-сутра [Moerman 2010: 75].

⁴ Речь идет о периодизации переводных сочинений, согласно которой они делились на старые, выполненные до разработки унифицированной буддийской терминологии, проведенной специальной комиссией при царе Тисон Дэцэне, и новые. Ранние переводы характеризуются стремлением следовать китайской терминологии, поздние опираются на индийскую традицию.

⁵ Перевод автора.

поздний переводы. Ниже в таблице представим различные способы перевода неко-

торых буддийских терминов согласно данным Р. Стейна [Stein 2010: 19–21].

Таблица 1. Способы перевода буддийских терминов в «старых» и «новых» тибетских переводах «Сутры о восьми светоносных»

[Table 1. Means of translation of Buddhist terms in 'old' and 'new' Tibetan versions of *The Sutra of the Eight Luminous*]

Санскрит	Китайский	«Старые» переводы	«Новые» переводы	Русский перевод
<i>dharmā</i>	<i>dao</i>	<i>lam, chos, chos lam</i>	<i>chos, dam pa'i chos</i>	Дхарма, Учение Будды
<i>saṃsāra</i>	<i>shengsi</i>	<i>skye shi</i>	<i>'khor ba</i>	сансара
<i>sūtra</i>	<i>jing</i>	<i>chos, yi ge, chos kyi yi ge, gzhung, dharma, darma</i>	<i>mdo, mdo sde</i>	сутра
<i>ārya</i>	<i>sheng, shen</i>	<i>'phrul gyi</i>	<i>'phags pa</i>	благородный
<i>tīrthika</i>	<i>waidao</i>	<i>mur dug ('dug) pa</i>	<i>mu stegs can</i>	еретик
<i>punya</i>	<i>fu, de</i>	<i>legs pa'i dpal</i>	<i>bsod nams</i>	благая заслуга
<i>guṇa</i>	<i>fu</i>	<i>dpal yon</i>	<i>yon tan</i>	достоинство, благое качество

Стоит отметить, что в Кагьюр вошла сокращенная версия «Сутры о восьми светоносных», объем которой составляет около ¼ дуньхуанских переводов [Oda 2015: 35]. Именно каноническая версия из пекинского издания Кагьюра была переведена впервые на европейский язык в 1891 г. Ю. Вебером и Г. Хутом [Weber, Huth 1891]. Отдельно стоит упомянуть, что в тибето-монгольской литературной традиции «Сутра о восьми светоносных» породила определенное количество текстов ритуальных руководств *vidhu*, подношений воскурений *санг* (тиб. *bsangs*) и золотого напитка *серкем* (тиб. *gser skyems*).

Уйгурские переводы

Как было упомянуто выше, в дуньхуанской рукописной коллекции сохранились многочисленные уйгурские переводы сутры. Ю. Ода пишет о том, что она является самым распространенным буддийским текстом на уйгурском языке, если судить по количеству сохранившихся рукописных и ксилографических вариантов в коллекциях Дуньхуана и Турфана [Oda 2015: 8]. О ее популярности говорит также факт существования комментаторской литературы на уйгурском языке, посвященной «Сутре о восьми светоносных» [Oda 2015: 37]. Исчерпывающий библиографический обзор исследований, посвященных уйгурским версиям сутры, содержится в монографии Ю. Оды [Oda 2015: 7–9], в которой, помимо исследовательской части, представлен

сводный уйгурский текст «Сутры о восьми светоносных» с параллельным китайским оригиналом. Из перечисленных Ю. Одой научных работ наибольший интерес для нас представляет статья Л. Лигети «*Autour du Säkiz yükmäk yaruq*» («О сутре „Восемь светоносных“»), в которой также рассматриваются монгольские версии сочинения [Ligeti 1971].

Среди уйгурских переводов также выделяют ранний и отредактированный переводы, различающиеся в первую очередь названиями⁶. Ранние переводы, представленные в рукописном виде, выявлены в Дуньхуане («лондонская» рукопись) и Турфане (2 фрагмента из коллекции Киото, фрагменты, хранящиеся в Берлине и Санкт-Петербурге). Более поздний перевод представлен в рукописных (более ста фрагментов,

⁶ Ранний перевод носит название «*Tngri burxan yrliqamış tngri yirli sākiz yükmäk yaruq bügülig arviş nom bitig bir tægzinč*» («Тайная дхарани-сутра «Восемь светоносных неба и земли», один свиток», сокращ. «*Sākiz yükmäk yaruq*»), поздний — «*Tngri tngri burxan yrliqamış tngri yirli sākiz törlügin yarumış yaltrimış idug darni tana yip atly sudur nom bitig bir tægzinč*» («Святая дхарани «Излучающая свет неба и земли восемью способами», писание, называемое «Руководство», данное Буддой, высшим из богов, один свиток», сокращ. «*Sākiz törlügin Yarumış Yaltrimış*»). В колофоне одного из поздних переводов указано имя переводчика — Шингхо Шэли Тутун (уйг. *Şingqo Şali Tutung*) [Oda 2015: 24].

обнаруженных в Турфане, за исключением одного текста из Дуньхуана) и ксилографических (XIV в.) образцах. В сохранившихся ксилографических фрагментах представлены два издания:

- 1) издание Чен Нинга⁷;
- 2) издание, спонсором которого выступил некий Дордже-даругачи⁸ [Oda 2015: 28–29].

Интересно отметить, что в вырезании досок для ксилографических изданий уйгурского и монгольского переводов «Сутры о восьми светоносных» участвовал один и тот же человек — Анандашри. В колофоне одного ксилографического текста на уйгурском языке упоминается, что он участвовал в издании текстов Ушнишавиджайи, Амитаюса, Ситатапатры и сутры «Баянь-цзин» [Oda 2015: 37]. Возвращаясь к вопросу об апокрифичности «Сутры о восьми светоносных», на основании приведенных данных можно заключить, что в уйгурской традиции сутра считалась истинным словом Будды.

Монгольские переводы

Дошедшие до нас монгольские переводы представлены как в ксилографическом, так и в рукописном виде. Самый ранний неполный ксилографический текст сутры, датируемый XIV в., сохранился среди письменных памятников Хара-хото [Yoshida, Chimeddorji 2008: 134].

В. Хайссиг выделяет две основные монгольские версии — раннюю версию А, представляющую собой перевод китайского «Баянь-цзин», и версию В, восходящую к тибетской поздней редакции сутры и отличающуюся по содержанию от китайского оригинала [Heissig 1976: 300–319]. Более распространенная в монгольской письменной традиции версия А печаталась отдельным ксилографом, а также была включена в Ганджур и имеет колофон: «Йогачарин, [практик учения маха] мудры, Таши Ринчен составил на основе китайского тек-

ста⁹; досточтимый Сурьяшри внес дополнительное пожертвование; учитель Намашри (Амлашри)¹⁰ искусно переписал; незапятнанный Гадашри (Анандашри) и другие вырезали [текст] на деревянных досках¹¹, после чего [сутра] получила распространение среди людей»¹² (монг. *kitad-un nom-ača tamγ-a yogačaris Krisis rinčen nayirayul-un ayay-a tegimlig Suriyasiri-ber nemegesün lab yuyilayulju Namasiri bayši sayitur jokiyaŋ bičigüljü ariyun-a yadasiri kigediyer qabtasun-dur čuyulyaŋ ayui ulus irgen-e tügejü delgeregölbei*) [Qutuy-tu oyтары... 1974: 602].

П. Циме пишет о том, что указанные в колофоне имена имеют тюркское происхождение (цит. по: [Oda 2015: 37]), что подтверждают данные Ю. Оды о резчике Анандашри, участвовавшем также в подготовке уйгурского перевода «Сутры о восьми светоносных». На основании колофона версию А можно датировать первой половиной XIV в., что подтверждает и анализ языка текста, поскольку в нем обнаруживаются черты доклассического монгольского языка. Версия В, имеющая в названии дополнительный компонент «исправляющая неблагоприятные [факторы]» (монг. *qarsi jasaqu*), также была отпечатана отдельным ксилографом и вошла в состав монгольских ксилографических изданий «Сундуя» 1707, 1727 и 1729 гг. и, очевидно, имеет более позднее по сравнению с версией А происхождение.

Ойратский перевод

«Сутра о восьми светоносных» представлена также в переводе на ойратский язык, выполненном Зая-пандитой Намкай Джамцо. В списке переведенных им сочинений она упомянута под № 11 «*Naiman gegen*» [Норбо 1999: 54]. Кроме того, там же

⁷ Кит. *Chen Ning*, резчик, вырезавший текст, имя которого указано на титульной странице ксилографа. О нем известно, что он участвовал в печати издания буддийского канона монастыря Циша Яншенгсы (кит. *Qisha Yangshengsi*) в период династии Юань [Oda 2015: 28].

⁸ Даругачи (кит. *daluhuachi*) — официальный титул династии Юань.

⁹ Тиб. *Bkra shis rin chen*. Возможно, это духовный наставник императора Ринчен Таши (тиб. *Rin chen bkra shis*) периода династии Юань [Oda 2015: 37], или учитель школы Кадам (тиб. *bka' gdams mkhan po*), живший в XIII в. (Buddhist Digital Resource Center [электронный ресурс] // URL: <https://www.tbrc.org/#!rid=P1343> (дата обращения: 18.03.2019)).

¹⁰ В колофоне одной из рукописей дается другое написание *Amlasiri* [Srba 2017: 229].

¹¹ У Л. Лигети дается написание *Anandasiri* (цит. по: [Srba 2017: 229]).

¹² Перевод автора.

под № 26 указано сочинение «*Quriyangyui naiman gegen*» («Сокращенная [версия] «Восьми светоносных»») [Норбо 1999: 54], очевидно, представляющее собой краткую версию сутры, однако до настоящего времени оно не сохранилось. В цифровой библиотеке ойратских рукописей фонда «Тод номын гэрэл» представлены две рукописи сутры¹³. Также ряд рукописей «Сутры о восьми светоносных» хранится в частных коллекциях. Анализ текстов позволяет сделать вывод, что в сохранившихся ойратских переводах представлена версия, соответствующая версии В монгольских переводов. В колофоне одной из рукописей написано: «Перевел на монгольский монах Рабджам[ба] Зая-[пандита] по просьбе упасики Дары, ставшей милостынедательницей для высшего Учения Будды, держательницей нераздельного [с ней] Учения и наделенной чистой верой»¹⁴ (ойр. *aryā burxan-ni šajini oqligöyün ezen bolun ang-gijiyin ügei šajin kigēd šajin bariqčini takigči ariun süzüqtü Dhara ubasanča monyolčilo kemēn duraduqsan-du toyin Rab 'byams Za ya pandita orčiulbai*)¹⁵

В разделе монографии Х. Лувсанбалдана «Тод үсэг, түүний дурсгалууд» («Ясное письмо и его памятники»), в котором приводятся сведения об указанных в колофонах ойратских рукописей инициаторах того или иного перевода, об упасике¹⁶ Даре (монг. *Дарь увшинз*) сообщается, что она являлась дочерью Хо-Урлюка и женой Эрдэнэбаатара-хунтайджи и известна также как Юм Агас. В российских архивных документах она упоминается как *Дарь убасалча*. Кроме того, она (*Дарь эх*) упоминается как инициатор перевода в колофоне «Сутры Белозонтичной Тары» [Лувсанбалдан 1975: 132–133]. Ойратский пере-

вод можно датировать периодом переводческой деятельности Зая-пандиты Намкай Джамцо — 1638–1650 гг.

Списки ксилографов и рукописей «Сутры о восьми светоносных» в фондохранилищах России

В заключительной части статьи мы хотим дать описание списков «Сутры о восьми светоносных» на монгольском и тибетском языках в фондохранилищах России. Присутствие тибетоязычных текстов сутры в коллекциях письменных памятников объясняется тем, что официальным языком буддийской культуры монгольских народов был и остается тибетский язык [Сыртыпова, Гармаева, Базаров 2006: 12], а также ее активным функционированием в контексте буддийских обрядов жизненного цикла.

А. М. Позднеев пишет о том, что сутра «Найман гэгээн» начитывалась монгольскими ламами во время обрядов благословения новорожденного (монг. *хүүхэд ариалах*), устранения препятствий *мэнгэ засал*, жилийн оролгон, связанных с астрологией, и отпевания покойного [Позднеев 1993: 414–415, 426–427, 432–433, 464]. «Сутра о восьми светоносных» читалась наряду с сутрами из цикла праджняпарамиты, «Манджушри-нама-самгити», «Панчаракшей», «Сутрой золотого блеска» («Алтан гэрэл»), «Сутрой собрания благоприятствования» («Өлзий давхар») и др.

Современный венгерский исследователь Ж. Майер упоминает эту сутру в числе текстов, которые рекомендуются монгольскими ламами для чтения людям, потерявшим близких (наряду с другими текстами «Сундую», Ганджура, «Барче ламсел» (от тиб. *bar chad lam sel*)) [Majer 2018: 367].

В фондах Института восточных рукописей РАН хранятся 4 ксилографических текста — 2 пекинских (№№ 2565–2566) и 2 бурятских (№№ 2567–2568)¹⁷ — и 18 рукописных списков (№№ 2569–2587) сутры на монгольском языке, относящихся к версии А [Сазыкин 2001: 44–49]. № 2588 (шифр В 19(1) (В 22) / Q 3403) представляет собой ойратскую рукопись сутры [Сазыкин 2001: 49; Яхонтова 2014: 21]. Они включе-

¹³ Digital Library for International Research [электронный ресурс] // URL: <http://www.dlir.org> (дата обращения: 18.03.2019).

¹⁴ Перевод автора.

¹⁵ Xutuqtu oqtoruyi yazariyin nayiman gegēn kemēkü orošiboi [Святая [сутра] под названием «Восемь светоносных неба и земли»] — [электронный ресурс] // URL: <http://www.dlir.org/archive/archive/files/1e9189196e3f3c19daab679a7e20909c.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

¹⁶ Упасика (санскр. *upāsikā*, тиб. *dge bsnyen ta*, монг. ойр. *ubasanča*) — мирянка, практикующая буддизм.

¹⁷ В «Каталоге бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга» А. Г. Сазыкин определяет ксилограф № 2567 как издание Гусиноозерского дацана [Сазыкин 2004: 93].

ны А. Г. Сазыкиным в раздел «Буддийская каноническая литература». Две монгольские рукописи версии В — №№ 3298–3299 [Сазыкин 2001: 207] — входят в раздел «Сборники текстов, используемых во время обрядов и богослужений». Туда же под № 3300 (шифр (B150 (1) (B 174), (II, 26)) включен ойратский рукописный текст «*Xu-tuqtu oqtoruui nayiman gegēn kemēkū toqtōl*» («Святая *дхарани* «Восьми светоносных [земли и] неба»»), возможно, из «Сундуя» [Яхонтова 2014: 23].

В третьем томе каталога указан рукописный текст комментария к «Сутре о восьми светоносных» — № 4236 (С 49, КДА, 101) «*Naiman gegen-ü tayilburi neretü orosibai*» («Комментарий к «Восьми светоносным»») [Сазыкин 2003: 44].

В «Индексах к каталогу монгольских рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета» В. Л. Успенского указаны два рукописных текста сутры: «*Oytaryui yaĵar-un naiman gegen orosiba*» («Восемь светоносных неба и земли») (146/2<157>) и «*Qutuy-tu oytaryui yaĵar-un naiman gegen neretü yeke kölgen sudur tarni nigen jüil-tü bičig ene bui*» («Святая *дхарани*-сутра Махаяны «Восемь светоносных неба и земли», один раздел») (069) [Index to the Catalogue... 2000: 65, 77].

Монгольский рукописный текст «*Qutuytu naiman gegegen orošiba*» («Святая [сутра] о восьми светоносных») из четырех листов, содержащий *дхарани* божеств, хранится в научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований [Qutuytu naiman gegegen orošiba].

Что касается тибетоязычных текстов сутры, в коллекциях Калмыкии сохранилось пять рукописных образцов, а также один текст *дхарани* [Музраева 2012: 64, 66, 108, 121, 129, 179]. Кроме того, из публикаций российских исследователей, в которых вводятся в научный оборот обрядовые сборники «Сундуй» и «Доманг», бытовавшие на территории России, известно, что в их составе представлена и «Сутра о восьми светоносных» [Музраева 2018: 89; Зорин, Макарова 2016: 53; Зорин 2017: 70].

Заключение

Несмотря на свое китайское происхождение, «Сутра о восьми светоносных» получила широкое распространение в буддизме Тибета и монгольских народов и считалась истинным словом Будды. Анализ истории формирования тибетских, уйгурских и монголоязычных версий сутры показывает, что, как правило, она была представлена двумя основными версиями, относившимися к раннему и более позднему переводам. Кроме того, вероятно, уже в тибетской традиции была создана другая редакция сутры, отличающаяся от китайского оригинала, которая вошла в сборники обрядовых текстов «Сундуй» и «Доманг» и получила распространение в письменной традиции монгольских народов. Ее популярность объясняется функционированием в буддийских ритуалах: в частности, в монгольской традиции ее начитывали в ритуалах, связанных с жизненным циклом. Сутра представлена в российских фондах тибетских и монголоязычных рукописей значительным количеством ксилографических и рукописных образцов.

Источники

- Dkar chag... — Dkar chag 'phang thang ma (= Каталог «Пантангма»). Pe cin [Пекин], Mirigs dpe skrun khang [Народное изд-во], 2003. 205 p. [электронный ресурс] // URL: <https://www.tbrc.org/#!rid=W26008> (дата обращения: 18.03.2019).
- Rin chen... — Rin chen gter mdzod chen mo (= Обширная сокровищница драгоценных *терма*). Vol. 69. Pp. 123–149 [электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-

O205784CZ202920%7CW20578 (дата обращения: 18.03.2019).

Sources

- [The 'Phang thang ma Catalogue]. Beijing: People's Publ. House, 2003. 205 p. An Internet resource: <https://www.tbrc.org/#!rid=W26008> (accessed: March 18, 2019). (In Tib.)
- [The Vast Treasury of Precious Terma]. Vol. 69. Pp. 123–149. An Internet resource: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O205784CZ202920%7CW20578 (accessed: March 18, 2019). (In Tib.)

Литература

- Зорин 2017 — Зорин А. В. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН // MONGOLICA-XVIII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 67–74.
- Зорин, Макарова 2016 — Зорин А. В., Макарова Ю. С. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения // MONGOLICA-XVII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 52–60.
- Лувсанбалдан 1975 — Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд (=Ясное письмо и его памятники). Улаанбаатар: ШУАХ, 1975. 356 х.
- Музраева 2012 — Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.
- Музраева 2018 — Музраева Д. Н. Из истории бытования сборника буддийских текстов «Сундуй» у калмыков (на материале коллекции Э. Б. Убушиева, хранящейся в научном архиве КалмНЦ РАН) // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). 2018. Вып. 3. С. 68–94.
- Норбо 1999 — Норбо Ш. Зая-пандита (материалы к биографии) / пер. со старописым. монг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Позднеев 1993 — Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Репринтное изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Сазыкин 2001 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.
- Сазыкин 2003 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук. Т. III. М.: Вост. лит., 2003. 280 с.
- Сазыкин 2004 — Сазыкин А. Г. Каталог бурятских ксилографированных и литографированных изданий из коллекций Санкт-Петербурга. Kyoto: Kishimoto Printing Co., 2004. 172 с.
- Срба 2017 — Срба О. «Огторгуй газрын найман гэгээн» судрын асуудалд: «Харш засах найман гэгээн» судрын нэгэн шинэ хувилбар // The Mongolian Kanjur. International Studies / ed.-in-chief S. Chuluun. Ulaanbaatar: Institute of History and Archaeology, 2017. Pp. 224–246.
- Сыртыпова, Гармаева, Базаров 2006 — Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А. Буддийское книгопечатание XIX – нач. XX вв. Улан-Батор: [б. и.], 2006. 222 с.
- Яхонтова 2014 — Яхонтова Н. С. Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // Мир «ясного письма». Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–26.
- Davidson 2009 — Davidson R. M. Studies in Dhāraṇī Literature I: Revisiting the Meaning of the term Dhāraṇī // Journal of Indian Philosophy. 2009. No. 37 (2). P. 97–147.
- Heissig 1976 — Heissig W. Die Mongolischen Handschriften-Reste aus Olon-süme Innere Mongolei (16.–17. Jahrhundert). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976. 633 s.
- Index to the Catalogue... 2000 — Index to the Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / compil. by Uspensky V. L., Inoue O. and Takami T. Tokyo: University of Tokyo Press Production Center, 2000. 186 p.
- Ligeti 1971 — Ligeti L. Autour du *Säkiz yükmäk yaruq* (= О сутре «Восемь светоносных») // Studia Turcica / ed. by L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971. Pp. 291–319.
- Majer 2018 — Majer Z. Preliminary Notes on Tibetan After-Death Rites and their Texts in Mongolian Buddhist Practice // Aspects of Mongolian Buddhism 1. Past, present and Future / ed. by A. Birtalan, K. Teleki, Z. Majer, C. Fahidi, A. Rákos. Budapest: L'Harmattan, 2018. Pp. 348–375.
- Moerman 2010 — Moerman D. M. The Death of the Dharma: Buddhist Sutra Burials in Early Medieval Japan // The Death of Sacred Texts: Ritual Disposal and Renovation of Texts in the World Religions / ed. by K. Myrvold. Aldershot: Ashgate Publ., 2010. Pp. 71–90.
- Oda 2015 — Oda Ju. A Study of the Buddhist Sūtra called *Säkiz Yükmäk Yaruq* or *Säkiz Törlügin Yarumiš Yaltrimiš* in Old Turkic. Turnhout: Brepols Publ. 319 p.
- Qutuγtu naiman gegen orošiba — Qutuγtu naiman gegen orošiba (= Святая [сутра] «Восемь светоносных») // Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований. Кн. ф. Ед. хр. 1154.
- Qutuγ-tu oγtarγui... 1974 — Qutuγ-tu oγtarγui yaǰar-un naiman gegen neretü yeke kölgen sudur (= Святая сутра Махаяны под названием «Восемь светоносных неба и земли») //

- Mongolian Kanjur. Vol. 24. Śata-piṭaka series. 1974. New Delhi. Pp. 581–602.
- Sárközi 1969 — *Sárközi A.* “Qarsi jasaqu naiman gegegen neretü sudur” // Preklasszikus Emlékek, Mongol Nyelvemléktár XV. Budapest, 1969. P. 59–78.
- Stein 2010 — *Stein R. A.* Rolf Stein’s Tibetica Antiqua: with additional materials / by Rolf Stein; translated [and updated] by Arthur P. McKeown. Leiden–Boston, Brill. 384 p.
- Weber, Huth 1891 — *Weber Ju., Huth G.* Das buddhistische Sūtra der „Acht Erscheinungen“ // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Vol. 45, No. 4. 1891. S. 577–591.
- Yoshida, Chimeddorji 2008 — *Yoshida Yu., Chimeddorji.* Study on the Mongolian documents found at Qaraqota. Tokyo: Yūzankaku, 2008. 410 p.
- References**
- [The Supreme [Sutra] of the Eight Luminous]. In: Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research, Scientific Archive. Book Repository. Item No. 1154. (In Mong.)
- [The Supreme Mahayana [Sutra] Titled ‘The Eight Luminous (Ones) of Heaven and Earth’]. In: Mongolian Kanjur. Vol. 24. Śata-Piṭaka series. New Delhi, 1974. Pp. 581–602. (In Mong.)
- Davidson R. M. Studies in dhāraṇī literature I: revisiting the meaning of the term *dhāraṇī*. *Journal of Indian Philosophy*. No. 37 (2). 2009. Pp. 97–147. (In Eng.)
- Heissig W. [16th–17th-Century Mongolian Manuscripts from Olon-sūme, Inner Mongolia]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976. 633 p. (In Germ.)
- Index to the Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Uspensky V. L., Inoue O. and Takami T. (comps.). Tokyo: University of Tokyo Press Production Center, 2000. 186 p. (In Eng.)
- Ligeti L. About *Säkiz Yükmäk Yaruq*. In: [Studia Turkica]. L. Ligeti (ed.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971. Pp. 291–319. (In Fr.)
- Luvsanbaldan Kh. [The Clear Script and Its Monuments]. Ulaanbaatar: Mong. Acad. of Sc., 1975. 356 p. (In Mong.)
- Majer Z. Preliminary notes on Tibetan after-death rites and their texts in Mongolian Buddhist practice. In: Aspects of Mongolian Buddhism 1. Past, Present and Future. A. Birtalan et al. (eds.). Budapest: L’Harmattan, 2018. Pp. 348–375. (In Eng.)
- Moerman D. M. The death of the Dharma: Buddhist sutra burials in early medieval Japan. In: The Death of Sacred Texts: Ritual Disposal and Renovation of Texts in the World Religions. K. Myrvol (ed.). Aldershot: Ashgate, 2010. Pp. 71–90. (In Eng.)
- Muzraeva D. N. The *gZungs ‘dus* Buddhist texts collection: excerpts from the history of its existence among the Kalmyks (a case study of E. B. Ubushiev’s collection from the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). *Oriental Studies*. 2018. Is. 3. Pp. 68–94. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. [Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Textual Sources Contained in the Collections of Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Norbo Sh. [Zaya Pandita: Biographic Materials]. D. Muzraeva, K. Orlova, V. Sanchirov (transl.). Elista: Kalm. Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Oda Ju. A Study of the Buddhist Sūtra called *Säkiz Yükmäk Yaruq* or *Säkiz Törlügin Yarumış Yaltrimış* in Old Turkic. Turnhout: Brepols, 2015. 319 p. (In Eng.)
- Pozdneev A. M. [Sketches of the Life of Buddhist Monasteries and Clergy in Mongolia, in Connection with the Latter’s Relation to the People]. Reprint. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 512 p. (In Russ.)
- Sárközi A. ‘Qarsi jasaqu naiman gegegen neretü sudur’. In: [Pre-Classical Monuments: Archives of the Mongolian Language. XV]. Budapest, 1969. Pp. 59–78. (In Hun.)
- Sazykin A. G. [A Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs Contained in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Vol. II. Moscow: Vost. Lit., 2001. 415 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [A Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs Contained in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Vol. III. Moscow: Vost. Lit., 2003. 280 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [Catalogue of the Buryat Xylographs and Lithographs Preserved in St. Petersburg’s Collections]. Kyoto: Kishimoto Printing Co., 2004. 172 p. (In Russ. and Eng.)
- Srba O. About a 17th-century Mongolian manuscript of the *Qutuγtu Oγtarγui yaǰar-un Naiman Gegen* (*Gnam sa snang brgyad*). In: [The Mongolian Kanjur. International Studies]. S. Chuluun (ed.). Ulaanbaatar: Mong. Acad. of Sc., 2017. Pp. 224–246. (In Mong.)

- Stein R. A. Rolf Stein's *Tibetica Antiqua*: with additional materials. Arthur P. McKeown (transl., etc.). Leiden–Boston: Brill, 2010. 384 p. (In Eng.)
- Syrtyanova S. D. et al. [Buddhist Book-Printing: 19th – early 20th cc.]. Ulaanbaatar, 2006. 222 p. (In Russ.)
- Weber Ju., Huth G. The Buddhist Sutra of the 'Eight Luminous'. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Vol. 45. No. 4. 1891. Pp. 577–591. (In Germ.)
- Yakhontova N. S. Oirat manuscripts and xylographs in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. In: [The World of the Clear Script]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2014. Pp. 5–26. (In Russ.)
- Yoshida Yu., Chimeddorji. Study on the Mongolian Documents Found at Qaraqota. Tokyo: Yūzankaku, 2008. 410 p. (In Jap.)
- Zorin A. V. A bundle of manuscripts in Tibetan from Kalmykia on the 18th century Russian paper kept at the IOM RAS. In: [Mongolica-XVIII]. Coll. papers. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. Pp. 67–74. (In Russ.)
- Zorin A. V., Makarova Yu. S. Two Kalmykian manuscript copies of the Tibetan collected book 'Mdo mangs' kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore. In: [Mongolica-XVII]. Coll. papers. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016. Pp. 52–60. (In Russ.)





Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 4, pp. 728–731, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-728-731
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930(5)+294.3(5)

Рец. на: Панчен-лама Лосанг Еше. Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: обнаженное руководство по этапам пути просветления // пер. с тиб., коммент. и прил. А. В. Лощенкова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.

Леонид Евгеньевич Янгутов¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, координатор отдела
ORCID 0000-0001-7368-0092. E-mail: yanguta@mail.ru

Для цитирования: Янгутов Л. Е. Рец. на: Панчен-лама Лосанг Еше. Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: обнаженное руководство по этапам пути просветления // пер. с тиб., коммент. и прил. А. В. Лощенкова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с. *Oriental Studies*. 2019;(4):728-731. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-728-731.

UDC 930(5)+294.3(5)

Book Review: Panchen Lama Losang Yeshe. *Lamrim «Bystryi put' k vsevedeniyu»: obnazhennoe rukovodstvo po etapam puti prosvetleniya* [The Lamrim Titled 'A Swift Path to Omniscience': an Essential Guidance on the Stages of the Path to Enlightenment]. A. Loshchenkov (transl., comment., appendix). Ulan-Ude: Buryat Scient. Center (Sib. Branch) of RAS, 2018. 224 p.

Leonid E. Yangutov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Chief Research Associate, Department Coordinator
ORCID: 0000-0001-7368-0092. E-mail: yanguta@mail.ru

For citation: Yangutov L. E. Book Review: Panchen Lama Losang Yeshe. *Lamrim «Bystryi put' k vsevedeniyu»: obnazhennoe rukovodstvo po etapam puti prosvetleniya* [The Lamrim Titled 'A Swift Path Leading to Omniscience': an Essential Guidance on the Stages of the Path to Enlightenment]. A. Loshchenkov (transl., comment., appendix). Ulan-Ude: Buryat Scient. Center (Sib. Branch) of RAS, 2018. 224 p. *Oriental Studies*. 2019;(4): 728-731. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-44-4-728-731.



В издательстве Бурятского научного центра СО РАН опубликована монография кандидата исторических наук А. В. Лощенкова, представляющая собой перевод с тибетского языка и комментарии сочинения второго Панчен-ламы Лосанга Еше (1663–1737) «Ламрим „Быстрый путь к всеведению“: обнаженное руководство по этапам пути просветления». Это сочинение представляет собой памятник тибетской буддийской мысли, относящийся к восьми «великим текстам Ламрим», которые содержат изложение этапов пути к просветлению. Традиция написания текстов Ламрима восходит к классическому сочинению «Bodhipathapradipa» («Светильник Пути Просветления»), написанному знаменитым индийским пандито Дипамкара Шриджняной, известным как Атиша. Текст был написан специально для тибетцев в XI в. по прибытии Атиши в их страну. В дальнейшем выдающиеся деятели тибетского буддизма, включая и знаменитого Цзонхаву (Чжэ Цонкапу), создавали свои труды в контексте Ламрима. Свой перевод, являющийся первым в отечественной литературе, А. В. Лощенков предваряет подробными биографическими сведениями об авторе. Такие сведения практически отсутствуют в нашей литературе.

Изложенные автором перевода биографические сведения основываются исключительно на тибетских источниках и впервые подробно знакомят российских читателей с биографией одного из высших иерархов тибетского буддизма. В биографической части монографии сообщается, что Панчен-лама Лосанг Еше родился в области Цанг Центрального Тибета в 1663 г. В 1664 г. Пятый Далай-лама Нгаванг Лосанг Гьяцо (1617–1682) распознал в нем перерожденца своего Учителя — Панчен-ламы I Лосанга Чогьена, и в 1667 г. он пригласил юного Лосанг Еше в монастырь Ташилунпо в г. Шигатзе. Там Лосанга Еше посадили на золотой трон. Его учителем стал Лосанг Тендзин.

Когда Лосангу Еше исполнилось 8 лет, он прибыл в Центральный Тибет, где произошла его встреча с Далай-ламой V. В том же году он начал слушать лекции Далай-ламы, включая учение Чжэ Цонкапы. В 1670 г. Далай-лама V совершил формализованный

ритуал принятия Лосанга Еше в ученики и посвятил его в гецулы, даровав ему имя Второго Панчен Лосанга Еше. Ему также были преподнесены в дар тридцать пять лошадей с седлами, которые были украшены золотом и серебром.

В 1684 г., когда Лосангу Еше исполнилось двадцать один год, он прошел полное обучение по буддийской доктрине и практике. А когда ему исполнилось двадцать два года, он принял полные монашеские обеты гелонга. В 1713 г. император Канси издал указ, дарующий Панчен-ламе титул Эрдэни (см.: [Панчен-лама Лосанг Еше 2018: 16–18]).

По свидетельству тибетских источников, Второй Панчен лама Лосанг Еше внес большой вклад в развитие гелукпинской традиции буддизма. Он много путешествовал, проповедуя Учение, написал сочинения, которые составили четыре тома комментариев к классическим буддийским текстам. С 1670 г. по 1737 г. Панчен-лама являлся настоятелем монастыря Ташилунпо. После его смерти 31 июля 1737 г. его тело по завершении приготовительных работ поместили в огромную ступу (см.: [Панчен-лама Лосанг Еше 2018: 19]).

Из приведенной А. В. Лощенковым биографии второго Панчен-ламы Лосанга Еше становится очевидным, что второй Панчен-лама внес большой вклад в развитие тибетского буддизма. Будучи учеником Наванга Лосанга Гьяцо, который вошел в историю буддизма как выдающийся религиозный деятель, Великий Далай-лама V, он достойно продолжил начатое своим учителем дело по укреплению буддизма в Тибете.

Что касается самого переведенного текста, то необходимо отметить, что он занимает особое место среди множества текстов из серии Ламрима. В нем раскрывается уникальность тибетской практики пути просветления, которая заключается в одновременной реализации путей сутр и тантр, рассматриваемых в неразрывном единстве, что является важным источником письменной и устной традиции. Среди множества текстов Ламрима существуют 8 текстов, которые считаются восемью великими текстами Ламрима. Текст второго Панчен-ламы Лосанга Еше, как показано во вводной части

монографии, включает в себя содержание этих текстов.

Особенностью переведенного А. В. Лощенковым текста является то, в нем содержатся рекомендации для предварительного вхождения в учения тантр. Описание каждой медитации данного текста дается в контексте структуры Ламрима и основывается на тантрической практике «Гуру-йоги». Написанный в тексте «Быстрого Пути» комментарий Панчен-ламы Лосанга Еше делает акцент на практической стороне Ламрима и на методике ускорения процесса прохождения стадийных этапов для духовного созревания личности в медитативном процессе. В тексте предложен комментарий ко всем практикам, предназначенным для малой, средней и высшей личностей. По своей структуре текст напоминает древовидную форму. В соответствии с этой структурой медитации излагаются в определенной последовательности, в контексте заданной темы. Каждая из заданных тем состоит из двух больших блоков. Первый блок посвящен разъяснению того, что необходимо делать в процессе медитативной сессии. Второй блок содержит указание того, что следует совершать в промежутках между сессиями. В свою очередь первый блок сам разделяется на три части. Это подготовительная, основная и заключительная части.

Подготовительная часть содержит обращение к учителю, которого следует воспринимать как Будду Ваджрадату. После этого восприятия следует изложить просьбу о получении благословения для достижения заданной темы. И, наконец, третья часть предполагает созерцание «потока лучей света и благоухание нектара». Во время этого созерцания устраняются те препятствия, которые мешают обретению постижений. Все это завершается вновь озаряющим светом лучей и благоуханием нектара. Таким образом, как показано в переведенном А. В. Лощенковым тексте Лосанга Еше, тексты, излагающие учение Ламрим, имеют строго определенную структуру, обязательную для всех текстов. Но при этом содержательная часть может иметь некоторые различия. Здесь могут быть расставлены разные акценты в объяснении тех или иных аспектов практики медитации, т. е. в одном случае де-

лается акцент на подготовительной части, в другом случае делается акцент на практике непосредственного созерцания. Также в текстах могут быть даны разные инструкции по прохождению стадийных этапов для духовного созревания личности в медитативном процессе. Допускаются небольшие различия в самой структуре текстов. Например, некоторые пункты пояснения процесса медитации могут меняться местами или объединяться в зависимости того или иного акцента (см.: [Лощенков 2015: 67]).

Весьма ценными представляются содержащиеся в конце монографии индексы терминов и ключевых слов, а также имен собственных и географических названий.

Ответственным редактором данной монографии является доктор философских наук И. С. Урбанаева, известный специалист в области исследования тибетского буддизма, автор ряда монографических исследований, в том числе переводов с тибетского языка на русский сочинений выдающихся учителей дхармы — Шантидевы, автора «Бодхичарьяаватара», Ра Лоцавы, автора «Намтар Досточтимого: Всепроницающий Звук Барабана Совершенного Освобождения Могущественного Мастера Тантры», Намка Пхела, автора «Лоджонг, „Лучи солнца“».

И в заключение необходимо отметить, что монография А. В. Лощенкова, представляющая собой перевод текста Панчен-ламы Лосанга Еше «Ламрим „Быстрый путь к всеведению“: обнаженное руководство по этапам пути просветления» имеет несомненную научную значимость. Она знакомит читателей с биографией и творчеством одного из выдающихся деятелей тибетского буддизма — второго Панчен-ламы, изложившего быстрый вариант прохождения этапов пути к просветлению. Перевод, осуществленный на высоком научном уровне, дополнен индексами терминов и ключевых слов, а также имен собственных и географических названий, что во многом облегчает понимание текста, а также может послужить большим подспорьем для исследования сотериологии тибетского буддизма и перевода других текстов серии Ламрима. Монография А. В. Лощенкова представит несомненный интерес для историков, религиоведов, востоковедов, а также широкого круга читателей.

Литература

- Панчен-лама Лосанг Еше 2018 — *Панчен-лама Лосанг Еше*. Ламрим «Быстрый путь к всеведению»: обнаженное руководство по этапам пути просветления // пер. с тиб., коммент. и прил. А. В. Лощенкова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
- Лощенков 2015 — *Лощенков А. В.* Структура и содержание тибетского буддийского текста Ламрим Нюрлам (быстрый путь) // *Aspectus*. 2015. № 3. С. 63–68.

References

- Panchen Lama Losang Yeshe. [The Lamrim Titled 'A Swift Path to Omniscience': an Essential Guidance on the Stages of the Path to Enlightenment]. A. Loshchenkov (transl., comment., appendix). Ulan-Ude: Buryat Scient. Center (Sib. Branch) of RAS, 2018. 224 p. (In Russ.)
- Loschenkov A. V. The structure and content of the Tibetan Buddhist text Lamrim Nyurlam (Swift Path). *Aspectus*. 2015. No. 3. Pp. 63–68. (In Russ.)



НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2019. № 4

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 04.10.2019.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 19,76.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 14-19.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)